

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Болдырев (Курск)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
М. В. Хлебников (Новосибирск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Кристина Кармалита
начальник отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Рябов
редактор отдела общественно-политической жизни

Елена Богданова
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

7/2020

Содержание

ПРОЗА

Игорь КОРНИЕНКО. Давай взорвем весь этот свет! (Письма с вулкана). Роман.	3
Елена САВЕЛЬЕВА. Под крышей дома. Рассказ.	79
Аркадий ШУМАРИН. Глаза волка. Рассказ.	101
Станислав СОКОЛОВ. «Лебединое озеро». Рассказ.	116
Марина КРАПИВИНА. Жердина. Сказ.	122

ПОЭЗИЯ

Иван ВАСИЛЬЦОВ. Плацкартные облака. Стихи.	74
Ольга КОРЗОВА. «Есть время для ветра и снега...» Стихи.	98
Пустынный покой. <i>Сергей КАЛАШНИКОВ,</i> <i>Алексей КОВАЛЕВСКИЙ, Станислав ФЕДОТОВ,</i> <i>Григорий КНЯЗЕВ, Вера КАЛМЫКОВА.</i> Стихи.	112

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Георгий КУНИЦЫН. Марксизм в России начинался со лжи.	129
Илья СТЕФАНОВ. Воспоминание об Алжире.	158

Новосибирскому государственному краеведческому музею — 100 лет

Мария ОВЧАРОВА. Коллекции народов Поволжья в фондах Новосибирского государственного краеведческого музея.	175
---	-----

Картинная галерея «Сибирских огней»

Андрей КУЗНЕЦОВ. Женин сад.	188
---	-----

<i>Авторы номера</i>	191
----------------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Игорь КОРНИЕНКО

ДАВАЙ ВЗОРВЕМ ВСЬ ЭТОТ СВЕТ!
(Письма с вулкана)

Р о м а н

Книга первая

ЛЕТО В АТЛАНТИДЕ

Ежевичный бог

Рассказ Ивана, написанный в юности

(Вместо предисловия)

— Эйя, эйяфэ... Черт!

Собраться с мыслями — не про него. И на седьмом небе не летает. Задумывается и часто очень глубоко ныряет в себя.

В нем самый настоящий вулкан, прямо в районе желудка. Иногда из него брызжет раскаленная морковно-алая магма, иногда вулкан спит и в жерле — черная ледяная пустота. А бывает, наполняется чистой бирюзовой водой с грациозно плавающими разноцветными рыбами, похожими на бабочек, и он плюхается к ним, совсем не умея плавать...

Очередное утро лета без даты. Время и цифры тоже не про него. Время останавливает таймер с первым днем каникул и включает первого сентября.

Поэтому известно лишь, что было утро, солнце жгло зеленую листву сада, неизвестные птицы горланили, предвещая конец света. Да, именно так, с этой мыслью о завершении всего сущего проснулся Иван под птичий хор — не к добру, к концу.

Еще никогда он не слышал такой пернатой ярости. Птицы гудели, трубили, птицы возвещали страшную весть.

А всего каких-то пять минут назад мальчик Ваня стоял в темной комнате с закрытыми глазами и боялся их открыть. То, что вокруг темно, знал наверняка, тьма ощущается кожей, проникает сквозь пупырышки страха внутрь, растекается дрожью по телу. Отец любит так шутить: пошлет его за папиросами в зал, а как сын окажется далеко от двери — закроет ее и вырубит свет с помощью красной кнопки на счетчике.

Хоть заорись — не откроет.

Не сразу Иван привык к темноте, не сразу перестал слезно просить выпустить его. На третий раз он услышал темноту. Осознал, что она живая. В четвертый даже не пискнул, не вздрогнул, всем нутром погрузившись в непроглядную темень.

Сходив за специально оставленными отцом папиросами в пятый раз, Иван заговорил с темнотой. И тьма ответила ему.

Во сне же он стоял с закрытыми глазами, как в первый раз, только что-то изменилось, он видел это своим третьим глазом, что есть у всех мальчишек, пока они не повзрослеют, — в этот раз в темной комнате он был не один. Весь зал битком набит людьми ему совсем незнакомыми, чужими, мертвыми... Они стоят, тесно прижимаясь к нему со всех сторон, и не дышат. И Ваня перестал дышать. Нерешительный в реальности, таким же он остался и во сне, стесняясь что-то нарушить, изменить, он подстроился под темноту, под людей в темноте, он набрал сколько смог воздуха и перестал дышать. Минута — он слился с тенями, с молчанием и темнотой. Его не стало бы, он исчез, растворился бы еще через минуту, но птицы ворвались в сон. Разбуженные, потревоженные неизвестностью, за которой откровение, они разбили окно, снесли стены и крышу, вырвали Ивана из сна в светлую солнечную комнату. Не к добру, к концу.

Хотя, если по-честному, Ваня каждый день просыпался в последнем дне. Ему так было проще. Спокойней, как думал он, ныряя в жерло вулкана к рыбам-бабочкам. Жить в последнем дне — значит не ждать ничего большего от других, следующих дней, от будущего.

Но птицы? Это что-то новенькое...

Иван выпрыгнул из кровати к окну. Солнце шлепнуло по глазам огненной ладошкой.

— Эйя, эйяфэ... Черт! — зажмурился, вместо пернатых кричало солнце, оно билось, пульсировало в щелке прикрытых век мальчика. — Шина, Леха, велосипед.

Сказал, громко отчеканил заклинание, запланированное на сегодняшнее утро дело. Поход в магазин «Спорттовары» за покрывшкой к Лешкиной «Украине», договорились на сто рядов к открытию магазина быть как штык. Два штыка.

И птицы договору не помеха.

Не умываясь, натянув только шорты, босиком, сначала на цыпочках через столовую, чтобы не разбудить родителей, спящих в зале, в прихожую, где на застекленной веранде джунгли из алоэ и герани. Дальше проскользнуть мимо пристройки, где живет бабушка, между вишней и абрикосовыми деревьями, перепрыгивая грядки, к забору, тут дело привычки, ноги, руки все делают по инерции, сами... Цепляется Ваня за секретные выступы, забирается на забор, который все еще пачкает белилами после побелки перед родительским днем. Спрыгнул, стараясь не сильно удариться о землю пятками. Свежа история о мальчике, стукнувшимся пяточками об пол и скончавшемся на месте. Представил — ярко,

ощутимо, — как токовым разрядом пронзает сначала ноги, разряд бьет вверх, парализуя колени, земля вонзается в живот, останавливает сердце, выключает мозг.

Поежился Ваня, эта история, пожалуй, самая честная из всех услышанных.

Основано на реальных событиях.

За забором заскулил проспавший юного хозяина пес Кекс. Рексом на самом деле называли черно-белую дворнягу, но младшая сестренка упрямо картавила, и следом за ней все в доме стали звать Рекса Кексом. С дурацкой кличкой пришлось смириться и Ване, а после привык, и Рексу нравилось, он и похож был на кекс — добрый, лопухий, сдобный пес. Дрыхший под птичий армагеддон и не услышавший босых ног возле уха.

На цыпочках свинтил от скулящего пса Ваня.

Леха жил в двухэтажном доме сразу за дворовой площадкой с заброшенным бассейном, поросшим кустами олеандра.

В это утро розовые цветки дурманили до тошноты еще до поворота к бассейну. А это метров двадцать, если не больше. У олеандра не только ядовитый запах, вызывающий дикую головную боль, но и сок. Попав внутрь, он запросто может остановить сердце.

Позапрошлым летом Ивану посчастливилось не помыть руки после прятков в кустах бассейна, сначала он потерял глаза — глаза взорвались, потом всю ночь голова раскалывалась грецким орехом, а вместо снов распускались зубастые цветки, вгрызались в его мозг и пожирали его, рвали в клочья грудь, живот. Под утро Ваня еле успел добежать до туалетного домика в конце двора и не выходил оттуда битый час.

— Яд вышел, — скажет папа и погладит по ежику, вечной стрижке Вани-школьника, — только мамам не рассказывай, а то мне влетит.

Папина мама и Ванина мама в тот день олеандра уехали с ночевкой в Черный Город, после таких поездок в доме пахло нефтью, а бабушка прятала в своем тайном шкафу на улице баночку с густой черной субстанцией, обладающей, как слышал не раз Ваня, чудодейственными заживляющими свойствами.

Вспоминая о баночке, пахнувшей морем, вечностью, Ваня пролетел мимо бассейна с ядовитыми зелено-розовыми лианами-змеями, выдохнул лишь у квартиры шесть на втором этаже, постучав условным секретным кодом. Отдышался, снова постучал. Приложил ухо к деревянной двери, тут дверь и открылась.

— Ваня? — бабушка Леша, баба Зоя, в теплой ночной сорочке, удивленно осмотрелась вокруг, будто кого искала. — Лешка только вот ушел, с этим, как его? Ну, кудрявый такой, на черта похож...

— Вадим, что ли? Зверек?..

Зверьком Вадима прозвали после случая еще в начальной школе: как-то, играя в двенадцать палочек, Вадим психанул, что в очередной раз ему выпало водить, схватил палку больше него длиной и давай бегать за всеми с диким ревом.

— Он самый, Зверек, — взмахнула руками баба Зоя. — Ой, и не люблю я его, зверька этого, глазки, как у крысеньша, хитрые, зыркает туда-сюда, будто украсть что хочет. Торопил еще моего, мол, давай скорей, пока не открылся. Отражатели ему на кой черт какие-то нужны. Что это за отражатели, Вань?

Иван промычал невнятно, из жерла вулкана ударил столб раскаленной магмы — так, что заслезилось в глазах.

— Это на велик, на спицы кругляши такие, чтобы ночью ездить. Я побегу, баба Зоя, спасибо.

— Ерунда какая-то, — старушка снова взмахнула руками. — А ты единственный хороший, хотя и самый младшенький, или, постой, Зверек этот помладше будет?

— Зверек, ага, помладше, — и Ваня, перепрыгивая через три ступени, сбежал вниз под нарастающий гул извержения.

Солнце закричало в лицо. Птицы подхватили. В руке у Ивана появился камень, тяжелый, во всю ладонь, мальчик замахнулся и швырнул булыжник в небо. Камень оцарапал ладонь, врезался в светило и расколол солнце на две ровные половины. И да, из солнца хлынула кровь, и была она красного цвета.

Горячие капли солнечной крови на лице — зашипели, моментально испарились, вулкан, его личный Везувий, проснулся.

У подъездной двери дворовый кот Чуп — серый, блохастый, Иван с разбега пнул кота ногой, животное отлетело, ударилось об угол дома, сползло кровавым пушистым клубком, оставив на стене красный след зигзагом.

Ваня остановился, сжал ладони в кулаки, сжал зубы.

«Мы же договаривались».

Нагнулся к коту Чупу, погладил. Замурлыкал кот, растянулся во всю длину, не замечая, как из глаз мальчика капает и плавит асфальт горящая лава.

— Так нечестно, — сказал Ваня, а изо рта посыпались чешуйки черного пепла, — неправильно, не по-дружески.

Кот мяукнул, тонко, протяжно, так жалостливо, что Ваня всхлипнул и выпрямился.

«Телячьи нежности».

На стене кровавый след потек вопросительным знаком. Иван моргнул, знак пропал, только Чуп трется о голые ноги, надрывно мурлыча.

В животе и груди пожар, дико хочется воды. Домашние не зря прозвали его Водохлебом. «И куда в тебя столько жидкости влезает?» Откуда им знать про вулкан внутри.

— Эйя, — задумчиво вспоминал мальчик слово, которое пообещал себе выучить, чтоб от языка отскакивало, — эйя... Эйяфэйа-а-а!.. — закричал расстроено, отпихнул прилипшего к ногам кота, вприпрыжку, дворами и тайными тропами, — к магазину «Спорттовары».

Ясно, как утро, друзья на велосипедах поедут по главной дороге, им придется огибать весь поселок, тогда как он пробежит поселок, разрежет, и будет у магазина раньше двухколесных наездников.

— Предатель! — выкрикивал деревянному забору дяди Айдына. — Предатель! — выжигал на бетонной стене санатория алой магмой.

Петлял между акациями и тутовыми деревьями, вдоль аллеи, вот и поликлиника, и окно на первом этаже его лечащего врача доктора Абдулаевой, а слева «Продуктовый», здесь он частый покупатель хлебной соломки, дальше магазин «Спорттовары», тут он сбавил бег, и пятку ужалила гигантская пчела. Иван споткнулся, боль жгла, пульсировала, отдавала в коленную чашечку.

— Че-о-орт, — сел на тротуар, задрал левую ногу, серебряный значок канцелярской кнопки усталился на него, Иван зажмурился, вытащил «занозу», кровь надулась пузырем, пузырь побагровел на солнце, сдулся, оставив на ноге знакомый знак вопроса.

Собрав слюну, всю, что нашел в пересохшем горле, плюнул на рану, растер под колющие вспышки боли, это была приятная боль, она рождала образы.

Каждое прикосновение к свежей ране отражалось в голове картинкой.

Всегда возникают заросли ежевики, те самые, что растут в дальней части сада вдоль заднего забора. Колючие, шип с мизинец, кусты обсыпаны кроваво-черными ягодами. В темноте зелени, как и в зале с выключенным светом, присутствует что-то еще, что-то иное, он слышит стук сердца, ежевика оживает. Листья дрожат, стебли завязываются в опасные, режущие канаты, ягоды загораются сотнями тысяч глаз. Нечто обретает форму. Человекоподобную форму. Это ежевичный бог.

Он протягивает зеленые плети к нему, он говорит, голос похож на шум дождя, успокаивающий и тревожный:

— Я помогу тебе. Только попроси, и я приду на помощь. Не подведу, не обману, не предам!..

Мягкие прикосновения листвы к щеке и губам, Ване приятны эти касания, Ваня верит ежевичному созданию. Ваня спрашивает:

— А что взамен?

И глаза-ягоды взрываются над ним красочным фейерверком.

— Ничего, совсем ничего, — липковато-ежевичный голос в голове, — всего лишь одна капелька крови.

Иван соглашается. Ну что это такое — капля крови?

Ежевичный бог появился впервые в детском саду, куда Ваня ходил из-под ремня — до появления новой воспитательницы Ольги Владимировны, тут все переменялось. Ваня соскакивал по родительскому будильнику за два часа до сада. Умывался, чистил зубы до завтрака и после, сам долго выбирал, что надеть, завязывал шнурки, приглаживал ежик, а напоследок душился отцовской туалетной водой.

В саду то и дело ухитрялся взять новую воспитательницу за руку и выпускал лишь перед обедом и сон-часом. Просил частенько Ольгу Владимировну подержать его ладонь, пока не заснет.

— С вами мне спокойно, — утверждал маленький Казанова, и женщина сдавалась, садилась на стульчик у изголовья и брала горячую ладошку Вани. Ваня закрывал глаза, шептал:

— Спасибо, — а погружаясь глубже в сон, добавлял: — Я вас люблю.

Трагедией становился полдник для Ванюши, потому что после него за ним приходили бабушка или мама, приходилось отпустить ладонь Ольги Владимировны и не видеть ее до следующего утра. А как возненавидел он выходные дни с праздниками... Болеть себе строго запретил. Но в середине осени поднялась температура, в горле поселились горечь и жжение, мама оставила сына дома, несмотря ни на его мольбы, ни на угрозы.

— Днем в поликлинику с бабушкой ходите, — наказала.

Ваня промолчал, ущипнул себя за живот, а когда мама ушла на работу, взял гвоздь, он всегда у него в карандашнице на столе, нашел мамину любимую пластинку «Поет София Ротару» и поквитался с винилом за сад, поликлинику, за больное горло, за температуру...

В этот же вечер после молока с медом и таблетками от гриппа вспотевшему под двумя одеялами Ивану явилось нечто из зарослей ежевики. Оно показало ему несколько картинок, словно прокрутился в голове Вани коротенький диафильм.

Из него он узнал, что Ольга Владимировна держит другого мальчика, чтобы тот заснул, за руку, рыжего Руслана. Помогает ему застегивать пуговицы на рубашке, завязывает шнурки, он гладит ее вьющиеся золотые волосы, и она ему улыбается.

Вулкан, спящий в районе желудка, ожил. Забурлила магма, раскалился край жерла докрасна. Подскочила температура, промокли насквозь пижама и простыни.

Мама потом скажет — бредил, Иван промолчит, потому что знает — это был никакой не бред. После диафильма нечто из ежевичной тьмы назвало его по имени. Успокоило, пообещало помочь в беде. Оно сказала:

— Мы устраним Рыжего. Напугаем так, что забудет, как зовут воспитательницу.

Оно потянуло Ваню за собой. Вытащило из мокрой жаркой кровати, провело тихо через зал, не скрипнула ни одна паркетина, дальше на улицу, к заднему забору с чащей колючих, неприкосновенных кустов. В свете полной луны листья отливали чернотой, ягоды манили синеватыми маячками.

Когда мальчик приблизился, кусты раскрылись, обнажая чернильную сердцевину, Ваня смело протянул руки:

— Накажем Рыжего!

Уговор скрепили крепким рукопожатием, кровавым, Иван не почувствовал боли, сотня шипов жадно впились в ладони, кровь потекла по стеблям, как по венам, ягоды сменили цвет, ежевика зажглась в ночи красно-алым сиянием, как новогодняя елка.

Утром ранки на ладонях зудели и чесались.

Рана от кнопки, разбудившая воспоминания, не станет помехой задуманному плану. Иван поднялся на ноги, в тот самый момент два знакомых велосипедиста свернули с центральной дороги к магазину «Спорттовары», они громко, задорно смеялись, не замечая никого вокруг, кроме себя.

Иван улыбнулся, в уголках губ затвердевали пузырьки лавы.

В сад он вернулся через неделю, ни любимой воспитательницы, ни рыжего Руслана не было. Все утро до обеда Ваня пытался разузнать, где Ольга Владимировна и что стало с Рыжим. Только к вечеру, после полдника, когда за ним пришла мама, услышал — Ольга Владимировна уволилась. Стало наплевать на Рыжего, что бы с ним там ни случилось.

Мама сказала:

— Такое случается часто, в женском коллективе так сплошь и рядом, жалко, конечно...

Вулкан загудел, задымил, ожил. Не успевшие затянуться ранки на ладонях закровоточили.

Ваня знал, теперь он сам пойдет к ежевике, сегодня вечером, в силеных сумерках, и попросит о помощи, о справедливом наказании, отмщении.

Он будет, не стесняясь, плакать, стоя на коленях у зеленых шипастых кустов, и каждая упавшая слезинка будет разбивать в детском саду стекла в окнах. Окно за слезинку.

Ночной сторож дядя Гриша, проспавшись после вечерней попойки с самим собой, выйдя с рассветом и росой подметать дорожку до ворот сада, выронил самодельную метлу, протер глаза. Все окна на первом и втором этажах разбиты, осколки стреляют зайчиками первых лучей нового солнца.

Наступил на подраненную ногу Иван, больно кольнуло в пятке, боль приобрела форму, из ранки в ноге пробился зеленый стебель ежевики, он рос, на глазах опутывая тело мальчика, разрастался, ветви покрывались шипами-колючками, стебли твердели, наливались броней...

Иван исчез, его не стало, теперь это ежевичное существо, божество, в клешне у которого блестит осколок стекла, еще шаг — и осколок превратился в гвоздь, третий шаг — и в зеленых пальцах ежевичного бога нож-бабочка с длинным тонким лезвием. Точно такой нож Иван прячет у себя в тайнике, в кустах ежевики на заднем дворе, в жестяной коробке вместе с остальными секретными вещами.

— Эйя, эйя, эйфья, эйфья, — бурчит Иван.

Он доковылял до крыльца продуктового магазина, оставив за собой штрих-пунктир из капель крови.

Здесь и наткнулись на него друзья.

Зверек катил велосипед, с трудом сдерживая слезы. Леша сначала нес своего двухколесного друга на плечах, в тени магазина опустил рядом с Иваном, выдохнул:

— Узнаю, кто это сделал, порву, как Тузик грелку.

Вадим всхлипнул.

Покрышки на велосипедах вспороты, будто лопнули, раскалившись на солнце.

— Я никого не видел, да и не до этого было, — Ваня показал окровавленную ступню, — не только ваши велики пострадали, и зачем я перся за вами...

Леха опустил на корточки:

— Мы же договаривались, что к девяти зайдешь. Подорожник надо приложить.

Ваня хотел было возразить — мог бы и сам зайти или на крайняк подождать, — не стал, вздохнул, поднялся, на здоровой ноге подпрыгнул.

— Ежевичный лучше, — буркнул и попрыгал от друзей, из тени магазина на солнце, дальше по солнечной стороне, мимо поликлиники и аллеи к своему двору. К кустам, что всю его жизнь, сколько он помнит, растут вдоль заднего забора.

Он слышал, как звал Леха, ныл Вадим, сигналили редкие машины, из воинской части переключку солдат, не слышал лишь птиц, разбудивших его, и солнце молчало, спал вулкан.

Конец света отменяется?.. Или он вот так и приходит — обычно, как скакать на одной ноге из света в тень?.. Конец света выходит воздухом из разрезанных велосипедных шин, наступает канцелярской кнопкой, пронзившей босую пятку до крови. Конец света — это секрет, что таится в сырой темноте ежевичных кустов. Это умение мстить, не прощать...

Каждое утро, в которое друзья не держат слово, — конец света, его можно разглядеть в осколках перебитых окон в детском саду, в исцарапанных острыми краями камней ладонях и в испуганных глазах рыжего мальчишки, к нему ты подошел в полдник и показал нож-бабочку...

Всё — конец света.

Миллионная попытка Ивана произнести слово, а правильно его могут произнести всего лишь 0,005 % населения Земли, миллионная неудача — это тоже катастрофа вселенского масштаба, миллионная...

— Эйя, эйяфяа, дай, эйяфяадай...

Перескакивая через придуманные преграды, горы, пропасти, вулканы...

— Эйяфадайлай...

Все равно он войдет в эти ноль целых, ноль, ноль пять процентов людей, уверен Иван на все сто процентов, скачет, снова и снова пробуя произнести слово. Быть может, выговори он его правильно, без запинки,

тогда и случится самый настоящий конец света. Самый ужасный, разрушительный... Самый долгожданный!..

— Даже не может быть, а точно! — кричит мальчик, перепрыгивая через забор, опутанный кустами ежевики, где в темном сердце зарослей — тайник, в нем, вместе с ножом-бабочкой, кусочек бумажки с одним словом, длинным, из шестнадцати букв...

Перепрыгивает через солнце:

— Эй! Яа!

Скоро. Очень скоро.

— Фа! Да! Лай!

Ведь он же бог.

Пижама

Прислушался. Ни звука. Он давно заметил: стоит ему только захотеть подслушать, что творится вне комнаты, где он лежит на диване, сонно уставившись в потолок, как мир перестает существовать. Умирает. Секунду назад, пока он не открыл глаза, заявив о своем пробуждении, мир бушевал, гремел, жил и торжествовал, но стоит ему, Ивану Николаевичу Коневу, проснуться, жизнь замирает, останавливается.

— Да к черту, — вылез из простыни худощавый белокожий мужчина, после тридцати пяти скрывающий свою зальсину на макушке жестким бритьем под бритву, — больно надо! Мой мир во мне, остальное полная хрень.

На нем пижама, оранжевая в синий горох, такая же у него была в детстве. Никогда бы Иван не подумал, что в свои тридцать пять вдруг захочет вновь оказаться в пижаме. Последний раз, если не подводит память, он надевал пижаму в классе третьем, потом вырос из нее, и вот в тридцать пять — на тебе. Шел мимо стеклянных пестрых витрин по центральной городской площади, тут сердце и екнуло, сигналом из прошлого цветная вспышка отбросила прямиком в детство.

Цвета будят в нас забытое, сокрытое, вечное.

Иван замечал, что сиреневый квадрат на белой скатерти его успокаивает. Он может часами сидеть за кухонным столом, растекаясь в сиреневой пустоте. Красный же цвет раздражает, особенно яркая, малиново-алая губная помада на тонких губах соседки напротив, Тамары Шварц.

Уверен: эта разукрашенная, безвозрастная домохозяйка сидит с раннего утра до поздней ночи в кресле у двери, подскакивая к глазку при каждом шорохе из подъезда.

Она возникает перед соседом всегда с кровавой улыбкой и горящими глазами.

— Иван Николаич, доброго времени суток, — певуче затягивает она, — а я буквально полчаса назад за вас думала, — всегда одинаково начинает соседка, а дальше чистая импровизация: — К вам сегодня эти

богомолы не стучали? Никакого житья с ними нет, вот же какие приставучие, бесстыжие какие, лезут со своим Иеговой прямо в квартиру. Пихаются, в коридор влетают, как к себе домой, на кухню прутся тараном, книжками этими махают — пробудись, молись и пой.

Не успевает и слово вставить Иван.

— И что это за вера такая ненормальная — запрещающая переливание крови?! Это же клиника, а не религия. Хотя все они из одной палаты, что эти, что наши, что католики с протестантами.

Красно-огненный рот похож на рану, Иван морщится, отводит взгляд, кивает:

— Угу...

— Значит, кровь переливать нельзя, лучше сдохнуть, простите мне мой французский, так что это за бог такой получается, Иегова ихний?! Вы верите в бога, Иван Николаич? По вам видно, что верите, — рана открылась, розовый, похожий на жало язык часовой стрелкой обозначил территорию своих владений.

«Бог», — екнуло сердце мужчины, и следом за цветастой пижамой — в детство, в дальнюю часть сада, задний двор, к забору, сплошь обвитому зарослями ежевики.

На колени, стараясь не оцарапать голые руки, в прохладную, сырую тьму кустов под стрекот цикад, учащенный стук сердца, пробуя произнести целиком одно непроизносимое слово...

— Так что, угадала я?..

И детства как не бывало, лишь легкое покалывание в ладонях и пара-тройка букв, саднящих сознание и сердце: «э», «й», «я», «ф».

Звучит почти как «явь», но не явь, думает Иван и, возвращаясь к красному, ненавистному цвету, говорит:

— Нет, не верю я в бога, если вы про библейского.

Тамара закатила глаза, развела руками:

— Боже, не верите! А по вам и не скажешь!.. Не видно по вам ни капельки...

Стены подъезда — серо-зеленые, выкрашенные так спецом, чтобы долго в них не задерживаться, либо бегом на улицу, либо в свою крепость и под замок. Это цвет безысходности, давящий цвет, отталкивающий, цвет потерянного времени.

Пижамы в горох оказалась малого размера.

— На подростка лет двенадцати точно налезет, — улыбается молодая продавщица, буряточка, — есть большие размеры, если надо, но с другой расцветкой.

— Все дело в цвете, вот в чем дело, — отвечает Иван.

Цвет — как пытка, любое возвращение назад — пытка.

— Оранжевый — цвет здоровья, энергия так и бьет, чувствуете?

Иван чувствовал лишь, как бьется взволнованно сердце и что он должен найти пижаму детства во что бы то ни стало!

— Гемоглобин в норму приводит оранжевый цвет.

— Гемоглобин, это хорошо, а не подскажете, где еще посмотреть можно пижамы? Заказать, может, где?

— Синий цвет — хорошее анестезирующее средство, вам именно такую пижаму? Оранжевую с синим?..

— И чтобы на меня, — перебил покупатель, улыбнулся, подмигнул. — В память о счастливых временах, так сказать. Тряхнуть стариной. Девушка задумчиво пробасила:

— Понимаю, — уставилась в потолок и вырубилась из общей сети ровно на минуту. Иван терпеливо ждал. Минуту спустя, заодно, словно подпитавшись белизной потолка, продавец затараторила:

— Ах, ну конечно, знаю. Посмотрите в «Сновидении». А на рынке, в китайских рядах, есть киоск, где вам сошьют пижаму, только материала такого, что вам нужен, может не быть. В магазине «Ткани» посмотрите, закажите, кто ищет, всегда найдет.

— Ну да, ну да, — пробурчал Иван и с того дня заболел пижамой, заболел детством.

Снилось, будто он подросток и у него день рождения, шестнадцатилетие, судя по свечам в рыбном пироге. Тут одноклассники и тут же покойники, которых он никогда не видел при жизни, все с подарками, подарки в ярких коробках. Ваня на седьмом небе от счастья, в одной из коробок то, о чем он мечтает, что сделает его самым счастливым. Коробки вскрываются одна за другой: пижама белая обыкновенная, пижама голубая с карманами, ярко-желтого цвета пижама, мамин подарок — пижама бледно-розовая с якорями всех цветов, у деда-покойника пижама черного цвета... Море пижам, и ни одной его, той самой, дорогой сердцу, ласкающей глаза детства.

Именинник растерян, испуган, потерян, пижамы оживают, в зале больше нет людей, аляпистые ткани, принявшие человекоподобную форму. Пустые, грозные, они наступают бесшумно, и в этом весь ужас. Иван знает, они сейчас навалятся на него гуртом, и его не станет. Он станет одним из них — пустой оболочкой, пижамой. Иван закричал, пижамы подхватили крик невидимыми ртами и разорвали в клочья себя и сон.

Оранжевой ткани в синий горох не было ни по указанным адресам, ни на складе в Москве, как заявила заведующая сетью магазинов «Ткани у Мани».

— Но я вам помогу, — таинственно понизила голос женщина солидной комплекции, — вы же на местном тэвэ, я вас узнала, литературная программка, стишки там читаете, и всё в этом духе.

— Польщен, — сказал Иван, умалчивая, что программа не выходит в эфир уже вторую неделю из-за отсутствия спонсора.

— Я вам сошью пижаму, какую желает душа ваша, а вы всего лишь между делом упомянете нас в своей передаче. «Ткани у Мани» — в рифму же, как стишок почти. Верю, знаете, в такую ненавязчивую рекламу, скрытую, завуалированную, типа двадцать пятого кадра, на подкорку которая влияет...

Он сказал:

— Согласен, — протянул женщине руку. Не задумываясь, что выпусков может больше не быть. Важней сейчас пижама — средоточие всех мыслимых желаний, цель жизни, пуп земли.

— Мария, — скользнула неприятно, по-рыбьи, влажная ладонь, — можно Маня, ни в коем случае не Маша, в моем детстве так корову звали.

— Маша, корова, замetano, — вытер незаметно мокрую ладонь, — а через сколько будет готово?..

Заведующая ответила без запинки:

— Семь дней. Обменяемся телефонами, и как только — так сразу. За пять дней управимся, если пообещаете, что не забудете про «Ткани у Мани».

Иван пообещал, поймав себя на мысли, что почку готов отдать за пижаму из счастливого прошлого.

Почку, и не ее одну, отдавал Иван на следующую ночь, пребывая в липко-кровавом кошмаре. Лежал на столе из детства, в зале с выключенным светом, вокруг его голого тела — салатницы, тарелки, стаканы и фужеры, столовые приборы блестят холодным металлическим презрением, безжалостностью в свете свечей. Темные фигуры склонились над ним, рук не видно, сплошная тьма, лишь мелькают ножи и вилки. Боли нет, как нет половины его внутренностей. Печень, две почки, селезенка уже в глубоких тарелках, очередь сердца, для него специальное блюдо, то, что подарили родителям на свадьбу. Сердце стучит, пока его вытаскивают из тела, стучит и о стенки фаянса на дне блюда. А внутри у Ивана пустота — обжигающая, горячая, внутри него растерзанное жерло вулкана с булькающей кровью-магмой.

Проснулся от рева извержения, кричала земля, вторило небо. Кричало солнце.

Открыл глаза, прислушался. Ни звука.

«Жизнь без стихов — ничто!

Ткани у Мани — всё!»

Так он невзначай продекламирует в конце ближайшего выпуска «Стихии», завуалированно, двадцать пятым кадром, решил Иван, а по дороге в ванную все же пощупал низ живота, всё ли на месте, непривычная пустота настораживала.

Мария позвонила через пять дней. Иван слонялся по коридорам пустой телекомпании «Ангарск», все на съемках, кто где, офис-менеджер Олеся спит за своим столом, периодически вздрагивает, просыпается, смотрит по сторонам, в сотовый, засыпает вновь.

— Готово, забирайте сегодня до девяти в любое время, — скомандовала Маня.

— Можно сейчас приехать? — не растерялся Иван.

Полчаса спустя взял сверток в плотной светло-коричневой бумаге из скользких рыбьих рук заведующей.

— Носите на здоровье, как говорится, сладких снов и чтоб нигде не натирало.

В ответ Иван прочитал придуманные строчки.

— Краткость только в радость, — протянула пухлую белую с голубыми венами ладонь, вновь Иван коснулся брезгливо, нехотя скользкого, жирного тела рыбы.

Сверток не решался открыть долго. Смотрел на него, подходил со всех сторон к столу, где в центре — точка соприкосновения с прошлым, частичка детства. Сердце буквально билось у него в ладонях, он впервые чувствовал его необходимость, присутствие так ясно...

А что, если она совсем не тех цветов? Вопрос ударил по коленям, Иван дернулся всем телом, обернулся, ожидая увидеть за спиной противника, врага, нанесшего такой болезненный, запрещенный удар, сжал кулаки, поднял их к подбородку. Никого, корешки книг глядят на него знакомыми названиями. «Любовница французского лейтенанта» Фаулза переливается красными помадными разводами, «Темная половина» Кинга смотрит белыми слепящими буквами из черноты, потрепанные «Мертвые души», не вернувшиеся в школьную библиотеку, теперь осуждающе пялятся в соседстве с «Идиотом» и «Чевенгуром».

— Книги тоже враги, — проворчал, — и предатели.

Дотянулся до пакета, оторвал ленту скотча, оранжевая полоска резанула по сетчатке глаз, теплотой проникла внутрь, растекалась приятной легкостью по телу, сотворив невесомость в низу живота. Вот оно, ощущение счастья, это пустота, сотканная из спокойствия, тишины, веры в себя... В счастье нет места надежде, счастье — это уверенность.

Иван достал пижаму, детство выпрыгнуло из свертка прямо в руки, сверкающее оранжевое в синий горошек детство. Звонко засмеялось мальчишечьим, заводным смехом, запрыгало, вырвалось из объятий мужчины, заскакало по залу вприпрыжку. Веснушчатое, босоное... Беззаботное и бессмертное.

Взрослый Иван не сдержался, рассмеялся, закричал во весь голос. Подпрыгнул так, что зазвенел хрусталь и фотокарточка (море с крошечными человеческими фигурками на берегу) слетела с книжной полки на пол.

Броситься следом за детством, бежать с ним без оглядки, вопить никого не стесняясь, жить ничего не боясь, ни сегодняшнего дня, ни завтрашнего...

Только Иван не побежал, подавив желание раздеться догола и, надев пижаму, рвануть назад в детство. Испуганно — вдруг пришло осознание, что все это недолговечно, — свернул пижаму, спрятал назад в бумагу, залепил скотчем. Оставил на столе, сам прошел на кухню, в дверце холодильника начатая бутылка водки и нераспечатанный коньяк, подарки от благодарных авторов, чьи стихи прозвучали в его авторском литературном проекте — программе «Стихия».

Водка пошла легко, без привычной минералки, Иван приготовил на скорую руку бутерброды, хлеб со шпротами, устроился тут же, на кухонном

подоконнике. Смотрел на жизнь за окном, провожал прохожих, встретил сумерки. Незаметно в кухне стало темно, с темнотой пришли они, фигуры безликие... мертвые?.. Иван еще ребенком спрашивал себя, кто они, эти существа в темноте. Он запомнил на всю жизнь, как ощутил их присутствие, стоя посреди зала с отцовской зажигалкой в руках. Вот и теперь они здесь, вошли бесшумно следом за сумерками, окружили, Иван вдруг оказался голым посреди кухни, и куда подевались стол с холодильником?..

Темные фигуры взяли в кольцо, стало холодно, Иван, прикрываясь, почему-то опустился сначала на корточки, потом на колени. Фигуры сузили оцепление, нависли над ним.

— Почему ты так с нами?.. — зашипели хором, и гул этот разбудил.

Выпала рюмка из ладони, покатила тихо по линолеуму. Иван задремал на стуле у подоконника. Протер глаза, выпрямился, огляделся.

— Вот черт, как настоящие были, — встал, поднял рюмку, от выпитого пошатывало и тошнило.

В кухне темно, фонарь за окном не горит, шаг вслепую, в коридор, в страх. Страх проникает с тишиной, вытекает из мрачной сырости углов, выбирается пауком из липкой паутины вечности, заползает невинным запахом старых одежд, пыли... Впивается в хорошо спрятанные, замаскированные слабые места, давит на больное... Страх, он всегда рядом, даже если ты самый смелый человек на земле, страх поджидает за спиной, ждет подходящего момента, когда ты окажешься один на один с темнотой, с самим собой.

— Ну, здравствуй, малец, — скажет страх голосом ненавистного отца, которого боялся всю жизнь, и самый смелый человек на земле сдастся, проиграет, испугается того, кого он давно похоронил, забыл, вычеркнул из жизни, из головы, из сердца, но не победил...

— Ну, здравствуй! — выкрикнул Иван и закрыл глаза, чтобы не видеть темноту, на ощупь прошел в зал. Ладони скользят по стене, страх рисует в сознании свои картинки-страшилки: сначала из стены вылезают щупальца, хватают его, затаскивают в мерзкую слизь, слизь на лице, слизь во рту. Шажок — и выключатель открывается зубастой пастью и откусывает запястье... А с потолка глядят сотни зеленых глаз, и под ногами загорается пол...

Включил свет, быстро отдернул руку. На белой пластмассе выключателя красный отпечаток кровью. Полоска кровавым пунктиром по стене. И бумажный сверток с пижамой запачкан кровью. Иван лишь выдохнул.

Указательный палец в крови, на верхней фаланге едва заметный порез.

— Я что, так напился, что не помню, как порезался и таскался со свертком по квартире? — спросил себя.

И сам себе ответил:

— Да нет...

Увидел себя сомнамбулой разгуливающим по темной квартире с пакетом в одной руке, бутылкой водки в другой.

— Надеюсь, не примерял?..

Неуклюже подскочил к столу, схватил сверток, затаив дыхание, осторожно развернул бумагу.

Оранжевый цвет обласкал, прогнал страх, загнал его глубоко в несознанку, метко стреляя синими горошинами.

Пока расправлял пижаму на полированной глади стола, одной рукой стащил с себя спортивное трико, снял футболку, трусы. Голым, беззащитным ребенком стоял Иван в электрическом свете посреди зала, под люстрой, разглядывая послание из детства.

— Те же пуговицы, — удивлялся, — тот же лопухий воротничок...

И запах, от мягкой ткани веяло мамиными духами, этот запах с колыбели поселился в самом чистом и светлом месте сердца-души.

Сначала окунулся лицом в пижаму, юлой завертелись образы, фрагменты, мысли, фотокарточки прошлого...

Под гипнозом нахлынувших воспоминаний надел оранжевые штаны в синий горошек, а когда застегнул все пуговицы на пижамной рубашке, прошлое стало настоящим.

Иван шагнул к дивану, чтобы не упасть на стол или на пол, не успел, исчез, растворился в огромном непрекращающемся детстве. В вечности.

Пустая пижама мягко шлепнулась между столом и диваном яркосолнечной кучкой счастья.

Восьмой путь

Пунктуален, как сама смерть, — шутил про себя и никогда никуда не опаздывал. Приходить если не на пару минут раньше, то хотя бы тютелька в тютельку считал хорошим качеством хозяина жизни, показательным, и не уважал любителей опаздывать.

— Обычно это неудачники, и на собственные похороны опоздают.

Вспоминал, пока завязывал шнурки на кроссовках, были ли в жизни моменты, когда он мог опоздать? Может быть, в школе? Спрашивал — и не мог ничего конкретного припомнить. В детстве время для него ничего не значило. Не существовало. Оно обрело смысл и силу, значимость с возрастом, с первых самостоятельных шагов в жизнь. С будильника, заведенного тобой...

— В школе не считается, — поделился мнением с полумраком коридора, — в детстве за нас все решают родители, мама.

Проверил карманы, ключи, деньги, телефон, сверился с часами. На сотовом 10:15, стрелки ручных часов спешат ровно на семь минут, он строго следит за этим. Семь минут, ни больше ни меньше.

— Да, вот такой пункт, — скажет, если кто поинтересуется.

У Ивана Николаевича часто что-нибудь спрашивают, советуются, как-никак, а Иван работает на телевидении, пишет стихи и рассказы, печатается в городском еженедельнике «Вечерняя среда», ведет программу «Стихия» на местном канале сразу после выпуска «Местного времени».

Если в начале работы журналистом это ему льстило, он готов был буквально разорваться в клочья, лохмотья, но помочь обратившемуся к нему, ответить на любые вопросы, разобраться, подсказать, выслушать, то к тридцати годам ночные пьяные звонки людей литературы с чтением новых стихов, утренние вопросы бабулек — за кого лучше проголосовать, чтобы повысили пенсию, — стали раздражать. К тридцати трем годам Иван сменил в очередной раз номер телефона, а в тридцать пять напрочь перестал отвечать на незнакомые номера.

— Время жертвенности прошло, — констатировал Иван под трель сотового телефона с высвеченным номером поэтессы Вишневской, любительницы верлибров и водки, — время ответов миновало, пришло время самому задавать вопросы и жаждать ответов.

Всем нам нужна помощь!

Раз в неделю удавалось проскочить мимо соседки, сверкнув циферблатом часов у ее длинного носа и сказав волшебное слово — электричка. Можно добавить — опаздываю. Тогда Тамара взмахивает руками, ретируется к своей двери, бормочет:

— Электричка не будет ждать, давайте успевайте, завтра не забудьте только напомнить, о чем я хотела поговорить.

Злоупотреблять такой привилегией Иван не может, Тамара Шварц знает: в Иркутск сосед ездит не больше одного раза в неделю, а то и в две. Раз в семь дней Иван, показывая любопытной Тамаре часы, тяжело выдыхает:

— Электричка.

А ему в совсем другом направлении.

Сегодня он честно демонстрирует часы выглядывающей из двери под номером тринадцать голове с окровавленной раной вместо рта, голова кивает, ойкает:

— Зачастили, Иван Николаич, с электричками, к побегу готовитесь, убежать от нас вздумали, — не то плачет, не то смеется противно.

— Зима — Иркутск-Пассажирский, в 10:45 на станции Китай, стоит одну минуту.

— У нас все время зима, — кричит вслед соседка, — и все время время пить чай!

Вторую неделю жара. К железнодорожной станции из поселка одна дорога, дышащая пылью летом, булькающая грязью в дожди, между живописных болот и заброшенных дач.

Воздух плавится на глазах, рябит, и голос Маяковского в голове читает:

В сто сорок солнц закат пылал,
в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла —
на даче было это.

Иван поправил кепку на бритой голове, змейки пота прочертили мокрые дорожки к носу.

— Жара плыла, жара пылала...

Измученная многодневной высокой температурой, забитая пылью трава на обочине душила резкими запахами коктейлей: тут гарь с перцем и приторно сладкий привкус разложения с цветочным ароматом жарков и мяты...

Ближе к виадуку товарные, груженные неизвестностью составы разят бензином, мазутом, необыкновенно приятной свежестью жизни... Иван обожает эти маслянистые запахи машин с нефтяными нотками — запах моря, именно море всплывает в нем и бурлит детскими ощущениями, воспоминаниями...

По железным ступеням виадука наверх. Электричка всегда приходит на пятый путь, что и подтверждает дребезжащий мужской голос из хрюкающе-пукающего динамика:

— Пригородный поезд Зима — Иркутск-Пассажирский прибывает на пятый путь.

На перроне никого, он один, как это часто бывает, редко кто составит компанию — народ набьется, не продохнуть, на следующей станции, станции Ангарск.

Солнце спит, Иван прикрывается от светила козырьком на глаза и видит девушку в белом коротком платье на противоположной платформе. Восьмой путь. Изредка, по пятницам, электричка до Иркутска прибывает на этот путь, знает Иван.

Девушка на удивление спокойна, тогда как приближающаяся электричка горланит о скором прибытии.

— На пятый! — закричал Иван, показывая пальцем в сторону грохочущего состава. — До Иркутска на пятый!

Девушка будто не слышала, смотрела в сторону, куда указывал палец Ивана, тиская длинные ручки сумочки из белого кожзаменителя, и плакала.

Он разглядел потеки туши под глазами, разглядел слезинку, сбежавшую по щеке за воротничок. Родинку над губой...

— Девушка! Ау! — помахал. — Вы понимаете?!

Может, глухонемая? — предположил он и еще эмоциональней замахал.

С пронизывающим до зубной боли сигнальным гудком пронеслась притормаживающая электричка, спрятав девушку.

— Черт же! — его по-настоящему зацепила эта заплаканная Беляночка, перепутавшая пути, тревога застучала по сердцу, как по боксерской груше. Заметавшись между останавливающимися вагонами, пытался разглядеть фигуру в белом, удалось лишь на миг: девушка стояла на самом краю платформы, уткнувшись лицом в сумочку.

— Че-о-орт! — Двери последнего вагона зашипели, разъехались, выпустив из металлической духовки толпу полуголых подростков с велосипедами.

Нервно переминался с ноги на ногу в ожидании, пока цветы жизни освободят проход, влетел в вагон, сразу к окну. Белянка стояла спиной, костлявые лопатки выпирали, словно начинающие прорезаться крылья, золотисто-русые волосы по плечи, проступающий рельеф бюстгальтера. Постучал по стеклу:

— Эй...

Его перебил женский голос, объявивший следующую остановку, а внутренний неожиданно дерзко потребовал сорвать стоп-кран:

— Она сейчас бросится! Пойдет спиной, потому что боится, и так спиной бросится под скорый поезд!

Спасением от необдуманного поступка — женщина-кондуктор:

— До Иркутска?

Белая фигура быстро удалялась. Он видел ее профиль — лицо срослось с кожей сумки. Видел, как она сделала шаг назад, спиной, как предсказывал внутренний голос, видел маленький бугорок груди, обтянутый белой тканью, тут мутное стекло стало солнцем, открытым, честным, яростно июньским...

— Черт.

— Туда не едем, — отшутилась женщина, — до Иркутска мы идем, к черту — это вам с другого пути надо.

— С восьмого? — спросил серьезно Иван, плюхаясь на сиденье и все еще вглядываясь в слепящий квадрат солнца.

— Та, наверное, с восьмого, — через «т» прозвучало у женщины «да», засмеялась, протянула билет: — На кудыкину гору с восьмого пути.

Взял бумажный прямоугольник новый пассажир, натянуто улыбнулся, совсем не до шуток ему. Белоснежный образ проник внутрь, Иван смотрел на облака, солнце дало глазам передышку, спрятавшись где-то за крышей вагона, и сотни воздушных незнакомок с восьмого пути смотрели на него с голубых небес.

Иван не заметил, как ушла кондуктор, что проехали Ангарск и вокруг него новые люди, устало, опустошенно прислонился к окну, снова и снова возвращаясь в те промелькнувшие, словно вспышка, наваждение, сон, минуты на перроне...

— Может, привиделась? — спросил себя. — Солнечный удар это был? Помутнение? Фата-моргана?..

Внутренний голос — красная кнопка души, цензор, судья и жилетка для слез, у Ивана он говорит разными голосами. Иногда это голос неизвестного Ивану мужчины, резкий, картавый, властный.

— Говорил же, сорви стоп-кран, сейчас бы так не мучился.

Прокрутив в считанные секунды сценарий со срыванием стоп-крана, Иван проигнорировал голос.

Она могла ждать другую электричку. Встречать? Да, она встречала близкого человека, чтобы расстаться, это была последняя их встреча, поэтому она не сдерживала эмоции и чувства. Не прятала слезы, не боялась выглядеть некрасивой...

Так всегда, когда наступает финал, мы ничего не боимся. Становимся самыми смелыми и бесстрашными существами на земле, но только перед потерей, перед самой большой, великой потерей.

Потеря делает нас человечней и забирает часть этой человечности с собой, оставляя зияющие кровавые пустые гнезда-раны. Кто прилетит в это гнездо? Заполнит пустоту? Вернет к жизни?..

Ее зовут Василиса, ей недавно исполнилось двадцать пять, она преподает музыку в поселковой школе, дети ее обожают, а она несчастна оттого, что не может быть счастливой, это ее проклятье. Порча, так говорила ей мама, а маме ее мама...

— Поэтому, дочка, хватайся за любую соломинку, выходи замуж за первого поперечного и пытайся сделаться счастливой. И не вздумай проболтаться, никто не должен знать, что на тебе клеймо несчастья, мужчины этого боятся. Будь ты хоть писаной красавицей, несчастье передается по-всякому. Несчастьем можно заразиться как через постель, так и просто находясь с человеком долгое время рядом, — повторяла и повторяла мать вместо молитвы, — ври, что счастлива и что нет тебя счастливее на всем белом свете. Лги, что любишь, все врут — любви нет. Обманывай себя — это важно. Соври себе так, чтоб поверить — ты счастлива! Зарубь это на носу и на сердце. Нашему проклятому роду «Отче наш» уже не поможет. Только притворство, вечная ложь во спасение. Бесконечная игра в счастье!

Василиса совсем еще ребенок, еще ходит в садик, она не знает даже, что это за счастье такое, а уже боится, что не сможет в него сыграть. Иван видит, она стоит перед матерью в комнате со старинной, громадной мебелью в золотистых лучах закатного солнца. Волосы горят, как горит и все у нее внутри от страха перед несчастливым будущим, от мысли, что от этого пятна не избавиться, не смыть: ни слезами, ни делами, ни кровью...

Девочка с золотыми волосами морщится, от матери пахнет не материнством, запахом, она определит его лет через пять, это запах застойного перегара.

От несчастья одно спасение — забыть. Мать будет снова и снова предлагать дочери попробовать лекарство от жизни:

— Эликсир счастья и в то же время яд осознания своей бесполезности и никчемности, — пьяно будет разглагольствовать мать, а Василисе четырнадцать лет, она школьница с паспортом. Василиса слушает мать вполуха, она не верит во все эти бредни с порчей и родовым проклятьем. Она улыбается, поддакивает. Мать, как заезженная пластинка, говорит, наказывает, учит:

— Притворяйся. Придумывай. Лги. Сочиняй. Существовай...

Встречный скорый пронесся орущим ураганом, вышвырнув Ивана в реальность: душную, потную, дурнопахнущую...

Кондуктор, он разглядел ее, полная женщина с болезненно бледным лицом, медленно шла по вагону, улыбаясь всем и каждому, но на самом

деле, Иван это чувствовал своим художественным чутьем, она с легкостью, как нарисовала эту улыбку, расстреляет их всех.

Это не она такая, это жизнь выдрессировала ее быть такой. Искусственной. Притворщицей.

От террора ее отделяет совсем ничего, отсутствие оружия, она давно, с юности, мечтает и боится. Появись у нее в квартире пистолет, она им тут же воспользуется.

Если в школе, в старших классах, она думала-гадала, кого пристрелит первым, то сейчас, в бальзаковском возрасте, знает наверняка. Первая пуля — мужа. Даже не отца, которого терпеть не может с детства, и не шумного соседа, его она обещает убить после каждой соседской гулянки...

Первый выстрел она сделает в голову мужа. Кровопийце пустить кровь первому.

Такие сладкие мечты позволяли жить дальше. Вставать в пять утра, спешить в депо, заступать на смену, улыбаться всем и каждому...

Вернулось солнце, заполнив квадрат окна адовым пожаром, Иван натянул кепку на переносицу, закрыл глаза — и вот он, мир Василисы: желто-зеленые чудовищные обои в общежитской комнатухе, тут и там белые следы мелка от тараканов — разметка границы ее проклятого мира с миром счастливых. Сейчас, в двадцать, с каждым новым днем убеждаясь в верности материнских пророчеств, она молится по ночам, перед тем как заснуть, просит у Богородицы одного — счастья.

Она влюбилась, как и наставляла родительница, в первого поперечного, соседа с первого этажа общежития, охранника Егора. Влюбилась или заставила себя полюбить, не думала об этом, он в первый день знакомства помог ей занести в комнату диван, а вечером принес горшок с кактусом в подарок на новоселье. Он мило, как казалось Василисе, шепелявил, и она готова была слушать его несмешные анекдоты часами, днями... Вечность.

Пробовала узнать про семейное проклятье, вечно пьяная мать не смогла сказать ничего конкретного:

— Все женщины в роду прокляты, — икала и запивала «тремя семерками» новую озвученную мысль, — по причине давнишней измены прапрабабки нашей было наложено сильнейшее колдовство, заговор на несчастье. Всё. Иди и будь несчастна. Как несчастна я, как была несчастна твоя бабка и прабабка, и прапрабабка, и прапрапрабабка... Таков наш удел, судьба, наш путь, и нам с него не свернуть. Иди, страдай, терпи. Иди!

Ушла Василиса вместе со своим несчастьем и этим же вечером купила две бутылки водки. Егор быстро захмелел и не сразу понял, чего хочет от него пьяная соседка сверху, пока она не сняла халат и все, что под ним было.

Солнечное похмельное утро звенело больной головой, одиночеством. Несчастьем.

Как и когда ушел Егор, не знала, не могла вспомнить, было ли у них что-нибудь или все ей приснилось. Нашла на полу под диваном «изделие номер два», нераспечатанный презерватив стал ответом на все вопросы.

Проплакала Василиса все утро, женским чутьем чуя неладное, Егор впервые не заглянул вечером и на следующее утро не постучал привычно в незапертую дверь ее комнаты...

Избегал, под любым предлогом уходил от разговора, перебегал дорожку, чтобы не встречаться, сбрасывал звонки и наконец уехал разнорабочим на вахту.

— Следующая станция — Иркутск-Сортировочный, — напомнил о себе мир реальный скрежещущим, металлическим голосом.

У реальности невыносимый, противный голос.

Новоявленная потенциальная террористка в форме с красной (ох уж этот ненавистный цвет) эмблемой РЖД улыбается в открытых, «чтоб прохладней было», дверях тамбура.

— Расстрелять, — застыло на губах кровавой помадой, — всех расстрелять.

Иван покорно, расстрел так расстрел, закрыл глаза.

С вахты, от Егора, через месяц пришло письмо, самое обыкновенное бумажное письмо принесла почтальонша Алла, долго и восторженно говорила о силе написанных на бумаге слов и дешевых, во всех смыслах, электронных мертвых посланиях.

Открывала конверт, как священную реликвию, непослушными деревянными пальцами, под грохот сердца в горле, боясь и надеясь.

Перечитывала слово за словом несколько раз. Про себя читала, читала вслух.

Плакала в бумажный лист в клеточку, с табачным запахом и кричала во все горло, смеялась, прыгала, снова плакала.

Василиса была счастлива!

Егор просил прощения, писал, что только расстояние проявило его чувства к ней, он понял, что скучает, что жить не может, «созданы друг для друга и смерть не разлучит».

Написал, что вернется к ней, «ты только встречай, хочу увидеть тебя, как в первый раз, в том самом платье, и начать все заново, сначала, я скажу тебе “привет”, что означает — будь моей навсегда!»

Василиса никак не могла вспомнить, что это за платье, она в тот день переодевалась раза три из-за переезда и жары. Психовала, перебирая скудный гардероб, материлась на чем свет стоит. Ревела...

Платье приснилось пару дней спустя.

А три дня спустя пришло СМС с неизвестного номера. Егор приезжает в Иркутск через неделю, полуторамесячная вахта подошла к концу.

Она забралась на подоконник, вылезла в форточку и закричала в рассвет.

Кричала:

— Счаст-ли-ва-а-а!

От Иркутска на электричке Егор доедет до станции Китай, тут и встретит его она, как будто впервые, в белом платье и слезах. Он спрыгнет на перрон, обнимет ее, пахнущую любовью, и скажет: «Привет». «Привет», — ответит она поцелуем.

Оставшиеся дни тянулись в страхе и тревоге, ночью приходили кошмары, Василиса просыпалась с криком, мокрая от пота и слез, садилась у окна и ждала солнца, боясь, что плохой сон может обернуться реальностью.

Так и случилось в намеченный день встречи. Электричка прибыла на восьмой путь, но из нее никто не вышел.

В первую минуту, провожая грязные окошки электрички, пристально взглядываясь внутрь в безликие фигуры, Василиса подумала, что, скорее всего, они напутали со временем. Егор указал в сообщении московское время, ну конечно, или их рейс задержался из-за непогоды...

Пустой перрон, две платформы пусты, пусто и у нее внутри.

Внутри все сжалось, все умерло. Опустело. Внутри, там, где кровь соприкасается с душой, мы честны и открыты. Мы обнаженные, такие как есть: чистые, без границ, одежд, без кожи, стен, без тайн...

Внутри она знала — со временем все в порядке, не в порядке здесь только она. С ней все не в порядке.

— Я дождусь! — говорила. — Я дождусь.

Темнело по местному, через пять часов потемнело и по московскому времени. Белое пятно свернулось запятой на скамейке и не шевелилось, не дышало, приманивая мотыльков и летучих мышей. Не среагировало пятно и на стаю собак, и на заморосивший дождь...

На восьмой путь далеко за полночь прибыл товарный поезд, для Василисы же восьмой путь навечно пуст, в ожидании, законсервирован для встречи, до того самого момента, когда он скажет ей: «Привет».

— Привет, — тихо сказал Иван городскому пейзажу за окном. Его электричка прибыла точно согласно расписанию на конечную станцию.

Пунктуальна, как сама смерть.

Кондуктор на прощание ему улыбнулась, Иван улыбнулся в ответ:

— Только не стреляйте.

Женщина вдруг переменялась в лице, стала серьезной, еще более бледной, испуганной, ее раскусили.

— Не буду, — выдохнула без улыбки.

Но всю дорогу до подземного перехода Иван спиной ощущал нацеленное на него черное дуло пистолета.

Лис, Бес, Конь и «три семерки»

— Поэтов как собак нерезаных. И всё бешеные какие-то, одиночки и стаями, отстреливать некому.

Эти слова Ивана Николаевича возмутили всех без исключения кружковцев.

«Новолит» собирался в лучшие времена в читальном зале Дворца детей и молодежи, сейчас, из-за смены руководства, перебрались в квартиры, самая подходящая у поэта Моськина, трехкомнатная с залом, где с легкостью вмещается двадцать членов кружка. Одно «но»: жена поэта Моськина далека от стихотворчества и выражает свое недовольство прямым

действием, особенно в нетрезвом состоянии, вплоть до рукоприкладства и вышвыривания поэтов-прозаиков за шкуру со своей жилплощади.

В теплое время года любители слова оккупируют фонтан в парке, становясь мишенями для всяческого сброда.

Иван Николаевич Конев, известный ангарский литератор, лауреат нескольких городских и областных конкурсов, автор книги стихов и избранный прозы «Карусели», мог себе позволить не объясняться по поводу сказанных слов. Он и не стал. Молча встал, прошел в коридор, дело происходило в неудобной хрущевке поэтессы Кривой, молча оделся и тихо закрыл за собой входную дверь. Только болонка поэтессы Кривой звонко залаяла вслед на прощание, лай собачонки подхватили возмущенные члены «Новолита», и гавканью, скулежу с рычанием не было конца...

Больше, поклялся Иван Николаевич, в подобные шарашкины конторы ни ногой.

В Иркутск ездил лишь по приглашению писательских и творческих союзов, объединений, отбирал понравившиеся стихи для своей программы «Стихия».

Сегодня у него встреча с группировкой, как они себя называли, «ВтриГ».

На сотовый позвонил старый знакомый от литературы Артем Бес, поэт-революционер, если верить его определению своего творчества. Сказал: будут «редкостные кадры». Сказал:

— Если у меня не получится прийти, а у меня получится, обрати внимание на молодого длинноволосого паренька с татушкой на шее, лисенок Вук у него там набит. Стихи просто огонь, особенно когда сам он их читает. Рекомендую.

— У лисенка этого имя-то есть?

Бес долго мычал в микрофон.

— Лис, Лисом все и зовут, — ошастливил веселым голосом, — настоящее имя разве имеет значение? Нет же. Главное, как ты себя называешь. Откликаешься на что, душа на что откликается. Так ведь?

Иван ответил:

— Только в терновый куст не бросай.

— Я ведь тоже Бес, — продолжал весело Артем, — никто, поди, и не знает настоящую мою фамилию.

Бесы, лисы наводнили современную поэзию, дремучий лес и только, — улыбнулся мысли Иван.

— Бессолицын ты, взял фамилию матери, потому что по отцу ты Геевский Артем Валерьянович.

В микрофоне помехи, потом знакомое мычание и голос недовольный:

— Не, ну ты-то знаешь, чё, ты бы еще не знал... Тот еще Конь. В пальто.

Конев, без пальто, на улице тридцать градусов жары, с вокзала пошел пешком через мост, свернул к набережной, в тень.

Спасательная кепка не спасала, голова закружилась в прохладе кустов, затошнило. Кофе на завтрак напомнил о себе горьким желудочным спазмом.

Надо бы что-то съесть.

Желание тут же было исполнено. Бес возник из марева, в ореоле речной мошкары, с двумя бутылками пива.

— Своим привычкам не изменяешь, — протянул вместо приветствия бутылку, покрытую конденсатом, скользкую, как рыба, — на такие мероприятия надо приходиться всегда под градусом.

— Это точно, — поддержал старого знакомого Иван.

Бутылки окрестили встречу раскатистым звоном, желудок Ивана сдался алкоголю без сопротивления, загорелся, загудел.

— Лет десять не виделись же, созванивались только, — Артем повел Ивана наперерез, по клумбе, к скамейке, — с презентации твоих «Каруселей».

— Тогда восемь, — поправил, — восемь лет, в двадцать семь меня издали.

— А чё сейчас сам себя не издашь?

Молчание было самым правдивым ответом.

— Кстати, почему «Карусели»-то?.. — У Артема явно это была не первая бутылка, судя по развязному голосу и вопросам. — Я, чесслово, не понял. Вроде и о каруселях нигде ни слова, в стихе каком пропустил мож... А?..

Встали у скамейки, опустошили бутылки. За каменным забором набережной молча текла Ангара, с железнодорожного вокзала невнятными обрывками долетали объявления прибытия-отбытия, Бес закурил:

— Ты же не куришь, помню.

Иван прервал молчание:

— Вся жизнь наша — карусель, и мы на этих жизнях-каруселях бесконечно крутимся, вертимся... С рождения до полной остановки. Потом меняем карусель... Смерть — карусель другая.

Друг многозначительно промычал.

Девушка в белом, плачущая на платформе восьмого пути, что, кто возвращает твою карусель? Желание быть счастливой?.. Мечта о встрече?.. Вечное ожидание?.. Иван осмотрелся, неосознанно поискал глазами фигуру в белом. Будто не оставил ее больше часа назад на перроне крохотной провинциальной станции, ждущую, потерянную, нереальную...

Она запросто могла броситься под поезд, и все, что от нее осталось, — это ее одиночество. Ее ожидание. Это оно стоит там, на платформе, томится, страдает. Ждет. В вечном вращении, невозвращении...

— Карусель «Веселые горки», — сострил Бес, — это точно про мою жизнь, то вверх со щекоткой в низу живота до эякуляции, то падаешь вниз с мокрыми штанами, опустошенный и злой... Эт ты в точку. День за днем каруселим и куролесим, как в двадцать, помнишь?..

Хотелось Ивану ответить «не помню» и посмотреть, что произойдет с лицом Артема, не стал.

— Мы что, ждем кого?

— Сегодняшнюю карусель, — хохотнул Бес, — твоего героя. Лис обещался тоже подойти заранее и с бухлишком.

— Время героев прошло, так, тебе на заметку. — Пустая бутылка нырнула в мусорный контейнер. — Мы живем во времена других героев. Антигероев.

— Поддержу товарища, — сказали кусты, затрещали, к скамейке вывалился худощавый, длинноволосый юноша с рюкзаком в обнимку, — время трусов и предателей, молчунов и толерантности, а полная толерантность — это смерть.

Обрушился на скамейку знакомым перезвоном.

Артем пьяно расплылся — улыбка по-клоунски растянулась, руки разъехались, готовые встретить объятия:

— Вот и он, антигерой нашего времени! Давай обнимашки, чмоки-моки, зафиксируем наш союз.

Антигерой отмахнулся:

— Блин, Бес, европеизм с тебя так и прет, с запашком таким, тошнотворным, не блевануть — уже подвиг.

Спрятал руки за спину Артем, буркнул что-то неразборчиво.

— Лис, — представился новоприбывший.

— Иван.

Мужчины пожали руки.

— История задом наперед? — из-под чуба взглянули щелки лисьих глаз.

Теплым, родным сделало все вокруг название самого дорогого для Ивана Конева рассказа. Польстило и согрело. Иван сильнее встряхнул ладонь поэта, ставшего в три слова значительным, по-дружески близким.

— Задом наперед, — усмехнулся автор, — так и живем.

— Ой, я же тоже читал! — оживился Бес. — Это где хрен пойми что происходит.

Лис отработанным взмахом головы откинул с глаз обесцвеченный чуб:

— Хрен пойми — это ты со своей европеоидностью, где все через зад, и ты туда же! Не те ориентиры у тебя, Артем Валерьянович, не той дорогой топаешь, товарищ.

— Да я же поэт все-таки, мне простительно в прозе не шарить, — оправдался Бес, — ты пиво или что там принес?

Из рюкзака выбрались, встали в ряд в ногах три бутылки портвейна «777».

— Не по европейским, конечно, стандартам, зато от души.

Желудок Ивана съежился от вида бутылок, Иван кашлянул в кулак:

— Сурово. До ветритэшников, главное, добраться...

Лис подмигнул:

— Все уже здесь. А в рюкзаке еще столько же и плавленые сырки.

— Ну, раз плавленые сырки, — присел Иван рядом с новым знакомым, — тогда остаюсь.

— Какой я в жопу европеец, я даже еврей не чистокровный, половинчатый, — присоединился Бес к друзьям, ловко схватив бутылку, присел на край скамьи, — и стихи у меня, если на то пошло, русским духом пахнут.

— Сейчас точно от тебя русским запахнет, — рассмеялся Лис.

Пили из горла, закусывали сыром.

Последний раз такое себе позволил Иван Николаевич лет десять назад. Попробовал вспомнить, точнее, припомнил пьянку на площади у редакции в священный праздник 9 Мая. Прошлое пробралось в настоящее, Иван искренне рассмеялся неизвестно чему, просто воспоминанию, дню десятилетней давности, который он совсем, совсем не помнит.

Лис подхватил смех, Бес догнал, смеяться без повода, как в детстве, это ли не самое прекрасное в жизни?

— Смех сильней смерти, — вынес вердикт Лис, подхихикивая, — голос бессмертия.

Отрыгнул Бес:

— Да ну вечную жизнь эту. В ней нет места стихам. Литературе в целом. Творчеству, искусству.

— Нет — и не надо, больно нужно, — в голосе Лиса суровость и раздражение, — чё, много пользы от твоего искусства?! Ноль без палочки. Одни проблемы, болезни, комплексы, страдания, депрессии, суициды — и список этот как сама бесконечность.

— Бесконечен, как искусство, — подмигнул Иван, отхлебнув портвейна. Устойчивый запах вокруг троицы отогнал назойливую мошкарку и любопытных, прогуливающихся туда-сюда зевак.

Подмигнул и Лис в ответ.

Сколько ему лет? Двадцать? Двадцать пять?

Прочитав мысли, Лис сказал:

— Мне двадцать семь в этом году, а кажется, что ни хрена я не прожил. И ни хрена не знаю. Но точно могу сказать — и буду отстаивать эту точку зрения с пеной на губах: писатель должен отвечать за свои слова. За каждое долбаное слово! За мысль произнесенную. За все, что наболтал и напроорочил, нести ответственность, и не какую-то там метафизическую — физическую ответственность. По десятибалльной шкале. Написал что-то нечестное, обидное, задел чувства невинного читателя — получи, фашист, гранату. Скажем, сто ударов током в голову, в мозг.

— Ммм, — промычал Бес.

— Сурово, — подметил Иван.

— Подождите, вы еще не знаете, что станет с тем автором, который ломает человеческую жизнь. Чьи книги испортят вкус и сознание...

— Смертная казнь? — предположил Бес.

— Маловато будет, — Иван кровожадно сдавил горлышко бутылки обеими руками. — Прикончить — это значит отпустить автора безнаказанно. Пожизненное страдание, пока жива его книга.

Бес снова мычал, Лис поднял бутылку:

— Так и запишем, и закрепим.

Три семерки сложились в две тысячи триста тридцать один.

Выпили, Иван спросил:

— А кто будет решать, кого следует наказать, и выносить приговор?

— Да, — встрепенулся Бес, — а судьи, мать их, кто?

— Сами же писатели и будут. Например, я доверяю вашему вкусу, друзья, вот вам и решать, следует меня кастрировать за мое новое стихотворение или отделаться пинками по почкам...

Лис не успел прочесть новое творение — наказание в темно-синей полицейской форме возникло из тех же кустов, откуда час назад появился молодой поэт.

Полицейские встали над троицей самыми взаправдашними судьями, вершителями литературных и человеческих судеб.

— Распитие спиртных напитков в общественном месте, — начал совсем юный, с пушком над верхней губой, судья.

— Угу, — кивнул второй, постарше, поглаживая черную плоть резиновой дубинки, он держал ее в руках и, словно живое существо, нежно ласкал.

— Документики имеются? — юный полицейский сурово заглянул в лицо Ивана. — Паспорт, военник, другое удостоверение личности.

— Угу, — кивнул полицейский с дубинкой.

Бес с Лисом заговорили — наперегонки, перебивая друг друга, — что у них повод, мероприятие и сейчас они спрячут бутылки, да и пора им давно уже на выступление, стихи читать и все такое...

Иван показал членский билет Союза писателей, он со дня получения три года назад так ни разу и не вытащил его из сумки.

— Точно, писатели, надо ж, — улыбнулся юнец, разглядывая удостоверение Ивана, — а я ведь тоже сочиняю.

— Угу, — дубинка скользила в сжатой ладони, неприятно вздыхая.

— Что, все трое стихи пишете?

— Почему?! И рассказы, — оскорбился Бес, — правда, я не пробовал, я как бы поэт до мозга костей, поэт-революционер даже, а вот коллеги прозой балуются.

— Иван Конев, знакомое, я вроде читал, — вернул билет полицейский. — Давайте вы нам прочтете что-нибудь из своего. Если нам понравится, мы вас отпустим.

— Угу.

— Если не понравится, то что? — Бес нагло допил из бутылки остатки портвейна.

— А не понравится — в отделении разберемся, что с вами делать, казнить или помиловать.

Голубые глаза, да еще с большими вздернутыми ресницами, — совсем не для сотрудника органов, разглядывал полицейского Иван.

Не зря стихи сочиняет, есть в нем что-то не мужское, девчачье... Тонкое. Нежное. Романтическое.

— Казнить нельзя, помиловать, — сказал писатель, убирая членский билет в сумку на ремне. — Давайте вам Лис свое новое произведение прочитает. Он как раз собирался вынести его на читательский суд.

— Перед тем как вы нас так бесцеремонно потревожили, — перебил Бес и громко отрыгнул.

— Лис — это который?.. — Юный полицей угадал, показав на длинноволосого, подающего надежды поэта.

Иван представил полицейского с такими же волосами, как у Лиса, улыбнулся: они ему очень даже шли.

— Пускай отдувается Лис, нам без разницы, да же?

Дубинка согласился:

— Угу.

Опустошив свою бутылку, Лис встал:

— Не перебивать, чур, и не переспрашивать, — попросил, стряхнул с глаз волосы, тихо начал читать:

Она легла сама,
 Сама его зачала,
 Сама и родила,
 Сама потом продала.
 Проклятием ее
 Он стал ненужным свету,
 Писал в ночи стихи,
 Меняя сигарету.
 Сказать, что он поэт, —
 Слезою захлебнуться,
 Любить такую мать,
 Стрелять ежеминутно,
 Калечить, но любить...
 А он ее не знает,
 Но любит свою мать,
 Ночами ожидает
 Ее объятий, ласк
 И теплоты душевной...
 Но сумерки опять
 Тревожат воскресенье.
 А в выходные дни
 Она меняла платья.
 Она легла сама,
 Сама потом продала.
 Им встретиться, увы,
 Случилось лишь однажды,
 На вечере, когда
 Кого-то распинали.
 Быть может, и ее...
 А может...
 Я не знаю,
 Но только вот его

Они недосчитались.
 Она вернулась в дом,
 Любви случайной полный,
 Но что-то в глубине
 Ее родилось темной,
 Так захотелось вдруг
 Сквозь бисер и морщины
 Увидеть ей того,
 Которого отныне...
 Недосчитался свет.
 Поэт и Амазонка,
 Ему жить вечно,
 Ей...
 Еще чуть-чуть,
 И только.

Перевел дыхание и так же тихо закончил:

Она легла сама,
 Сама его зачала,
 Сама и родила,
 Сама потом...
 Распяла.

— Угу, — отреагировал первым Дубинка.
 Бес захлопал в ладоши, Иван поддержал.
 Юный полицейский, заметил Иван, слушал с открытым ртом, хватал, пробовал на вкус каждое слово, проглатывал.

Лис вернулся на скамейку к друзьям по несчастью:

— Аплодисменты здесь излишни, посмотрим, что наши товарищи судьи скажут, каков приговор?

Пока поэт читал свой стих, набережная, заглушив все звуки, слушала, теперь вновь ожила: всплеском реки, криками ребятишек, дорожным гулом...

Все, и набережная, ждали решения судьи, судья, как и полагается, тянул резину.

— Меня задело, — всхлипнул Бес, — сильно, очень сильно, особенно финал с распятием. На бис. Подтверди, Иван Николаевич?

У Ивана же случилось дежавю — смотрел в голубые глаза юного судьи и думал: а не переодетая ли это девушка с перрона? Беляночка, как он ее окрестил. Нечто подобное он переживал уже. Во сне? В альтернативной реальности? В бредовых фантазиях?..

Сейчас лицо полицейского должно расплавиться, оно потечет ему в ладони и... И что?.. Иван проснется?.. Или, наоборот, проскользнет в иную реальность?.. Поймет, что это все не настоящее, одно бесконечное «уже виденное»?.. Карусель?..

Лицо полицейского, действительно, изменяется, видит Иван, Бес больно стучает в бок локтем, просит подтвердить что-то, Иван подтверждает.

Судья меняется на глазах, глаза зажигаются солнцем, звездная улыбка выстреливает белоснежными зубами, полицейский берет руку автора стихотворения в ладони:

- Тронут. На пять с плюсом. Хотя нет, на все ваши три семерки.
- Угу.

Набережную приговор устроил, она громыхнула свадебным фейерверком, это у бюста Гагарину остановился кортеж с новобрачными, пьяная толпа запускала петарды, сигналили машины, визжали холостые подруги невесты.

- У меня только пара вопросов, и мы вас покинем.
- «Ну, началось», — загорелось лицо Беса. Лис сказал:
- Задавайте, вы главный, судья.

Довольно кивнув, полицейский присел на корточки прямо напротив поэта, полицейский Дубинка опустил следом, продолжая тискать резиновое изделие.

— Неужели вы правда считаете, что мать может участвовать в распятии собственного ребенка, сына?.. Моя мамуля, я вам богом клянусь, ради меня сама пойдет на крест, но не позволит, чтобы причинили вред мне. Да она убьет любого ради меня.

Сказал и стеснительно захлопал «коровьими» ресницами.

- Угу, — поддакивал напарник, хлопая дубинкой по ладони, — угу.
- Матери разные бывают, — ответил за Лиса Бес, — это можно понимать и как метафизическое распятие. Она распяла его, отказавшись от него еще в детстве. Скажем так — все мы распинаемые своими родителями. Вам повезло с матерью, должно быть, не повезло с отцом, кому-то не повезло с обоими родителями. Я так свою мать прибить готов был, пока не повзрослел. И она уж точно с радостью собственноручно меня б распяла.

Иван увидел сначала пригвожденного к деревянному кресту Беса, потом девушку в белом платице с восьмого пути, третьим должен был стать юный полицейский, но тут случилась заварушка. Крик, стрельба, ржанье невидимых лошадей, и в результате вместо полицейского подняли к небу крест с распятой на нем женщиной — это мать полицейского: счастливая, смеющаяся, сияющая в лучах собственной победы.

- Согласен, — грустно согласился полицейский, — с мамами везет не всем. Но мама — это священо!

- Аллилуйя, — буркнул Бес.

- Тогда второй и последний вопрос, — поправил квадратное полицейское кепи судья, — как настоящее имя и фамилия автора? И не надо отвечать, что Лис, это мы уже знаем. Как мама с папой окрестили?..

Иван с нескрываемым интересом ждал ответа, Бес нервно косился на рюкзак, скрывающий в себе нераспечатанные бутылки портвейна.

- Я ведь могу соврать, — Лис стряхнул чуб с глаз.

Полицейский смотрел на поэта с интересом и любопытством:

— Давайте так: я узнаю, как вас зовут, где живете, и...

— И?..

Бес перестал икать. Иван раскрыл рот. Дубинка замерла в ладони второго полицейского.

— И вам придется послушать мои стихи, все, что написал.

— Уф, — выдохнул Лис.

— Ик, — продолжил Бес.

— Угу, — поднялся напарник.

Юный полицейский встал, отряхнул без необходимости чистые, выглаженные, с острыми стрелками, брюки:

— Тогда не прощаемся, и с «тремя семерками» своими осторожней, лучше на мероприятии с ними разберитесь. — Он протянул руку, но быстро убрал в карман: — Не прощаемся.

Угукнул Дубинка, пристегивая резинового дружка к боку.

Ивану показалось, полицейский им подмигнул, а когда взглянул стражам порядка вслед, то вместо молодого судьи снова увидел Беляночку, платье вздувалось китайским фонариком, словно воскресшая Мэрилин Монро вдруг возникла на набережной Ангары, в городе Иркутске, кокетливо сдерживая непослушный, воздушный зефир платья.

— Лис, ты попал, — полез за добавкой в рюкзак Бес, — товарищ полицейский серьезно настроен и задерет тебя своими нетленками, помня мое слово.

— Если найдет, — взял новую бутылку Лис, — меня ведь нет.

— Тогда и меня нет, — икнул, засмеялся Бес.

— И меня тогда нет, — Иван Николаевич Конев понял, что пьян, когда не смог сдержать самый настоящий лошадиный смех.

Притворись собой (Где растет олеандр)

Я безногий инвалид в ящике на колесиках, грязной, замусоленной бейсболке с надписью «Spider-Man». Как есть Человек-паук собственной персоной. Да, да, это ты меня видишь каждый долбаный день у входа на Центральный, его еще по старинке называют «колхозный», рынок. Я нищоброд, попрошайка, как ты знаешь, с протянутой черной рукой в варежке даже жарким летом и специфическим собачьим запахом. Со мной всегда за компанию та самая собака, которой провонял, зовут ее соответственно Ссыкуха, в особо вонючие дни незваными гостями вокруг — полчища мух всех мастей, раскрасок, размеров. Не поверишь, я пользуюсь средствами от насекомых, чтобы отгонять назойливых жужжащих прищельцев, только безрезультатно. Мы живем во времена мутаций, все мутирует. Тараканы в комнате на подселении, где живу, объедаются отравой и скоро начнут разговаривать, мухи под ядом становятся настырнее и ни капельки не дохнут, соседка Светлана-

парикмахерша пьет духи и туалетную воду, на свой тридцатилетний юбилей, рассказывала, выпила два флакона «Шанель № 5», такая вот гурманка-алкоголичка, превращающаяся по ночам в жабу. Вот те крест, своими глазами видел, сидит на пороге, квакает, глаза выпучит, и кожа зеленая, сплошь в прыпырышках, «ква» да «ква», и так до утра свои рулады выдает, пока не заснет.

Мутанты кругом. Многие научились просто это скрывать на людях, эти самые опасные из мутантов. Я вон тоже получеловек, если ты не заметил, одно лишь «но»: таким меня жизнь сделала, я не жертва техногенных экологических катастроф и аварий, я жертва правительства, отправившего меня отвоевывать соседские земли. В правительстве, не секрет, все до единого, до уборщицы тети Наринэ, мутанты.

Мутант мутанту — волк. Они никогда не подадут больше рубля — и то в день магнитной аномалии, а так бегут мимо, не замечая, хотя меня и люди, человеки, стараются не замечать, у некоторых наблюдаю что-то вроде стыда, вот это радует. Меня сейчас ничего не радует, ни сто рублей, брошенные самым большим городским грешником из черного «мерседеса», ни тихая, теплая ночь... Хочется одного, мечтаю, как впервые услышал о них по телевизору. Некто Чистильщики взяли на себя такую миссию — избавляют землю от всякого человекоподобного мусора: бомжей, наркоманов, пьяниц, проституток, содомитов... Так я жду не дождусь, когда очередь дойдет и до меня. Сплю и вижу, как они обнаруживают меня, находят пасмурным, серым утром здесь, между пустых рядов, возле лотка с хлебом и хозяйскими. Их трое, одна девушка-красавица, они не прячут лиц, у них молотки, у девушки нож. Она бьет первая, в горло, не убивает, я кричу кровью не от боли, от радости. «Свершилось!» — я кричу, и меня добивают молотками молодчики, весело матеря чертова калеку, недочеловека и мразь. Они за красивый мир без уродства. За чистоту тела и мыслей. Я умираю долго, так мне и надо, пятьдесят три раны насчитает врач, по ране за каждый прожитый год жизни, никчемной, никому, даже мне самому, не нужной жизни.

Спросишь, а что душа? Да нет никакой у меня души. У мутантов и полулюдей нет такой субстанции, так, кусок мяса с костями и дерьмом.

Как сказала бы соседка-жаба — сдох Максим, да хер с ним!

А сегодня с утра буду дворничихой, что метет у школы целую вечность, день за днем, без выходных, без праздников, зимой и летом одним оранжевым цветом. Так решил Иван, схоронив в себе забитого до смерти Человека-паука.

Всех придуманных, чьи жизни он переживает, обязательно надо хоронить. Убивать необязательно. Важно похоронить, закопать живьем, растворить, будто не было, проигнорировать, вычеркнуть, добавить в черный список, да хоть в открытый космос отправить... Или воспользоваться самым простым, надежным способом: сбросить в жерло своего личного внутреннего вулкана.

— Эйяфьядлайё... ёо... ёк!

С десяти лет (плюс-минус год-два) наметил цель — отчеканивать название вулкана, чтоб как от зубов отлетало, тем самым удивлять, поражать, покорять, властвовать.

Училка по географии Нелли Васильевна за одно лишь это запишет его в любимчики. И споры будет выигрывать, с легкостью, как с куста, выдавая — Эйяфьядлаё-о-о!..

Пока у Ивана получалось прочесть название четко, ясно, без запинки с помощью листа, где большими буквами написано это шестнадцатibuквенное заветно-волшебное слово.

Мальчиком из детского сада Ваня думал, что правильно произнесенное им слово — красная кнопка запуска конца света. В шестнадцать решил, что знаково, наконец, научиться собирать шестнадцать букв «э», «й», «я», «ф», «ь», «я», «д», «л», «а», «й», «ё», «к», «ю», «д», «л», «ь» в слово. Слово всей жизни. Лозунг его победы.

Школа учила подчиняться, создавала авторитеты, зависимость. Ивана она научила притворяться, а делать это он мог хорошо еще с детского сада. Школа поднатаскала в мастерстве быть другим, таким, каким хотят тебя видеть учителя, завучи, директор, одноклассники. Родители и соседи, друзья.

Прохожие, незнакомцы...

Играть роли, разыгрывать жизни чужих людей проще, нежели жить своей жизнью. Примерять на себя не свое. Быть другим, на дню проживать несколько жизней сразу, быть пенсионером и маленькой девочкой — это ли не свобода в выборе, кем и как жить. Настоящее дыхание жизни — в шкуре знакомых и незнакомых людей...

Сегодня с раннего утра стал дворником, тетей Шурой. Встречаясь с ней в школьные будни, иногда в выходные, Ваня стыдливо отводил глаза и никогда не здоровался. Теперь, став сгорбленной, пальцы в шишках от переизбытка солей в костях, страдающей бессонницей и запорами Александрой Степановной, живущей у стадиона, выращивающей самые красивые розы в поселке, он окликнул себя-десятиклассника, спешащего к первому уроку:

— Эй?! Эй ты! Не делай вид, что не слышишь. Все ты прекрасно слышишь! И видишь! Не слепой! — прокуренно-простуженным голосом буквально пролаяла тетя Шура.

Десятиклассник Иван Конев замедлил шаг, разглядывая землю под ногами.

— Думаешь, я не знаю, почему ты со мной не здороваешься? Почему не смотришь в глаза?! Так я скажу: тетя Шура не дура, тете Шуре сто лет в обед, она все знает, все про всех. И тебе, сопляк, скажу: ты думаешь, что боишься заразиться от меня какой-нибудь заразой, невезением и несчастьем... Выкуси, — показала дулю дворничиха, — на самом деле ты боишься разглядеть во мне себя. Да, себя, хочешь — смейся, а хочешь — кровавыми слезами плачь. Внутри ты такой же, как я. Забитый, потерянный, неустроенный!.. Горбатый, больной засранец, мечтающий о конце

света. Ты боишься правды. Все боятся правды! Правды о себе! Прячем ее, скрываем в темных колючих кустах своей души! Так вот слушай!

Мальчик зажал уши, побежал к воротам школы. Тетя Шура кричала, осколки слов проникли в голову и сердце Ивана.

«Погубит», «огонь», «ревность», «мрак», «безумие» болезненно жалили, кусали...

— Умри, умри, умри!

И тетя Шура, обладательница неповторимых пурпурных роз, умерла от разрыва сердца, посреди улицы, в обнимку с метлой из еловых лап. Завалилась набок у фонарного столба, ее последним словом было имя:

— Дездемона, — прошептала дворничиха, испуская дух.

— Правда убила ее, — сказал Иван, проходя в ворота школы, он так и не обернулся на оранжевую кляксу, застывшую у основания вечно разбитого фонаря.

Ване с четвертого класса нравилась Дуния, девочка со столь же прекрасными, как и ее имя, золотыми волосами. Дуния дружила с мальчиком Тимуром из другой школы. Тимур умирал всякий раз, стоило Ивану взглянуть на одноклассницу. Смерть его была ужасной. Иван всякий раз придумывал изощренные пытки и казни. Нечеловеческие машины наказания приводились в действие одной его мыслью, конкурент превращался в кровавую стружку, внутренний вулкан с труднопроизносимым названием на время засыпал.

Первым уроком алгебра, десятый «А» соответствует букве алфавита, лидер в тройке классов, шумит даже как-то правильно, послушно. Иван Конев — староста класса, один из лучших учеников, любимчиков. А секрет успеха прост, у всех есть свои тайные рычаги, свои скелеты в темных кустах ежевичника, ведь так?.. Как и свои вулканы, хитрости, методы воздействия...

Притворство — неверное слово, неточное, знает Иван, как и то, что до конца года ему не вызубрить победное слово.

Есть места силы (у него это место у заднего забора сада), и есть слова силы. Слово, которое успокаивает, заставляет действовать, двигаться вперед, чувствовать себя живым, внушает уверенность, придает силу...

Слово силы. Его слово: Эй-яа-фь-яа-де-лай-ёо-о-о...

— Ок, юу... — гудит Иван, уставившись в парту, исцарапанный квадрат невысказанных желаний, посланий, решений. Тогда в третий раз Светлана Александровна окликает его, и в этот миг, поднимая глаза на учительницу по алгебре и геометрии, Иван становится ею.

На физкультуре он влезает в шкуру школьного чемпиона по тяжелой атлетике Руслана Фетисова, они могли бы стать хорошими друзьями, если бы не фанатичное увлечение Русика штангой, с которой он проводит все свободное время.

— Штанга — лучший друг Фетисова, а может, и жена в будущем, — шутит Иван в редкие мгновения, когда Дуния рядом, это они на дежурстве

в столовой, кормят первоклашек бесплатным обедом. Дуния смеется и говорит:

— Не смешно, Ваня.

А Ваня готов стать для нее всем, чем угодно, смотрит в ее наигранно серьезное лицо с россыпью капелек солнца по щекам, и вдруг — а не стать ли ему Тимуром?.. Мысль уносит в темноту души, он ныряет в жерло вулкана. Проходит через портал своей вселенной, оказывается перед кустами ежевики, давно он здесь не был. Одинокие черные ягоды глядят осуждающе, зло... Иван тронул веточку, ежевика в ответ уколола до крови. Впрыснула яд, он пронесся по венам, накаляя тело, прожигая и плавя...

Иван превращался: грудь набухла, надулась пухлыми сферами, ежик на голове распушился золотистыми кудрями по плечам, если бы он мог взглянуть на себя, то увидел бы, как глаза поменяли цвет, как веснушки расстреляли щеки и нос, нос стал меньше, губы свернулись бантиком... Мысли... он не мог контролировать, что происходит в его, точнее, уже не в его голове...

Хотел стать другом Дунии, но оказался ею самой. Стал девочкой, в которую влюблен и которая мечтает о смерти отца.

Во снах она вновь и вновь видит его мертвое тело. Видит, как отца выносят в гробу из их двора и несут в сторону кладбища. Видит его тело на полу на кухне, с разможенным мясорубкой черепом. Видит отца в своей комнате, это самое страшное, что она видит с неконтролируемым постоянством. Она кричит:

— Если бы мама была жива, она бы убила тебя!

Отец пьян. Он огромен, безумен, и не отец вовсе. Это животное, оборотень в погонах, с горящими звериными глазами. Волосатые лапы тянутся к ней, зажимают рот, из пасти несет перегаром и кровью, оно приказывает, так всегда, не говорит — отдает приказы, сорок лет службы в армии.

— Заткнись! Закрой глаза! Ты мне не дочь!

Она, действительно, не дочь, падчерица. Но ей с детства строго-на-строго приказано называть его отцом и не думать иначе.

Иначе!..

Дуния сдается. Дуния замолкает, закрывает глаза, он опрокидывает ее на кровать, и Дуния умирает. Каждый раз, когда он делает с нею *это*, пробирается в комнату и не закрывает дверь, потому что в доме никого, она умирает. Это самое лучшее, что с ней происходит. Она умирает. Смерть.

Мечты, как она убивает чудовище, тоже под запретом. А Дуния мечтает.

В школе, в кабинете истории, на последней парте у окна рисунок — очень реалистичный, черной и красной пастой сделанный. Расчлененное тело мужчины с головой волка в генеральских погонах. Дуния обязательно выкрадет время, чтобы увидеть эту кровавую сценку, творение неизвестной руки, послание неба, знак от автора, прочитавшего ее мечты...

Ее алтарь. Однажды Дуния собственноручно сотрет его с парты, однажды, в последний день оборотня на земле!..

Вулкан вытолкнул его из себя в школьную столовую, пропахшую пончиками и компотом из сухофруктов.

Чувство вулканической ярости требует выхода. Мелкая нервная дрожь в пальцах рук, знак извержения.

Дуния на раздаче подает малышне тарелки с едой, улыбается, подмигивает и шутит...

— Неужели? — спросил себя, спросил вслух. — Я на секунду, — предупредил и без него отлично справляющуюся одноклассницу, вылетел через кухню в коридор, здесь уже толпятся в ожидании своего обеденного часа старшеклассники, на второй этаж к кабинету истории.

— Неужели?

Отсеченная волчья голова смотрела с уголка парты — красный потухший, уже не такой хищный взгляд, кровавая пена вместо клыков, из ровно перерубленной шеи фонтанчики крови, кровь на погонах... Крик о помощи, о спасении в черно-красных цветах шариковых ручек.

— Эйфьядлай... — этих букв было достаточно, чтобы принять решение.

Ежевичные заросли — любимое, секретное место в саду, сколько он себя помнит. Иван не хочет себе признаться, что боится на самом деле этих колючих зарослей и, как все страшное и неизведанное, они его притягивают. Как муха летит на варенье, только снятое с плиты, оно еще кипит, надуваясь малиновыми обжигающими пузырями, пенится раскаленной магмой, но сладость сильнее смерти, и насекомое вмиг становится частью варенья.

Мухой Иван подлетел к кустам. По соседству с ежевикой — шиповник и верблюжьки колючки.

— Я пришел просить помощи, — шепотом сказал, вставая на колени, — надо помочь одной девочке.

Просунул руку внутрь ежевичника, нащупал в прохладной темноте коробку. Жестяной, похожий на гроб тайник облюбовали улитки.

Из всего тайного содержимого Ване нужен потрепанный журнал без обложки с обнаженкой, он давно собирался от него избавиться, и вот момент настал. Иван решил написать анонимное письмо отчиму Дунии: вырежет буквы, приклеит их на альбомном листе. «Я все знаю, урод! Тронешь ее еще раз, и все узнают, кто ты на самом деле! Насильник малолеток!» Примерно такой текст он подбросит чудовищу.

Ежевика ожила, листва зашуршала, колючки вцепились в рукав рубашки, Иван услышал в голове шипение, словно сотни виноградных улиток ползут по старой, пожухлой листве:

— Это его лишь разозлит, подтолкнет к действию, плохому, ужасному... Он ведь чудовище, ему избить, покалечить, убить — раз плюнуть. Он всегда в бою, на войне, у него все кругом враги, и твое послание станет

сигналом. Скорее всего, избьет ее до полусмерти, а может, он использует нож или скальпель, у него ящичек с хирургическими инструментами в гараже, и тогда она точно не выживет. О да, он заставит ее помучиться, перед тем как прервать ее жизнь на веки вечные. Он мастер боли.

Ему не составит труда скрыть тело, он прожженный вояка, знает все лазейки, способы заметания следов, как бить, не оставляя синяков, и прочее, и прочее...

— Черт, — Иван сел на землю, — тогда, тогда что? Помочь Дунии сбежать?.. Да, выход, спрятать ее у нас на чердаке, обратиться за помощью в милицию, инстанции...

— Его надо убить! — затряслись заросли, обсыпали Ивана чешуйками сухой листвы. — Он выкрутится и точно прикончит ее! Давай прямо сейчас стань им, войди в него, притворись, что ты — это он. Я помогу, на счет «три» ты превратишься в чудовище.

Ваня не успел возразить.

— Раз, два, три.

Монстр получал удовольствие, несравнимое даже с сексуальным, — эстетическое, божественное удовлетворение от издевательств над солдатами, власть превратила его в чудовище. Власть и молчание. Молчали все, кто пострадал от пряжки его ремня и сапог, кто слышал о пытках, — молчал, кто только догадывался и подозревал... Молчание, самый верный спутник преступления. Молчание, страх, бездействие, тупое безоговорочное подчинение... У Монстра в погонах безупречный послужной список, он герой, он бог...

— Ты такой же солдат, как и все! — схватив Дунию за голую руку, красный отпечаток пятерни на целую неделю, он рычит ей в ухо. — Только тебе повезло, у тебя есть то, чего нет у солдат. Поэтому слушайся! Подчиняйся приказам! Заткнись и молчи!

Ваня выбирается из Монстра, когда тот обрушивается всей своей громадиной на девочку с золотыми волосами и веснушками. Выскальзывает из полного мерзостей и черноты тела, чтобы проникнуть в тело знакомое, полное света и такое несчастное.

Ваня стал Дунией.

Перевоплощение — это как взять поносить на время понравившийся свитер друга, а вдобавок к одежке еще и проникнуться парочкой, а то и больше, сокровенных желаний, постыдных фантазий, темных мыслишек...

Дуния боялась надевать школьную форму, белый верх, черный низ, именно этот образ, догадалась девочка, свел и продолжает сводить с ума отчима, то есть отца. Правда, спортивные штаны с футболкой ее тоже не спасали. Остановить его могла лишь смерть.

Убить себя? Она думала об этом, останавливал голос матери-покойницы. Мама просила:

— Дочка, проживи и мою жизнь, живи за двоих! Все мои оставшиеся года я оставляю тебе в наследство. Обещай. Поклянись, что проживешь долгую-предолгую жизнь в радости и счастье!

Дочь обещала.

— Где ты, мама? — плакала и мечтала, что мама вернется, восстанет из мертвых. Такое же случается, если неоткуда ждать помощи и не на кого надеяться?.. Тогда на помощь приходит небо, чудо.

Воскресшая мама придет в дом, войдет в комнату, все увидит и свернет голову мужу, как выкрутит перегоревшую лампочку.

— Раз, — улыбалась Дуния и выворачивала одним движением невидимую лампочку-голову.

Еще мечтала, как пробирается в спальню к спящему, храпящему на весь дом монстру, у нее в руке шприц с воздухом, она вонзит иглу в жирную шею отчима и впустит смертельную дозу пустоты в кровь, пьяный, он умрет, так и не проснувшись. Его убьют десять миллиграммов воздуха. Убьют частички ее дыхания...

Мечтала.

— Давай сделаем это! — сказал голос, Иван старался говорить как можно тоньше, пискляво, но Дуния все равно испугалась, голос был знакомым и незнакомым одновременно, но то, что это не ее внутренний мягкий, как мурлыканье любимой кошки, голосок, это точно.

— Что? Шприц? — дрожал голос, дрожали губы, и ресницы дрожали. — Нет, я не смогу.

Голос сказал:

— Тогда мы поступим так: сок олеандра, тебе нужно всего лишь добавить его в питье Монстра. Где растет олеандр, ты знаешь. Нарви два пакета, стебли, листья, цветы, всё в мясорубку...

— У нас есть комбайн, блендер, — подсказала шепотом девочка.

— Отлично, лучше, чтобы ты все это делала в перчатках.

— Есть перчатки, — обрадовалась, — целлофановые.

— Отлично, потом нужно отмыть все с мылом, везде, где был олеандр.

Дуния поддакивала, кивала, собираясь на ходу, под инструкции голоса, так сильно напоминающего материнский.

— Три, два, раз!

Крохотные ранки на ладонях неприятно покалывают, жгут, руки по локоть в царапинах и зелени, на футболке и джинсах те же зеленые следы.

Принюхался Иван, понюхал ладони: запах скошенной травы и приторно-тошнотворный, сладкий запах цветков олеандра.

Или это всего лишь игры воображения, как и ежевичное существо, что обернулось зарослями ежевики, как только он открыл глаза?

Всё в голове, весь мир, ты со всеми своими перевоплощениями, притворствами. Ты настоящий и ты поддельный...

— Настоящий? — Ивана напрягало слово «настоящее».

Что это такое, настоящее? Он настоящий, когда притворяется, или?.. Когда он настоящий? Где? С кем?..

Может, нет никакого настоящего, есть только то, что сейчас, что может быть придуманным, ложным, эфемерным, ненастоящим... Настоящего нет — всё совокупность множества несуществующих, выдуманных нами мелочей. Настоящее соткано из ненастоящего, так какое оно настоящее?!

Иван проверил, на месте ли тайник, коробка с секретами притаилась в темноте ежевичника, посмотрел на небо. Настоящее небо?... Неба на самом деле ведь нет. Его нельзя потрогать, нырнуть, как в море, поджечь, обнять... с ним ничего нельзя сделать... Только при желании, одним щелчком, можно сделать его розовым, как цветки олеандра, или в клеточку, в горошек, как любимая пижама... Неба нет. Оно тоже ненастоящее.

— А вот ежевика настоящая, — поднялся на ноги Иван. — И кровь, — потер окровавленные ладони, — кровь тоже настоящая. Я?..

«Я» — последняя буква в алфавите, любит повторять младшая сестра за мамой. Но последний год, два (три?) это самая любимая и часто употребляемая (злоупотребляемая) буква у Ивана.

— Я-а-а, — Иван спускается по тропинке мимо виноградника и молодых гранатников к дому, — я-а-а есть!..

Да, говорит он себе про себя, я есть — и какая разница, настоящий я или кем-то придуманный. Придумать себя — это так просто. Притвориться собой! На раз. И-и-и — раз!

Ночью никак не приходил сон. Маленьким Ваня представлял его похожим на Деда Мороза, Дедушка Сон приходил из темноты, бесшумно, под треск сверчков, с теплым дыханием печи, в паутине бороды у него мерцали запутавшиеся звезды, а в глазах вместо зрачков — песочные часы. Этим песком он засыпает наши глаза, а по утрам мы выковыриваем песчинки — кусочки снов.

Притворяться, что спишь, бесполезно, сон все равно настигнет, засыплет глаза песком из своих зрачков, и нереальность станет реальностью.

Сны смущали Ивана, обезоруживали. Во сне он был настоящим.

Первым уроком литература, Дунии поставили «н», на втором — английский язык — ее тоже не было, а на третьем уроке, геометрии, Светлана Александровна сказала, что у Дунии несчастье, горе, сказала она.

Десятый «А» загудел, только Иван сидел молча, несколько не волнуясь, не переживая за одноклассницу.

— У папы Дунии случился инфаркт, он в больнице, его состояние критическое, — поясняла классная руководительница, — Дуния пропустит школу, ну а мы давайте вечером навестим ее дома.

Класс дружно согласился.

Пятый урок, история, на перемене Иван взял со школьной доски тряпку, сел на последнюю парту у окна и стер расчлененного черно-красного оборотня в погонах.

— Ты, что ли, нарисовал? — возник Руслан, хватая Ваню за костлявые плечи.

— Не, не я, — попытался вырваться Иван.

— Чё стираешь тогда?.. Классный же, почти живой, как настоящий, — отпустил Фетисов плечи друга.

— Да, как настоящий, — повторил Иван.

Белое пятно в углу парты смотрелось нереально, искусственно и этим бросалось в глаза.

— Всю парту отдраить тогда надо, — сказал себе Иван, но помешал звонок на урок.

Решил, вечером расскажет Дунии, что стер рисунок.

Такой настоящий рисунок, почти живой.

Я блохастая рыжая дворняга без клочки. Ссыкухой звал безногий попрошайка с Центрального рынка, только его не стало, теперь меня снова никак не зовут. А так хочется, чтобы кто-то назвал, позвал. Ведь только то, что имеет имя, и есть по-настоящему живое!..

Витиеватость

Самое страшное в похмелье — это, конечно же, воспоминания, даже не воспоминания, а попытки вспомнить вчерашнее, с щемящим чувством стыда и раздутым (отчасти без повода) чувством вины.

Утро превращается в пытку под названием «вспомнить всё», и если до обеда не опохмелиться, то пытка тянется до вечера. Время не лечит, как не лечит эту жизнь алкоголь, эта парочка позволяет нам почувствовать себя дерьмом на теле планеты, в мире реальности, где выживает трезвый ум и сильный дух. Но непьющие люди всегда вызывали у Ивана Николаевича подозрение. Недоверие. Трезво смотреть изо дня в день на все, что вокруг, и не захотеть забыться хотя бы на время — это извращение похлеще всех вместе взятых известных Ивану извращений.

Трезвость не может быть нормой в этой жизни. В мире пренебрежения нормами какой может быть разговор о нормах в отношении злоупотреблений? Норма, как и мера, это не к нам. Не к человечеству.

Проблеском в сознании воспоминание: кто-то вчера утверждал, что и у библейского бога нет этих чувств — ни меры, ни чувства нормы, ни такта, ни терпения...

— Эйя... делья... кюль, — процедил исполненный уверенности в правильности произносимого названия Иван, поднимаясь с разобранного кресла-кровати. — И почему всегда приходят одни и те же мысли? — спросил, осмотрелся.

Справа от него диван с горой из простыней и одеял, напротив, в телевизоре, без звука сериал «Во все тяжкие».

— Как символично, — говорит Иван сам с собой, потому что в зале ни души. В голове то же, что и на диване: куча всего и всякого и ничего

конкретного, — карусель, желудок сводит спазмами голода, пересохшее горло жаждет воды, душа требует успокоения.

Успокаивать душу надо начинать стаканом пива, с постепенно приходящими воспоминаниями. Просветления — так называет процесс Иван.

Между диваном и телевизором стол с манящими бутылками — от чекушек до литровок. Пивные, водочные, коньячные. От вида «трех семерок» едва не вывернуло. Рвотный позыв родил еще одно ясное воспоминание.

Бутылка портвейна наполовину пуста, его бутылка, он не допил, потому что некая дамочка в парике возгорелась желанием выпить с ним на брудершафт коньяка.

— Я мечтала вот так вот встретиться с вами, — закатывала ярко накрашенные глаза она, — вы не помните, конечно же, меня, зато я вас прекрасно помню, и этого достаточно. Так же ведь и в любви, вы согласны со мной, надеюсь, часто одной любви хватает на двоих.

Иван печатал когда-то стихи поэтессы в ежегодном альманахе, они общались, скорее всего, по телефону, а пересечься могли лишь на презентации в Художественном центре. И вот так встреча.

— Вот так встреча, — повторяла поэтесса в парике всякий раз, когда в разговоре возникала пауза, — а я ведь так часто вспоминала, думала о вас, честно признаться, вы мне снились пару раз. Я даже записала сон у себя в ежедневнике со стихами.

— Везет, видите сны, — пьяно растягивал слова Иван, — я вот не вижу снов, я их придумываю.

— Великолепно. Надо же. Вот так встреча.

— Люди?.. — позвал негромко. — Есть кто живой?

Прислушался — урчание желудка и тиканье невидимых часов.

— Что, никого?! После вчерашнего выжил только я?! Ау?!

К урчанию и тиканью добавился шум в ушах. Рука сама потянулась к бутылке портвейна, вторая отыскала относительно чистый стакан.

Иван выпил на автомате.

Давно отключенный за ненадобностью автопилот сработал, кислой отрыжкой в нос — сценка прошедшей встречи «вэтритэшников».

В зале человек восемь, мужчины в большинстве, и все говорят, говорят каждый о своем. Свое. О себе...

Говорили о том, что провинциальная литература в жопе, что надо ей оттуда как-то выбираться, про новую книгу Сорокина, старые и никакие стихи местной графоманки Блиновой, вспомнили объединение ангарских литературных кружков и похороны Евтушенко. О сексе в поэзии и толерантности в искусстве говорили...

Иван вспомнил, как защищал точки над буквой «ё» и нелинейность в прозе.

— Необходимо обустривать свое литературное жилье своей техникой, обоями, потолками, полочками, столами... без использования старой

литературной утвари, антиквариата, громадьи, — пробудили допитые остатки «семерок» расплывчатый монолог Ивана, — время диктует свои формы, свой декор и ландшафтный дизайн...

Засмеялся Иван — так, что подавился, закашлял. Портвейн подействовал, забурлил, оживил кровь, в голове прочертились образы, слова, картинки...

После коньяка на брудершафт некто с трудновыговариваемым (почти как название его вулкана) псевдонимом принес китайскую водку. Но пить ее стали, лишь прослушав бесконечную, труднопонимаемую поэму без названия. Как оказалось, это название такое у поэмы — «Без названия». Смех снова сразил Ивана, в этот раз наповал, прямым в кресло.

— Все, что без названия, — не существует! — закричал в натяжной потолок. — Только то, что имеет имя, носит название, только оно настоящее. Взаправдашнее. Имеет право быть!

Аплодисменты грянули с потолка, эхом отбились от стен и пола, крики «браво!» окружили Ивана, закружили.

— Карусель, вечная, бессмертная, — шептал, уносясь на вертушке с номером 777 во вчерашний день.

А вчерашний день тем временем незаметно обернулся вечером. В зале загорелась люстра, и электрический свет убил всю романтику.

— Терпеть не могу электричество, — фыркнула поэтесса, утверждающая, что она поэт, но никак не поэтесса, Раиса Безродная, тощая, вечно сорокапятiletняя, с вечной сигаретой в зубах, — так же, как и все эти модные словечки, «ноу-хау» всякое, в поэзии не перевариваю просто, трясти начинает.

Лис громко рассмеялся с другой половины стола в знак протеста. Артем Бес, поэт-революционер, поддержал друга и собутыльника без малейшего понятия, над чем смеется.

— А я против напыщенных, надушенных всякой шанелью стихов! — прокричал Лис. — За простоту, без всяких усложнений и витие... витье... без орнаментов всяких, во!

Поэтесса в парике захлопала:

— Я согласна, совершенно и всецело согласна.

Толстый прозаик-фантаст Макс Сапрыкин по кличке Тюлень икал и не мог остановиться, чтобы выразить свою точку зрения, поэтому потюленьи захлопал ладонями, как лапами, по столу.

Поэт с непроизносимым псевдонимом и молодое бесполое существо воздержались, они жевали, пили, снова жевали...

Иван поддерживал литературное перекрикивание через стол медитативным покачиванием головы и протяжно-монотонным «м-м-м...».

В какой-то момент, скорее всего, между перерывом на перекур, когда все курящие выходили на балкон, и распечатыванием новой бутылки водки, за столом появилась девушка в белом. Беляночка перенеслась с восьмого пути сюда, на встречу неформального литературного кружка «ВтриТ», и без вопросов налила себе в стакан водку.

— Ты ошибся, Иван Николаевич, — сказала нежно, сладко, — все было совсем не так. Не все трагедии этого мира из-за любви. Далеко не все.

Иван поперхнулся, но не осмелился открыть рта.

Она выпила залпом стакан горючки.

— Любовь — выдумка. Любовь — притворство. Да, да, это как раз для тебя. Для таких, как ты, Иван Николаевич, кто может притворяться. Кто живет — притворяясь, что живет. А это не жизнь, это не любовь, не дружба, не чувства, не мысли... Это все не искренне, а значит, мертвое. Ты мертв, Иван Николаевич, как и они все мертвы, коллеги по перу, и твои темные фигуры, все до одной, — мертвецы. — Она взяла корку черного хлеба, откусила. — Я не могла притворяться, поэтому ушла. Я стала жить в моменте, одном истинно настоящем моменте своей жизни, когда все было правдивым: и люди, и природа, и я... и я тогда была самой собой — открытой, смелой, по-настоящему живой!

— Этот момент случился там? На восьмом пути? — отлип язык от нёба, но голоса своего Иван не услышал.

— Отыщи, вспомни момент жизни, когда ты и все вокруг тебя дышало жизнью, истиной, все было взаправду, а не тобой придуманным, зацепись за этот миг, Иван Николаевич, раздуй, как ты любишь, из мухи слона. И может быть, тогда в настоящем наши пути пересекутся.

Хлопнула балконная дверь — курильщики, а курили все, кроме него и поэтессы в парике (она застряла в ванной комнате), Иван отвел взгляд от девушки, и, конечно же, она исчезла, девушка в белом платье.

— Черт, — услышал свой голос Иван, — это что, все по-настоящему?

За столом тем временем напротив него пристроился, хихикая, гигантский рыжий лис, рядом с блохастым лисом на табурет сел бес, с рогами до потолка и непослушным хвостом, облезлый хвост черно-желтого цвета то и дело хлестал по столу, переворачивая рюмки.

Иван вновь потерял голос.

Тюлень развалился в кресле, довольно пускал слюни пузырями, существо без пола сосалось с инкубом, автором невыносимой поэмы с непроизносимым псевдонимом, а поэтесса, которая поэт, размахивала над ними своим невероятно длинным розовым хоботом, тянувшимся из-под испачканной в майонезе (или это не майонез?) юбки.

Картину завершила поэтесса в парике. Теперь она была без парика, лысая Фантомаска, инопланетянка, обнаженная. Сине-зеленого цвета тело, выбравшееся из самой черной дыры Вселенной, проплыло в зал и захлопало в ладоши трехпальными клешнями:

— Bravo! Бис! Великолепно!

В коридоре большое зеркало на стене, но Иван Николаевич Конев уверен на сто процентов, что смотреться в него не стоит.

— Что за бред! — стукнул он копытом, но вместо слов по залу прокатилось лошадиное ржание.

— Эйяфяйлакюд-о-оль! — закричал Иван, открыл глаза и обнаружил себя в кресле на квартире у Артема Геевского-Бессолицына, с больной карусельной головой.

Напиваться было приятно в двадцать. Злоупотребление как самоцель. Беспричинное веселье и беспричинные обиды казались неотъемлемой частью бесшабашной жизни. Сочинялось легко и просто, похмелье едва намекало на свое существование, мир, полный удовольствия и еще раз удовольствия, только и ждал, что его поимеют...

— Теперь имеют тебя, — сполз Иван на пол, заглянул под кресло, отключенный сотовый телефон и стакан с выдохшимся пивом дождались своего хозяина.

Телефон включать рано. Пиво?.. Иван напряг память — извилины, он их чувствовал, зашевелились, — откуда взялось пиво?..

Ночной поход в круглосуточный магазин — проблеском, как с трудом он завязывал шнурки на кроссовках, как они долго плутали в трех домах, пока не нашли полуподвальный минимаркет, где им продали энное количество пива в больших пластиковых бутылках.

— Катанка, — всю обратную дорогу икал Бес, — по весу чую.

Закрыв глаза Иван, спросил душу — примешь?.. Затаил дыхание, смиряясь с тем, что придется влить в себя жидкость цвета мочи, напоследок все-таки еще раз позвал:

— Люди, ау?..

В коридоре отозвался, щелкнув, дверной замок, по полу приятно засквозило, а знакомый голос пьяненько возвестил:

— Прием, как слышно? Прием. Ад вызывает Землю, как слышите?

— Ад пуст. Все бесы здесь, — подал голос Иван, убирая стакан назад под кресло — как пить дать катанка, — встал на тяжелые, свинцовые ноги.

— Мы за пивом смотались, не стали будить, ты спал как ангел, — у Лиса голос бодрый и неприятно звонкий.

— Я так и понял, — отозвался Иван, — а кто вчера целовался? И что за псевдоним трудновыговариваемый?..

Лис протянул запотевшую бутылку пива:

— Кто бы помнил.

Вспоминали втроем, еще страшней запутывая вчерашний день.

Лис помнил с поправкой «вроде как бы», что заходила еще соседка снизу, ругаться из-за позднего шума, и обещала поутру написать заявление в полицию, а вместо этого целый час целовалась с хозяином квартиры на кухне.

Хозяин квартиры все отрицал, в его реальности незванным гостем, заявившимся после одиннадцати вечера, был полицейский, «тот самый», с набережной, он отыскал вроде как Беса через Коня, нашел в «Фейсбуке», ну а дальше дело техники. И что это они, Лис и полицейский, занимались неизвестно чем, может, и читали стихи, конечно, на кухне — до вылазки в магазин за добавочным.

— Бред, — не соглашался Лис.

— Однако ж, — подметил Иван.

Бес после второй банки крепкого пива начал креститься и клясться боженкой, что полицейский со стихами был и читать свои творения начал еще с порога.

Позвонили дружно поэтессе в парике. Поэтесса подтвердила, что да, кто-то был. «Кто-то же всегда есть...»

— Но точно не полицейский, я бы такое не забыл!

— А я бы соседку не забыл, — отвечал Бес Лису, — у меня там две соседки, которая из них?

— Обе, — не задумываясь, ответил Лис.

Иван предложил вспомнить все по порядку — по часам. Время нарушило свой ход сразу после встречи с полицейскими на набережной.

Бес утверждал, в квартиру они пришли около трех дня. Лис — что позже, намного позже, как минимум в четыре, в начале пятого.

Иван не следил за временем, позволил себе такую роскошь впервые за много лет.

— Когда начался спор за витиеватость?.. — решительно взялся разобрататься со временем Конев.

— За что?! — в один голос удивленно воскликнули друзья, и вопрос отпал, как и разборки со временем, которому вдруг тоже захотелось почувствовать себя свободным от циферблата часов.

— Думаю, Бес, тебе надо до соседок своих сходить, — предложил Иван, — за солью...

— Мысль, — стукнул Лис бутылкой по бутылке Ивана.

Бес помычал с пару минут, согласился:

— Но, чур, без вас.

Друзья с условием были согласны, а в ожидании хозяина открыли еще по одной бутылке.

Время под пиво растворяется в градусе, как и проблемы, тревоги... вопросы уже не требуют ответов, да и вопросов нет, так, мысли вслух, слова в никуда ни о чем...

Поход Беса к соседкам все только усложнил. Оказалось, обе соседки приходили вчера вечером и — внимание! — выпили по рюмашке за процветание сибирской литературы, а одна из соседок сказала, что столкнулась на лестнице, возвращаясь в свою квартиру, с человеком в форме, вроде как полицейским.

Молчали под тиканье часов-невидимок, пока Лис не возмутился, схватившись сначала за голову, потом за бутылку:

— Ну не! Я чё, совсем, что ли?! Пить с ментом на кухне и забыть?!

— Ладно бы пить, вы еще там стихи читали, — подлил масла Бес, — задрали стихами друг друга, я бы так сказал, — засмеялся.

— А был ли мент? Вот в чем вопрос, — Иван поднял указательный палец. — Я знаю, как тебе вспомнить. Гипноз.

Бес аналогично направил палец в потолок:

— Точно! Безродная. Та еще ведьма.

— Только не Раиса! — взмолился Лис и допил вторую бутылку.

А после третьей ему все будет фиолетово и по барабану.

Фишка такая у подвыпившей поэтессы/поэта Безродной — гипнотизировать всех, кто соглашается испытать силу и возможности биополя Раисы.

— Я колдунья в третьем поколении, — заявляет она, — поэтому стихи у меня такие, не от мира сего, загробные стихи, поэзия мертвых. Квинтэссенция запредельных состояний...

Ведьма-поэт согласилась приехать и попросила литр водки.

— Чтобы в нужное состояние войти, — объяснила, — тонкие миры не настолько тонки и хрупки, как кажется из названия. Их и водкой не всегда прошибешь.

За средством для пробивания тонких миров отправились втроем.

Субботнее позднее утро терзало яростью солнца, птичьим горланием вперемешку с шумом городской суеты, непроходимой жаждой и желанием вспомнить вчерашний вечер.

В полном молчании сходили за водкой и пивом, на обратной дороге встретили Безродную, как всегда, дымящую дешевой сигаретой.

— Пациент готов? — пустила струю дыма в небо женщина.

— Всегда готов, — ответил за Лиса Бес.

Сейчас она тебе покажет витиеватость, подумал Иван.

Три рюмки выпила «не гипнотизерша, а гипнотизер», — строго наказала Раиса, прежде чем начать сеанс.

Села напротив Лиса, поставили два стула посреди кухни, сначала дымила ему в лицо, пока он не закрыл глаза и не закашлял, потом положила руки на голову:

— Слушай мой голос, когда я досчитаю до десяти, ты вернешься назад во вчера, повторяй за мной, раз.

— Аз, — сказал Лис.

— Два.

— Ва.

— Три.

Иван с Артемом молчаливыми зрителями сидели за столом, как им велено, бездыханно.

— Десять, — закончила отсчет гипнотизер.

Мужчины за это выпили, бесшумно чокнулись стаканами, заговорщически перемигнулись.

— Вечер пятницы, это квартира Бессолицына, а где ты?..

— Где я? — Лис осмотрелся с закрытыми глазами. — Где?.. На кухне я. Я на кухне, стою спиной к окну, опершись на подоконник. Да вот он я.

— Хорошо, очень хорошо, есть кто-то еще на кухне помимо тебя?..

— Помимо?.. — слепо Лис взглянул на друзей. — Помимо есть, да, есть... Вижу, вижу полицейского, в форме.

Бес довольно показал большой палец: «я же говорил».

Лис продолжал:

— Полицейский не один, он кого-то целует в губы, я не могу разглядеть, кого. Боже, это мужчина.

Бес едва сдерживался, чтобы не закричать. Махал руками и беззвучно хохотал.

— Постарайся увидеть, это важно.

— Моего роста, да, но без длинных волос, они целуются, прижимаюсь к закрытой кухонной двери, так грубо, дико, меня совсем не замечают.

— Зайди сбоку, — подсказывает Раиса, сигарета дымит в зубах, — загляни через плечо полицейского.

Кивает Лис, закрытые веки дрожат. Сидя на стуле и передвигая ногами, он в некой реальности вчерашнего дня подходит к целующимся.

Кухня затаилась в ожидании ответа, Лис сглотнул громко слюну:

— Бес?.. Не может быть. Это Бессолицын. Артем.

— Какого?.. — улыбки как не бывало, Бес встал с открытым ртом, побагровевшим лицом. — Да кого он?.. — растерянно посмотрел на Ивана, на гипнотизера.

— Бес отвечает на поцелуи, они делают это языками, мама дорогая, Бес обнимает полицейского, и его руки... он пытается залезть к нему под ремень...

— Останови его! — закричал Бес.

Но прежде, чем женщина успела что-то сказать, Лис открыл глаза и с диким смехом повалился на пол:

— Не останавливайся, противный Бесенок, продолжай.

Безродная встала, разозленно пнула стул, потом мужчину на полу:

— Придурок. Так и знала. Чувствовала подвох. Придурки. Я ужожу и бутылку забираю как компенсацию за ущерб.

Иван засмеялся. Бес, не понимая, что произошло, хихикнул, проблеял:

— Это кто-то другой был, не я...

Забрав со стола бутылку водки, Раиса еще раз стукнула катающегося по линолеуму поэта:

— С тонкими мирами не шутят. Астрал такое не прощает.

— Шутка? — Бессолицын тоже пнул коллегу. — Ну ты дегенерат, у меня чуть инфаркт не случился. Надо ж, как правдоподобно, убедительно, я поверил.

— Главное, чтоб не накаркал, — донесся голос из коридора.

— Ага, и попробовать не захотелось, — встал на четвереньки Лис и получил под зад ногой от Беса. — Говорил же сто раз, что не берет меня никакой гипноз! — Протянул руку, Иван помог подняться.

— Не зарекайся, — выкрикивала Безродная, — получишь еще свою порцию, и провожать меня не надо, считайте, что меня тут не было!

Хлопнула дверь.

— А кто это был? — спросил Лис, завязывая улыбку узлом.

— Сквозняк, наверно, — Иван не сдержался, засмеялся первым.

— К черту сквозняк! Что с гипнозом? С полицейским что?.. — спросил Бес и присоединился к друзьям.

Иркутск — Черемхово, последняя электричка в 20:50. Иван успевал. Не поддаваясь ни на какие просьбы и мольбы. Второе утро «вспомни и умри» он не вынесет.

— Пора включать время, — поприветствовал он загоревшийся экран сотового.

Лис с Бесом проводили до вокзала, оба всю дорогу, пока шли пешком, опасливо поглядывали на полицейские машины.

— Мне сон как-то приснился, — рассказал Лис, — в нем я был полицейским, тогда, правда, милиция еще была, но один хрен редьки. И будто я охочусь за особо опасным преступником и всюду его преследую, и всё в потемках, на каких-то задворках города, то в подzemке какой-то, то в гаражах, и я раза два просыпался и снова засыпал, а сон продолжался. Так вот, я ловлю этого преступника, загнал в угол, у меня пистолет, я приказываю ему повернуться, а когда он послушно ко мне повернулся, я чуть не выронил пистолет.

— Это был ты сам, — предположил Иван, он торопился, электричка через семь минут.

— Твоя мать?.. — Бес был серьезен.

— Это был Ельцин!

— Ну, так и есть, самый опасный преступник, — повеселел Бес, — с матерью было б сложнее, а с Ельциным... Надеюсь, ты завалил его?!

В очередной раз объявили электричку до Черемхова.

— Собирался, но он мне сказал, если застрелю его, то никогда не стану известным поэтом.

— Вот гад, — вновь серьезно возмутился Артем, — знает, чем брать нашего брата.

— Ну, я и не выстрелил.

— Я бы завалил! — не унимался Бес. — Я бы, если мать была б, завалил, а этого хмыря и подавно. Бах-бах и нету. И плевать на известность!..

— Да гони ты, плевать тебе, — перебил Лис.

— На чё спорим?! — Бес протянул ладонь к другу. — На бутылку коньяка спорим, что завалил бы?!

Лис принял спор, пожал руку.

— Разбивай, Ваня, ты свидетель.

Успел разбить ладони спорщиков Иван, тут же эти ладони пожал, наказал:

— Скажете потом, кто проспорил, — и незаметно растворился в привокзальном пестро-безликом мельтешении.

Одно свободное место, одиночное у окна, от выпитого еще пошатывается и тошнит, душа обеззвучена, внутренний голос тих, но в целом, если его сейчас спросить: как ты себя чувствуешь, Иван? — он ответит: превосходно, и это чистая правда.

Правдой будет и то, что он не жалеет о проведенном времени. Так сумбурно, артхаусно, по-сумасшедшему...

«Витиевато», всплыло слово.

Электричка вздрогнула, словно проснулась, поехал перрон, домики вокзала зашевелились, задвигались, побежали куда-то назад деревья, люди, вечернее небо... Время.

Это время Иван оставит в себе навсегда — запечатанным в себе настоящим, хотя и будет давно прошлым, он с легкостью сможет распаковать его лет через десять, и оно будет как новенькое...

Время в консервных банках. Иван увидел пирамиду из разноцветных консервов — тут самые неожиданные часы, солнечные хлопотные дни, безумные влажные ночи, полные самоотречения и разрушения, минуты славы, восторгов, слез... Мгновения, закатанные в банку под крышку, как учила маленького Ваню бабушка, с помощью закаточной машинки.

— И чем больше такого времени в тебе, тем ты счастливее, — говорит Иван вечности, проносящейся за окном. — Хочешь быть бессмертным? Будь им! Всего делов — заготовить миллион консервов с незабываемым, настоящим... Твоим!

А сколько их в тебе?..

Крестник и роза ветров

Случайные встречи не случайны. Они запрограммированы, вопрос лишь кем — богом или дьяволом?.. За встречей, даже самой нежелательной, страшной... стоит жизнь в ожидании ответа, действия, поступка...

Иван, несмотря на то что до его станции оставалось еще полчаса, уже большими, пружинистыми шагами поднимался к поселку в переливах разноцветных фонарей, тянувшихся вдоль железной дороги, ему надо успеть зайти в магазин: купить пельменей и пива. После ужина он залезет в горячую ванну со стаканом янтарного пенистого, а потом заснет беспробудным сном без сновидений на чистых простынях в своей постели, на собственном диване, по которому успел соскучиться.

В гостях ему снится всякая ерунда, чужие сны. Сны для гостей в бесплатном приложении у всех спальньих мест, начиная с роскошных королевских кроватей, заканчивая раскладушкой и матрацем на полу...

Мелькание за окном утомляло, Иван закрыл глаза, силами мысли и желания подгоняя нерасторопную электричку.

С закрытыми глазами, ничего, никого не видя, жить легче, поднимать веки, эдакий Вий, лишь в экстренных случаях...

Приближающиеся знакомые звуки шансона все слышней:

А для вас я — никто, как и вы для меня!
Я плюю на закон, вы меня — в лагерь!..

Песня вошла, прогромыхала по вагону, Иван не открыл глаз.

Наверняка поселковая шпана, приправленная дешевым алкоголем, слушает, наплевав на всех, кто не с ними, не за них, на старенькой, украденной, скорее всего, «Нокии». Привычно и заурядно, как в маршрутке.

Надо бы проверить интуицию, открыл правый глаз Иван Николаевич, вздрогнул:

— Твою ж! — вырвалось.

Чумазое лицо (накачанные скулы, сломанный нос, в поволоке дурмана взгляд), таращившееся на него невесть сколько времени, просияло беззубой улыбкой:

— Крестный?.. Дядь Вань, а я смотрю, вы это или фраер какой похожим прикинулся.

Застрявшее в горле сердце вернулось на место, стучало тревожно, внутренний голос возмущенно потребовал:

— Скажи, что щенок ошибся, и пусть проваливает. Крути педали, пока не дали...

Иван сказал:

— Сашка, твою мать, напугал.

Пожали руки. Сашка сел на корточки в ногах крестного, сплюнул сквозь отсутствующий верхний зуб в открытую дверь тамбура. От мальчика несло ацетоном и перегаром.

— А я это, с бандой, они в последний пошли, пока не высадят, бегаем, а я вас заприметил, ну и это, притормозил коней.

Саше лет шестнадцать, прикинул Иван. Крестным записали по юности, когда жил в общежитии, близко дружил с соседями Паниными.

Про Паниных говорили — та еще семейка. Та еще мамаша страдала бешенством матки, согласно диагнозу, поставленному женской половиной общежития, а тот еще папаша работал на двух работах, чтобы прокормить жену с двумя ребятишками, и был, по определению все той же половины, рогатым лохом.

Двадцатилетний Ваня сидел с детьми Паниных, Сашей и Машей, каждый вечер до поздней ночи, а то и до прихода отца ранним утром.

— Чё, опять глава семьи дома не ночевала? — покорно спрашивал, зная ответ, Валентин и горько, смиренно вздыхал. Вздох этот ранил, и Ваня, чтобы хоть как-то поддержать, подбодрить соседа, говорил:

— Главный тот, кто деньги в дом носит, кто ради семьи ночами и днями вкалывает.

Валентин стеснительно бубнил:

— Не знаю, не знаю... Юльке это скажи, — а глаза зажигались внутренним светом.

Тогда и предложил Валентин стать крестником первенцу:

— Так как ты с ним больше всего нянчился, — был веский довод, — и обоссывал он тебя сто раз.

Юлька всеми частями некрасивого, похожего на вату тела была «за». Так и записался Иван в крестные отцы.

— Нравится «Бутырка»? — у Саши в ладонях самопальный гаджет. — Вот эта особенно, — скользят пальцы с изгрызенными до корост ногтями по исцарапанному экрану смартфона, из динамиков на разрыв барабанных перепонок выстреливает:

Районный прокурор при галстукe, с портфелем,
Судья наряд надел, лениво начал тему:
«Привстаньте, господа, здесь слушается дело».
Фамилия моя знакома в этих стенах!

Иван смущенно бросил взгляд через плечо, народ в электричке делал вид, что ничего не происходит.

Женщина с пакетом дачной зелени все так же увлеченно смотрит в темень за окном, мужчина рядом читает измятый лист пожелтевшей желтой газеты, парень по соседству в наушниках плевать хотел на все происходящее вокруг...

А в это время крестник Ивана Николаевича подпевает хрипло и неумело:

А для вас я — никто, как и вы для меня!
Я плюю на закон, вы меня — в лагеря!
А для вас я — никто, сколько было таких,
Сквозь очки разглядеть мою жизнь не смогли!

В проигрыш перед следующим куплетом Иван успел лишь вставить:
— Саша, давай не здесь. Народ уставший, общественное место, не надо...

Крестному в ответ:

Продажный адвокат надежды не внушает,
И этот весь бардак меня так раздражает!
Присяжные, кончай, — базар здесь не по теме,
Судья, давай скорей, да я в тайгу поехал!

Почему-то Иван подумал о кнопке вызова машиниста; черная на желтом квадрате, она смотрела поверх бритой головы крестника тревожным знаком: «что-то должно произойти, что-то нехорошее, недоброе, противозаконное». Это повисло в вагоне невидимым электричеством, напряжение росло, кнопка вызова расплывалась перед глазами Конева черной дырой.

Запах ацетона, адреналина, Иван не заметил, что песня уже не играет, а крестник нагнулся к нему так близко, что обжигает ухо своим зловонным дыханием:

— Мы из АУЕ, — закатал рукав черной мастерки, оголил синюю, недавно набитую, судя по красному воспалению вокруг трех букв, наколку. — Арестантское уркаганское единство, — расшифровал Саша, — жизнь по понятиям. — Закатал второй рукав, на левом предплечье тела восьмиконечная звезда воров. — Кто не с нами, тот под нами. Фарту, масти АУЕ.

Вот оно — кольнуло.

Иван начал перебирать четки памяти, все, что слышал, знал про это подростковое криминализированное движение. Вспомнил обрывки из

какого-то репортажа: группа адептов, продвигающая единство арестантского уклада, терроризировала школу, даже целый поселок где-то в Забайкалье. Собирали дань, «грев на зону», от ста и выше рублей с молодняка ниже рангом; тех, кто отказывался платить, «опускали»: избивали, выгоняли голыми на мороз, обмазывали экскрементами, насиловали, доводили до самоубийства... Делали все, на что хватало фантазии главам иерархии.

Знание блатного аргумента необязательно, главное — это жизнь по воровским понятиям, «АУЕ — жизнь вора, мир братве и пацанам», где работа, учеба, соблюдение установленных законов и правил запахло, а всему необходимому они научатся в стенах тюрьмы, куда обязательно попадут — за воровство, разбой, грабеж... ибо это сама цель.

Известны и яркие выходы движения — массовые драки с перевозчиком полицейских машин, смертельные случаи и случай, когда родители «опущенных» детей свершили самосуд над ауешниками.

— Саша АУЕ, так меня правильно величать, — сказал крестник, закатывая рукава.

«Величать» вызвало улыбку, и крестник заметил ее:

— Чё? — спросил.

— Роза ветров, ты ведь знаешь, что это? — не растерялся Иван. — Наколка у тебя...

— Роза?! — скривил, неподдельно, чумазое лицо. — Какая еще роза? Роза — это не по-пацански, вы чё? Для заднеприводных петухов всяких. Роза, — плюнул в тамбур ловко через дыру между зубов. — Опасно такие заявы делать, дядь Вань.

— Жить вообще, Саша, опасно.

Встречный товарный поезд разгрузил атмосферу, наполнил вагон стойким запахом мазута.

— Воровская звезда — для всегда готового к смерти, тут розой и не пахнет...

— Пахнет, если ты, конечно, не все мозги растерял, — Иван говорил учительским тоном крестного. — Интернет есть в телефоне?.. Загугли «роза ветров» и посмотри, давай.

Саша с кривым лицом недовольно забубнил:

— Чё, ладно, я не шибко умный, но все-то ошибаться не могут... — шлепая пальцем по экрану.

Иван Николаевич смотрел, как пульсирует на бритом затылке мальчишки голубая вена, и видел пьяную мать маленького Саши, подкрашивающую синими тенями веки.

— Я ненадолго, — обещала она и уходила на весь вечер и всю ночь. Сын кивал и рисовал на альбомном листе ядерный взрыв.

— Векторная диаграмма, символ компаса, — читает с одолжением крестник. — Да тут куча значений.

Молчит Иван. У него перед глазами школьник-первоклассник: заплаканный, наполненный ненавистью и злобой на родителей. Вот тогда он и сделал выбор жить не по правилам, когда мать исчезала в ночи, а

отец в вечной работе появлялся под утро и безучастно храпел на диване, отвернувшись от детей и мира к стене в голубой цветочек.

Иван потерял связь с семьей Паниных с переездом на съемную квартиру, потом время и ветры поменяли жизненные настройки.

Сначала редкие звонки, потом лишь сообщения в соцсети...

— Оберег мореплавателей, — слышит Иван и прислушивается.

Саша читает с экрана:

— Звезда-компас приведет их домой, поможет спастись в бушующем море ненастий, найти верный путь и не погибнуть в волнах морских и житейских... Значение розы ветров — это стремление к цели, свобода, жизнь без ограничений, ориентиры на все стороны света, дорога к родному дому. К родному дому, — повторил, погасил экран, уставился в черноту.

Пассажиры опасливо косились на них, из динамика снова и снова женский голос объявлял станции, зачитывал объявления. Иван не мешал крестнику думать о своем. Иван смотрел на голубую вену, как в ней пульсирует сердце мальчишки — средоточие всей Земли, космоса, центр Вселенной...

— Вам ли не знать о моей жизни, — голос у Саши другой: глубокий, решительный, — помните же, кто нос мне сломал?.. Мне тогда сколько лет-то было, я же в сад еще ходил?..

Конечно же, Иван помнил тот день крови, потому что крови было очень и очень много. Пьяная Юля заявилась под утро с окровавленным ножом в руках, она искала любовника. А ее саму поджидали разъяренные общежитские жены мужей, с которыми она успела обменяться запретными соками. Две женщины, Олеся с первого этажа (Юля пересеклась пару раз с ее мужем в подвальной сушилке) и Таня со второго (с чьим суженым любвеобильная соседка встречалась в душе), ввалились в комнату с криками из одних матов, и Юля ничего лучше не придумала, как защищаться от напавших с помощью маленького Саши.

Прикрываясь сыном, подставляя орущего мальчика под кулаки драчливых жен, мать все же получила от кого-то по губам, за это потом и досталось Саше по носу.

— Мужик еще называешься, хуже бабы нюни распустил! Не мог за мать постоять! — накричала и стукнула сына кулаком, и кровь брызнула в потолок.

Иван готов поклясться, эти бордовые капли веером там до сих пор, как знак приближающейся беды.

— Она ломала мне нос еще два раза, этого вы уже не знаете, а Машу обожгла кипятком из чайника, случайно как бы, — поднялся с корточек и снова сел крестник, — отец правильно сделал, что развелся и ушел от нас, он оставил нас, принес ей в жертву, она ведь всегда орала, что она охрененная богиня.

Он никогда не называл ее мамой, не мог избавиться от мысли Иван, как и не мог сказать что-то более разумное, чем:

— Родителей не выбирают, Саш...

Хмыкнул крестник, улыбнулся:

— Зато банду выбирают. Жизнь свою и по-своему.

— Это жизнь? — Иван мотнул головой назад, туда, где скрылись члены банды Саши АУЕ. — Ты хочешь загреметь на зону и стать частью системы каких-то нечеловеческих понятий. Это же не жизнь. Не свобода никакая. Это тюрьма в тюрьме.

— А что, ваша жизнь, что ли, лучше?! — плюнул в тамбур. — С запретами, страхами, правилами какими-то безумными, то нельзя, это не тронь, туда не суйся... а?..

На такие вопросы у Ивана Конева множество ответов, крестник говорит и отвечает за него:

— Да, тут тоже носы ломают, но не родные матери, и правил, понятий тут без счета, но здесь я ощущаю себя частью чего-то, какого-то движения, тут я среди таких же, как я, искалеченных, и надо мной никто не посмеется, не ткнет пальцем в лицо, не поставит на место. Потому что это мое место, мое!

Женщина с зеленью зашуршала пакетом, мужчина поддержал, скомкав шумно газету, юноша в наушниках кашлянул, крестный ответил:

— Да этому миру такой ответ и нужен, правильно, мы не хотим видеть вас рядом с нами, бельмо на глазу, пятна на солнце, поэтому, чем больше вас будет за колючей стеной, тем лучше. Проще закрыть на все это ваше АУЕ глаза, надеть наушники, зашуршать проблему, а вы давайте смелей идите, грабьте электрички, жгите полицейские машины, да что там — сожгите все и всех.

Дачница еще громче затискала пакет в руках, мужчина развернул, снова свернул газету, парень кашлял вздохом.

Саша смотрел на крестного, высунув от удивления язык:

— Это, дядь Вань, вы сейчас со зла или серьезно?.. Я ведь, честно, не хотел оказаться в такой жизненной полосе. Я мечтал, а сейчас ни мечты, ничего.

Мечты? А у кого они сейчас есть, мечты?! Мы живем во времена антигероев! Где нет места мечтам, нет ничего настоящего, всё суррогаты и субкультуры!

Сдержался, не закричал Иван:

— Ты должен поменять направление ветра, Саша, пусть твоя жизнь подует в другую сторону... К черту все, что тебя программировало, зомбирovalo. Забудь, вычеркни и начни заново.

— Говорите как в кино, дядь Вань, но мы-то не в кино.

— Почему не в кино?! — осенило Ивана Николаевича. — В самом настоящем, пускай и не с миллионным бюджетом, но мы именно там, в фильме. Представь. Возьми и представь, что ты герой фильма. Главный герой, который не может умереть. Он обязан жить и спасать мир, как Крепкий Орешек или Супермен. Представил?

Крестник поднялся и, словно он только что оказался здесь, в этом вагоне, испуганно осмотрелся:

— Столько народа?.. Здесь и старики, и дети...

— Да, да, на тебя смотрят дети, ты их герой, ты подаешь пример, и ты не можешь облажаться. Отрицательных героев никто не любит. Оглянись, и ты поймешь это... Твое призвание — помогать, защищать, спасать.

Саша закрыл глаза, Иван закрыл глаза следом:

— Ветер, ты чувствуешь, Саша? Ветер!

Саша ответил:

— Да.

— Видишь розу ветров? Алая, восьмиконечная, точно такая же, как у тебя, видишь ее? Сияющая полярной, путеводной звездой над тобой, роза?..

Иван увидел, как между ним и крестником распустился красный компас-цветок.

— Вижу, дядь Ваня! Вижу! — закричал, задыхаясь от восторга, мальчик. — Она совсем не такая, как у меня, у меня синька какая-то ерундовая, а это... *это*...

— Иди за ней.

И крестник шагнул вперед.

Иван Николаевич ощутил толчок, его потянуло назад, вдавило в жесткое деревянное кресло, он открыл глаза, чтобы увидеть, как крестник пролетает над ним в алой ярости взорвавшейся розы.

Случайные встречи не случайны. Они запрограммированы, вопрос лишь кем...

— АУЕ! Саша! Мусора! Валим! Дергай! Сука! Беги! Фарту, масти АУЕ! — Крики смешались в один гул, гул скатался в огненный шар, шар взорвался у него в голове, пробил лоб, боль разлепила глаза.

— Саша, — позвал крестный.

В открытых дверях тамбура люди, он узнал дачницу и парня в на-ушниках. Все смотрят вниз, а там, внизу, на грязном металлическом полу — тело, Иван узнал его по спортивному костюму, а еще по синей пульсирующей вене на затылке.

— Саша, — сполз на колени, подполз, люди понимающе молчали, расступаясь...

— Стоп-кран сорвали, — сказала дачница, и пучки уцелевшей зелени упали на черную мастерку Саши могильными цветами.

— Они там взорвали что-то, — голос над головой.

Иван взял голову крестника, лицо: кровь с лепестками зелени.

— Она снова разбила мне нос, — захихикал взрослым, сломанным, не своим голосом Саша, — черт, это уже в четвертый раз она мне нос ломает...

— Все исправим, нос починим, ты, главное, это...

Скорую кто-нибудь вызвал? Скорую?! — кричали глаза Ивана Николаевича, он говорил, чтобы крестник держался, чтобы слушал его и ничего не боялся.

Крестник улыбался:

— Я лечу к ней, к розе... Звезде... Вы правы. Она прекрасна... Она настоящая... Настоящая...

— Стой, Саша, стой, — не находил слов Иван, — стой, я прошу, стой, Саша...

Голова откинулась на сгиб его локтя, будто крестник заснул у него в руках, тут и раздалось из самого сердца мальчишки громкое, оживляющее:

А для вас я — никто, как и вы для меня!
 Я плюю на закон, вы меня — в лагерь!
 А для вас я — никто, сколько было таких,
 Сквозь очки разглядеть мою жизнь не смогли!

Крестный закричал. Крик скорее был похож на стон «ауе», на взвизг, на плач. Ветер подхватил нечеловеческий звук человека, вынес из тамбура в темноту, пронес вдоль всей электрички и дальше, к ближайшей станции Кито́й. Там, на платформе у восьмого пути, над едва заметной белой фигурой ветер поменял направление, унося крик, скорее похожий на стон «ауе», на визг, на плач, в чернильное небо к звездам, к одной из восьмиконечных...

Слепая Невидимка (Борщ)

Разговаривая с темнотой в то время, когда это не привлекает постороннего внимания и можно говорить без всяких последствий, Ваня представлял ее, несмотря на то что у тьмы сотни голосов, молодой девушкой-невидимкой.

Увидеть ее невозможно, он и не старался, даже когда глаза привыкали и из мрака проступали контуры, вырисовывались линии, углы, формы, фигуры...

— Видеть не самое главное. Глаза могут подвести, обмануть в самый неподходящий момент. Например, в любви. Вырастешь, поймешь: видеть нужно сердцем, внутренним зрением.

Так шептала темнота, названная им Невидимкой.

— Я ведь должен как-то к тебе обращаться.

Темнота смеялась чистым, звонким, задорным девичьим смехом:

— Ты смешной, Ванечка, называй меня, как хочешь, у всего есть имя, у меня его нет.

— Потому что ты и есть всё, — утверждал в ответ мальчик и был до щекотки в желудке доволен и горд этой дружбой.

Отец, любивший подшучивать над сыном, запирая его в зале с выключенным светом, быстро потерял интерес к такому воспитательному эксперименту.

— Папка научил тебя не бояться темноты, — хвастался родитель, — на всю жизнь это запомнишь и спасибо говорить будешь. Темнота — друг молодежи.

Откуда отец мог знать, что это дело рук Невидимки, если руки у нее, конечно, были, ее заслуга. Она научила Ивана не бояться ни темноты, ни того, что скрывается в ней и за ней.

Поэтому, когда в доме никого не было, Ваня задергивал шторы в зале, выключал свет, садился на край дивана, ждал, терпеливо слушая барабан сердца...

Невидимка приходила всегда неожиданно, раз — и вот она уже здесь, за спиной, дышит прохладным сквозняком в затылок, и от дыхания этого волоски на руках становятся дыбом.

— Я могу позвать тебя в любое время, и ты придешь?

— Приду.

— При свете дня тоже?

— Тоже. Для кого-то свет — то же, что и тьма. И наоборот. У меня же нет разделений на светлое и темное, нет оттенков. Нет цветов. Я слепа.

Страшно стало от такого знания. Со знаниями так всегда, легче не знать, чем обрести знание и таскать этот булыжник в себе. Знания часто — страшны и не приносят ни облегчения, ни счастья.

Для маленького Вани быть слепым — это что-то ужасное. Как неизлечимая болезнь. Как что-то не из этого мира.

— Как чудовище, — шепотом признается Ваня.

Невидимка слышит, Невидимка говорит:

— Мир живых кишит чудовищами. И скрывает их не тьма, нет, их скрывает яркий электрический свет. Они охотятся днем, охотятся ночью... При свете ты не спрячешься от них, не сбежишь, тебе поможет укрыться лишь тьма, она сделает тебя невидимым, растворит, сохранит, спасет.

— Можно мне тебя нарисовать?

Хочет Невидимка:

— Попробуй.

И Ваня пробует, в комнате, ее он делит с младшей сестрой, за своим столом, у окна, под раскаленными лучами солнца и мягким теплым светом настольной лампы, рисует девушку в темноте. Как нарисовать то, чего не видно? Что скрывает тьма?.. Иван рисует карандашом силуэт в центре листа — это Невидимка, закрашивает белое пространство вокруг девушки черным карандашом, и вот она, его невидимая гостья из темноты, из иного пространства, мира... Иной жизни.

Белая безликая фигура пугает, Ваня рисует ей глаза. Два ежевичных шипа выглянули из листа, прицеливаясь в душу мальчика. Нарисованные, они ожили, налились твердостью, вытянулись длинными острыми пиками-стрелами...

Стер глаза ластиком Ваня. Оглянулся с тревогой внутри, ожидая увидеть за спиной что-то постороннее, потустороннее. Кусты ежевики?..

Ковер, кровать, на кровати любимая пижама, плюшевый коричневый медведь смотрит на хозяина со смиренным укором дырочками вместо глаз-пуговиц.

Но в детской пахнет сыростью ежевичника, солнечной сладостью пыльной травы и виноградными улитками...

Так же будет пахнуть много лет спустя, в жизни Ивана-подростка уже давно нет Невидимки и разговоров в темноте, остались: ежевичные кусты на заднем дворе, карандашный рисунок со стертыми глазами и запах...

Лето всегда пахнет одинаково. Для Вани это обязательно запах моря, морской соли на руках, жаркий, перечный запах расплавленного асфальта, душистая, полынно-мятная прохлада трав. То утро пахло так. Было еще ощущение, предчувствие конца света — для Вани естественное состояние.

Как прекрасно помечтать о вселенской катастрофе перед ночной рыбалкой, когда впереди еще целый месяц до школы, Иван теперь девятиклассник, а в бочке с водой плавают, остужаясь, два глобуса-арбуза.

Отец с рассвета вытащил спиннинги во двор, поставил в ряд у двери, разноцветные предвестники моря, стражи и угроза морским обитателям.

У Ивана самый яркий спиннинг, желтый, и сегодня мальчик снова им не воспользуется. Не расчехлит. Занырнет в теплое море и будет выбираться с неохотой на берег — взять свой кусок арбуза с брынзой, чтобы снова уйти на глубину.

Торопить отца, как и время, бесполезно, солнце загнало всех живых (и мертвых) по домам, в тень садов, разморило до дремоты...

И Ваня сдался в плен дневному зною, лег между грядками с салатом, спрятал голову в ромашки и не успел сосчитать до пяти, как оказался на берегу.

Море меняло цвет, на глазах превращаясь в красное. Похожее на борщ море закипело, пекло обожгло лицо, Ваня сделал шаг назад, оказалось, шагнул вперед. Солнце свеклой варилось в море, всплывало, исчезало, появлялось вновь в пузырях, те лопались, и брызги летели до синих небес.

— Сегодня борщ из школьного друга, — голос, — угадай из кого.

В кипящем бульоне скелеты переварившихся рыб, зелень-тина, ракушки и камни-картошки...

— Угадай кто! — требовательный, угрожающий голос. — Угадай! Первая буква «А».

Звук «а» растет, становится гулом, гул перерастает в грохот, гром...

— А! — Ваня вскрикнул в ромашках, проснулся, солнце прокралось между ветвей тутовника, белым глазом слепит и жжет. — Че-о-орт, — поднялся, а сердце осталось там, на берегу кипящего моря.

— Море-борщ, — пробует шутить, не выходит, улыбка поползла вкривь, желудок больно свернуло, будто съел что-то невкусное, плохое.

Борщ из школьного друга.

Сдержался, проглотил горький ком. На висках горячим бисером пот, щеки горят, успевшие обгореть на солнце...

Его внутренний вулкан заворочался во сне, забубнил:

— Эйя-фея-дая-кю...

Угадай кто!

Друзья делились на дворовых и школьных. Лучшим другом среди дворовых был Леша Жук, в школе — бессменный с первого класса сосед по парте Андрей Черных.

Первая буква «А».

Злоба на себя, на дурацкий сон сжала кулаки, закрипела зубами, прикусила губу:

— Придурок.

Волна проглотила высокого, с чубом на всю правую сторону лица, Андрея. Засосала воронкой на дно, и море покраснело...

— Дебильный придурок.

Закипело море, ставшее борщом, Андрей показался на мгновение, чтобы махнуть на прощанье рукой.

Борщ из школьного друга готов.

— Миллион, миллион, миллион алых роз, — запел во все горло Ваня, заглушая внутреннее представление с участием школьного друга, — из окна, из окна видишь ты!

Море кипело в голове, шумело, друг махал — белая ладошка в красном бульоне, и пахло непривычно в саду на салатных грядках.

— Кто влюблен, кто влюблен, и всерьез, свою жизнь для тебя превратит в цветы.

Отец всю дорогу спрашивал:

— Чё такой-то?.. Кто-то умер?..

Сын отвечал:

— Жара.

Отвечал:

— Не выспался.

Отвечал:

— Живот болит.

А на развилке к пляжу и дамбе рыбаки, знакомые отца, рассказали: на Диком кто-то утонул.

Иван выдохнул, выпустил из себя весь воздух, — пуффф, — опустошенный: ни мыслишки, ни дыхания, сердце колотится через раз, стоя на пыльной дороге, замороженно смотрел, как синяя полоска моря стала красной.

Рыбаки сплетничали, путались, повторялись... Ваня не хотел их слушать, слова прорезались против его воли, не спасла и преграда из ладоней:

— Школьник, еще до обеда утонул... Нырнул, теперь ищут... И отец тут, бедный, весь белый... Ни имени, ни фамилии... Кто знает?.. Русский мальчик... Плавать умел вроде как... Самый клев...

— Андрей Черных его зовут, — сказал Ваня, убирая ладони от ушей, — школьный друг, и он отлично умеет плавать, — пошел к красному морю по длинной заасфальтированной насыпи дамбы.

Бирюзовое море под вечер слилось с небом. Солнце зашло где-то за городом, сумерки обернулись темнотой, время остановилось вместе с поисками, утопленника не нашли.

— Завтра приедут водолазы, — говорили рыбаки и забрасывали удочки.

— А может, он не утонул?.. — спрашивает Ваня тихо себя, представляет.

Андрей всегда любил веселые розыгрыши, забавы и приколы, тот еще аферист. Он выплыл подальше от дикого пляжа, в месте, где заранее приготовил сухую одежду, и сейчас, облаченный в сомбреро, яркую рубашку и шорты, шлепает по улицам какого-нибудь иноземного города. Андрюха мечтал о загранице, у него и в рассказах (он сочинял фантастические истории) все происходило в какой-нибудь Бирме или на Маврикии.

Героев звали не иначе как Джон и Салли, а русская была только водка.

— Взял и круто поменял жизнь, тихоня-бунтарь, — говорит Иван, — а что, так оно и есть, через пару дней позвонит домой, успокоит родителей, пообещает вернуться когда-нибудь в жизни — и не вернется.

Ночное море слушает мальчика с убаюкивающим, размеренным дыханием, лишь изредка тишину нарушит всплеск и крик одинокой чайки.

— Так оно и есть, — успокаивает себя Ваня, море шепчет «так и есть», и бормотание рыбаков песней колыбельной, «так и есть» на небе звезды шепчут, шепчет соленый ветер с другого берега — так и есть, так и есть...

Звезды отражаются в черной воде, дрожат от легкого бриза, а из самой глубины голос, голос школьного друга:

— Ваня, Вань?! Помоги мне. Распутай леску. Отцепи. Тут так холодно, холодно и темно.

Белый силуэт, покачивающийся на воде, первое, что увидел Ваня, открыв глаза, едва различимые женские формы — и голос, голос друга:

— Я здесь.

— Андрей?.. — Иван встал, позади в палатке спят рыбаки, костер догорает рыжими всполохами, и белая девушка со звездами вместо глаз пританцовывает на воде. — Андрей! — закричал друг, забежал в воду, сначала по колено, потом по пояс.

Белая фигура с голосом друга погрузилась в темноту моря, остался лишь голос тлеющими угольками во мраке:

— Помоги. Распутай. Отцепи.

— Иду, держись, не тони! — нырнул Ваня в теплый бульон, поплыл на голос с закрытыми глазами. Касаясь дна, поднимая ил, пугая спящих мальков, пробираясь сквозь лес водорослей к другу...

Открыл глаза — красная темнота, а в паутине лески белое тело — Андрей. Распятый, словно Христос, друг, из глаз торчат рыбы головы, висит на струнах лески, голый, прозрачный, мертвый...

— Помоги, — открылся рот, выпустив стайку мелких рыбешек.

Иван закричал, море закипело.

Проснулся ногами в море, подскочил, на карачках отполз от воды, сердце колотится в горле, страх выбрался из черной воды, спустился с ночного неба...

— Помоги...

Ваня не может вздохнуть, страх заполз в тело, приковал к мокрому песку, а море спокойно, на море штиль, Ваня видит себя выходящим из воды с телом друга на руках. Видит, как садится он спиной к скале и гладит волосы друга. И что-то говорит ему на ухо (поет?), и засыпает в обнимку с мертвым другом...

— Ванька, очнись, — от отца веет жаром, спиртным, свежепойманной кефалью и табаком, — ты кого там увидел, во сне-то?..

Сын не спит, смотрит в испуганные глаза, смотрит на темную воду:

— Я знаю, где Андрей, — голос как треск углей, как стрекот кузнечика, тихий, дрожащий, надломленный, — я видел, он там, запутался в леске и...

Отец растерян, сын, вместо того чтобы заплакать, смеется, опрокидывается на спину и хохочет во все горло, глядя в звездное небо.

— Ты?.. Кого ты?.. — Николай Дмитриевич смотрит на сына, смотрит на звезды.

— И никакой фантастики, — звенит приговор, — никакого сомбреро и Маврикия!.. Все просто до ужаса! Просто трусы зацепились за крючки, запутался в леске — и кирдык!.. — Глаза блестят от слез, чешуйками слюна собралась в уголках губ. — Ловил рыбу, а сам попался на крючок, как бычок, как креветка...

Смех оборвался бульканьем, Ваня по-рыбьи открывает рот, но не издает ни звука. Смотрит сквозь родителя, сквозь горизонт в никуда...

Насильно отец влил из кружки рыбацкий коктейль на спирту, сын кашлянул, сплюнул:

— Невидимка. Слепая Невидимка, я понял, я знаю, кто она такая!

— Слушай сын, не пугай, — отец держит ребенка за плечи, смотрит в глаза, — тебе приснился кошмар, вот и все. Не хило дело, друг утонул, тут черт-те что приснится...

— Блин, как я раньше не догадался, — продолжает сын, — чертова слепая Невидимка...

— Ну все, все, все, — прижимает отец, сердцем к сердцу, сына, — потом все объяснишь, посветлу.

— Здесь тьма важнее, и все ответы в ней, в темноте. А ты говоришь, свет... К черту свет!

Вырвался Ваня, коктейль из термоса ударил в голову, закружил. Мальчик, спотыкаясь о песок и кустики полыни, убежал за палатку, через дюну, к одинокой скале, подальше от света вновь разгоревшегося костра и отцовского фонарика, в объятая темноты.

Здесь он смог выплакаться, плакал, не стесняясь единственных свидетелей — звезд над ним.

Отец утонувшего друга появился у скалы неожиданно и так же неожиданно исчез, Ваня не успел испугаться, не смог ничего ни сказать, ни подумать.

Молча отец подходил к рыбакам, травящим страшные и пошлые байки у костра, мужчины замолкали, отец утопленника обреченно брал протянутую кружку, выпивал залпом, прикуривал, уходил к морю. Огонек его сигареты маячил по всему берегу Дикого пляжа, отдалялся в глубину моря, к нефтяным вышкам, поднимался до самых звезд и дальше, и выше...

Ваня хотел подбежать к нему, обнять, сказать, что он знает, где его сын, опутанный паутиной лески, прозрачный, мертвый... Желание быстро сменяла необъяснимая, неконтролируемая злость, Ваня хотел лишь причинить мужчине еще больше боли — подойти, стукнуть ногой по колену и обвинить во всем его, отца.

— Где ты был, — закричать ему в лицо, — когда сын тонул, захлебываясь горькой водой?! Иди вон теперь и распутывай! Расхлебывай!

Мысли жестокие, страшные колыбелью убаюкивали его личный внутренний вулкан с непроизносимым названием, Ваня снова жалел отца друга и снова высматривал огонек его сигареты в надежде, что огонек остался там, где сейчас его сын, среди звезд в черной глубине моря, слившегося с небом.

Рассвет усыпил, и в этот раз Ваня проспал до жаркого солнца без сновидений.

Разбудил отец, брызнув в лицо морской водой:

— Подъем, лунатики!

Лысина отца блестит вторым солнцем, море блестит всей своей громадиной, небо чистое, ни облачка.

— Крючок зацепился, — показывает на ряд антенн спиннингов у воды, — отцепи, заодно ночь стряхни, смой, а то круги под глазами, как у пьяницы-вурдалака.

— Вурдалак?.. — трет глаза сын. — На себя посмотри!

И в три прыжка — до отцовского черного спиннинга с безынерционной (у отца одна такая) катушкой.

Море за ночь приблизилось, остыло. Ваня подергал за леску, и правда, крепко вцепилась, выдохнул.

Первый шаг пробирает до дрожи и костей, всхлипнув, поскорей окунаешься и в секунду привыкаешь к воде. Держась за леску, все дальше в море, на глубину, всматриваясь в прозрачную зелень... Справа черное пятно тины, слева та же картина, тина волнительно щекочет ноги и низ живота, но Ваня серьезен, кажется, что еще шаг — и он увидит белое, голое тело друга.

Страх, стоит его впустить, распространяется молниеносно по телу, разрастаясь до ужаса. Черная вода уже по горло, приходится нырять,

следуя за леской, Иван открыл глаза — крючки впились в лицо Андрея, леска обмоталась вокруг шеи, в пустых глазницах друга икринки, а во рту извивается кольцами водяной уж.

Дернул леску мальчик с закрытыми под водой глазами, в тот самый момент отец с берега закричал:

— Не оборви крючки смотри!

Но было поздно, освобожденная леска плавно всплыла, зажужжала довольно катушка, отец сказал:

— Ну точно — вурдалак.

Ваня истерично рассмеялся, заглатывая солено-горькое море, что-то в глубине отозвалось на смех, пришло в движение, ожило, приблизилось густой темнотой, тиной потянулось к ногам незваного гостя. Ваня почувствовал это приближение нутром, вулканом, побежал, выпрыгивая из воды, на берег, стараясь спрятать испуг под дурацким, тонким смехом и лицом «тяпкой».

— Холодная вода, — оправдался, — вот и не рассчитал силы.

— А вид — будто снова свою ночную невидимку увидел, — отец не сводил с сына глаз, следил за реакцией.

Сын скорчил мину.

— И почему невидимка, да еще слепая, а?.. Как такое вообще может быть?..

Иван пробубнил:

— Долго рассказывать.

— Хотя мне тоже по молодости такая чертовщина снилась, ни пером описать.

«Это не сон, папа, — захотелось сказать сыну, — это взаправду. Это неизбежность». А сказал:

— Но вот увидишь, могу поспорить, Андрея найдут там... — показал в сторону выглядывающей наполовину из воды сваленной вышки электропередач.

— На щелбан спорим, — отозвался отец и три с половиной часа спустя получил по лбу от сына.

Водолазы, две пугающие, нереальные фигуры в черном, вытащили белое, просвечивающее под ярким, обеденным солнцем тело на берег.

Школьный друг не смотрел, Ваня ушел за песчаную дюну, в этот раз спрятавшись за скалу, в тень.

Отец Андрея не сдержался, закричал, Ваня заткнул уши ладонями, для верности зажмурился, только крик остался, крик мужчины, отца, похожий на рев умирающего животного, льва, эхом пронесся, сотрясая каждую клеточку тела, стихнув на дне спящего вулкана.

Чайки подхватили отцовский крик, разнесли по морю и вдоль берега.

— Нашли, нашли, нашли, — слышалось мальчику у скалы, и мальчик грозил птицам кулаком:

— Чтоб вас перестреляли!

Крикнул, в то же мгновение пернатые взорвались в небе красными вспышками — кровь и перья.

Море забурлило в ответ, налилось красной яростью, Ваня открыл ему объятия, и море исторгло из темных глубин девушку в белом.

Невидимка!

Девушка в белом, мокрая и холодная, большой скользкой рыбиной забила у него в руках. Ваня прижал ее к себе, она закричала, слепая, на месте глаз чешуя, все, что она могла, — это брыкаться и кричать.

Слепая Невидимка кричала:

— Отпусти. Я не виновата! Что ты делаешь?! Отпусти!

— Я знаю, кто ты, — рычит мальчик, — знаю, кто *ты*!

— Это жизнь такая, ты сопляк, повзрослеешь, поймешь, что я права! Борьба бесполезна. Участь всей живой твари одинакова! Это не моя прихоть, не моя вина!

Мальчик сжал горло девушки — противно скользкое, неживое, пальцы погрузились в мертвую плоть, как в холодец.

— Нельзя убить уже мертвое, — прохрипел и сдавил шею обеими руками до хруста, до бульканья, до стога...

— Больше ты никого не заберешь! Больше никто не умрет!

Вулкан разбуженно заворчал, брызнул магмой, она вытекла у Вани из глаз, капнула на тело Невидимки, прожгла дыру в пустоту.

Тело Невидимки мальчик отпустил в море, и море превратилось в борщ.

Борщ из слепой Невидимки.

Борщ из Смерти.

— Я убил ее! Больше никто не умрет!..

Чайки рассмеялись.

Ночная рыбалка

Второй рассказ Ивана, написанный в юности

(Вместо дополнения)

Андрею Ч.

«Ловись, рыбка, большая и маленькая». Все утро не мог выбросить навязчивую строчку из головы. Ловись, рыбка, большая и маленькая, заговором, ловись, рыбка, большая и маленькая, ритуалом, ловись, рыбка, большая и маленькая, — проклятьем...

Как порой трудно избавиться от совсем ненужных мыслей. Бесполезных, липких, жужжащих противными зелеными мухами.

Ловись, рыбка, большая и маленькая.

Солнце дня расплавало небо, асфальт, расплавало людей и мысли, мысли вселенской важности и мысли-пустышки.

Температура перевалила отметку плюс тридцать по Цельсию и продолжала подниматься.

— В это время вся рыба спит, и ты ложись, — наказывает отец, — ночью чтоб дольше продержаться.

Не спорю, бесполезно, ложусь в зале на диван родителей и притворяюсь, что сплю.

Притворяться — это мой конек.

Притворяться и выдумывать.

Что еще остается делать, например, в такой ситуации, когда сна ни в одном глазу, а отец настаивает на полноценном сне и грозитя не взять с собой на рыбалку.

Отворачиваюсь к стене, лоб касается ковра, и, прежде чем закрыть глаза, считаю по привычке лепестки первой попавшейся розы.

Мама называет ковер «цветочным», он ее успокаивает, говорит мама и иногда садится перед ним на стуле «и хорошо, что еще не разговаривает с ним», — это так папа шутит. Меня же волнует в ковре, одинаковое или нет количество лепестков у роз.

Неожиданно розы опали, колючие стебли ожили, змеями поползли из ковра по стене, дивану, ко мне...

— Ловись, рыбка, большая и маленькая, — шипели, — ловись, рыбка...

Никакого страха, я сдался этим колючим лианам, расслабился, позволил им опутать меня, позволил затащить в мир цветочного ковра.

Внутри темно и пахнет мокрицами... морем? Шум, похожий на шум волн, или это шипят колючки?

— Где розы, — спрашиваю темноту, — розы с одинаковым количеством лепестков?

Ни ответа ни приветя, шипенье и шорохи в непроглядной темноте, и шепот:

— Ловись, рыбка, большая и маленькая...

Вдруг что-то холодное коснулось лица, скользнуло по груди и животу к ногам, я вздрогнул и проснулся с натертым до красноты о ворс ковровых роз лбом.

Странный сон, будто и не сон вовсе. Ничего подобного не видел за свои четырнадцать лет.

— Полусон какой-то.

Папа тут как тут:

— Что? — спрашивает.

— А люди ведь тоже приманка, — говорю я.

— Для акул?

— Для людей!

На ночную рыбалку отец ездил не часто, раза два в год, не больше, в этом году это было впервые, собирались основательно, капитально проверяя все по несколько раз.

— Катухки, наживка, вареные яйца с картошкой, спальники, запасное белье...

Мама волновалась, как всегда, за все и всех, отец втихаря потягивал виноградную настойку из заначки, я торопил время бездельем, украсив

безделье поеданием арбуза с солью, чесноком и сыром. Представляя, что пожираю само время, выплевывая ненужные часы-косточки в алюминиевую чашку дня.

День пролетел выплеванными косточками, в начале шестого часа натянули рюкзаки и панамы, удочки и отцовский спиннинг впились в синее небо июля, время еще чуток — и остановится. Море растворит его в своих волнах, бесконечности и глубине.

Дорога к морю — самая лучшая из дорог. Особенно та часть, когда, оставив позади оживленную магистраль с автобусными остановками и автостоянкой, идешь по битому асфальту дамбы в сердце Каспия.

Сквозь песчаные дюны с нефтяными цаплями-вышками, кивающими тебе в дружеском приветствии, снующими ящерицами в кустах полыни и колючек... В объятьях сладко-горького запаха вечности. Да, море пахнет вечностью.

А самое прекрасное в этой дороге — это появление моря. Синяя полоска, надвигающаяся на тебя с горизонта всей громадиной счастья.

Море — это счастье. В четырнадцать лет и всегда...

Нас ждут трое друзей отца, самые настоящие рыбаки: бородатые, загорелые до черноты, пропахшие солью и рыбой, шумные от выпитого, веселые. Только веселье стихло с появлением на берегу, возле палаток и стройного ряда удочек, человека в костюме.

Что-то внутри меня вздрогнуло, душа? Сердце? Может, желудок?.. Стало беспокойно, будто натворил делов и жду заслуженной порки.

Пришелец кажется знакомым.

Мужчина говорил со взрослыми, постоянно поглядывая на меня. Его глаза были красными от сдерживаемых внутри слез. Я отворачивался и даже не пытался услышать, о чем речь.

Мужчина в костюме ушел, неумело прикурился, и его кашель долго гулял вдоль берега Дикого пляжа.

— Сын рыбачил на камере, нырнул, по-видимому, отцепить крючок и...

— Камера от трактора «Беларусь»? — вот теперь это сердце вздрогнуло, подскочило к горлу, сделало голос пискляво-тихим. — Как зовут мальчика?.. Андрей? А фамилия?..

Отец пожал плечами:

— От трактора, ага. — Потом ойкнул: — Ой, это что — твой друг по парте? Сказки писал? Он, что ли?..

Друг по парте — резануло по уху, будто оскорбление.

— Сам ты! — вырвалось. — И не сказки, а фантастику, и не писал, а пишет!

Это Андрей, это он, стучало сердце, школьный друг с первого класса, который давал списывать математику, верил, как и я, в инопланетян и обещал разгадать секрет бессмертия.

Все, что сумел ответить сердцу, — дико замотать головой.

Спокойно лишь море, спрятавшее в своей глубине друга, хранящее все ответы.

Ловись, рыбка, большая и маленькая.

Самый взрослый рыбак, все его зовут Старый, сказал:

— Теперь только утром водолазы приедут, найдут.

Поискал мужчину в костюме, как я сразу не узнал его, тот же нос, что у Андрея, разрез глаз... А хотя что бы я сделал: подошел, обнял, утешил?..

Но я должен что-то сделать. Придумать!

Сердце требовательно постукивало: думай, придумай, выдумай...

Вечернее море, без солнца, серебряного цвета на горизонте, становится небом, серебряные дюны и кожа на руках, серебряные люди, серебряный рыбный мир, нереальный и реальный одновременно, как полусон, что приснился днем. Вместе с темнотой, подступающей со всех сторон, во мне загорается идея.

Отец снова вытащил на берег блестящую, брызгающую чешуей кефаль, она будет пятой в садке, что висит на выструганной рогатулине в нескольких метрах от берега в темнеющей воде.

— Помоги, — кричит.

Ловлю беснующуюся рыбину, она норовит выскользнуть, не тут-то было, у меня специальный захват, натренированный и проверенный на сотне ее сородичей.

Захожу по грудь в море, вода у берега теплая, «вода-чай», по определению Старого, опускаю пленницу, и в садке начинается очередная рыбная революция.

Темнота с моря пахнет нефтью и страхом. Холодная, колючая темнота. А где-то в ней, там, во мраке, тело школьного друга по парте.

Снова вижу раскачивающийся на волнах круг — самодельная лодка из камеры заднего колеса трактора, Андрей так гордился, что смастерил ее. Все уши по весне прожужжал, никак не мог дождаться лета. Дождался.

Вижу, как он ныряет с «палубы», как всегда, улыбающийся всем, даже рыбам и неизвестности. Вижу, уплывает пустая лодка все дальше, дальше, становится бубликом, темным пятном, потом точкой, точка исчезла на другом конце моря. Без Андрея, а он мечтал переплыть море и оказаться там, в другой стране, на другой стороне.

Знаете, что звезды не отражаются в море?

Задрал голову, а надо мной Млечный Путь и звезд — безумие, живого места нет. А по морской глади — серебристая рябь, и только. В море свои звезды.

— Ты чего там застыл? — кричит отец.

— Угу, сейчас! — кричу и вижу: на меня из черной воды выплывает белым пузырем тело.

Бывает такое — ты просто знаешь, что случится нечто, и идешь к этому «нечто», и делаешь все машинально, запрограммированно, будто

движимый рукой судьбы, и ничего от тебя не зависит. Ты всего лишь исполнитель. Часть большого сценария с названием жизнь.

И будто все в том же полусне, я притягиваю к себе тело друга по парте.

На нем рубашка — расстегнута, завязана на животе узлом, плавки. Тело под цвет моря — серебряное, тряпичное на вид, на ощупь ледяное.

Я знаю, что делать, я вытаскиваю рогатку вместе с садком, рыбы подыгрывают сценарию — не шумят, не барахтаются, покойны, тише моря.

Пригвоздив рубашку острым концом обструганной палки, шепчу мертвому другу, шепчу послушным рыбам, морю шепчу и звездам:

— Спрячу тебя тут ненадолго, пока все не уснут. Ты уж прости. Потерпи.

И несколько не переживаю, что кто-то может обнаружить спрятанного друга: кроме меня, в воду никто ни шагу — да и, уверен я, все идет по плану, написанному слившимся с небом морем. Они заодно в этом. В этой игре. И я вместе с ними, и пять кефалей — сторожами тайны в садке — тоже заодно.

Вокруг сверкающая чернота представляется адом, но мне не страшно, мне нравится происходящее и все, что выльется из этого. Сердце разбухло в груди, стало воздушно, невесомо от причастности к вселенскому заговору: спасти друга от смерти. Нет тела, нет смерти. Он будет жить вечно, как и мечтал. Я, мы, мы его обессмертим. Море волнуется — да. Звезды мерцают, перемигиваются — да, да, да!

Костер на берегу — пульсирующим маячком, я говорю:

— Да.

Старый рассказывает рыбацкие совсем не интересные истории, шутит про русалок, он якобы видел одну в районе старой дамбы, я ему не верю, отец друга появился в круге света и долго молча стоял. Я не находил себе места, встал, сел, бросил в костер щепку, набрал в ладони песка...

— Может, он не утонул? — спросил отец, скорее всего, у моря, у неба спросил, у темноты, у самого себя.

— Не утонул! — едва не вырвалось у меня. Сжал песок в кулаки, промывчал. Отец попросил сигарету, руки — большие, с широкими венами, похожие на руки памятника, дрожали, пока он прикуривал.

Мой родитель невнятно пробормотал:

— Да, сердце отца чувствует, будем думать о хорошем. Всякое бывает...

— Раз был случай по армии, в ЗабВО, сослуживец в карьере утонул, два дня искали, все дно облазили, а он, паразит, дезертировал, нашли, побили, — басом выдал Старый.

Отец друга сказал:

— Сын фантастику любил, может, она с ним и приключилась?..

Никто ему не ответил. Склонив головы, мы все смотрели в огонь.

Он ушел, прихватив с собой еще одну сигарету и коробок спичек, кашлял в темноте, посылал сигналы рыжим огоньком сигареты в космос. Ждал. Искал ответа.

— Точно твой друг? — Старый смотрел сквозь языки пламени на меня хмуро, оценивающе, что ли.

Кивнул:

— Да, Андрейка, фантастику пишет.

— Держись молодцом, мужчиной растешь. Плачь в одиночестве, твои слезы никому, кроме тебя, не нужны. Как и твое горе. Другу ни тем, ни другим уже не поможешь. Нам остаются лишь воспоминанья, черт их дери. Со смертью даже все плохое кажется таким нужным, по-хорошему прекрасным. Обиды, драки, ссоры... все преобразует смерть. Очищает, отбеливает. И ощущаем мы эту долбаную жизнь, только когда кто-то из нас умирает.

Что мне сказать? Я промолчал. Покосился через плечо рыбака на море, дальше света костра была темнота, и море дышало своей блестящей чернотой спокойно, величественно, усыпляюще...

Старый решил проверить удочки и ложиться, отец пошел с ним и остальными за компанию, с бутылкой рыбацкой настойки. Оставшись наедине с костром, я попробовал заплакать.

Плакать — это так легко, особенно по пустякам, всерьез заплакать куда сложнее. Чтобы изнутри, из сердца хлынули слезы. Слезы по другу. Вспомнил, как подрались из-за девочки Насти в третьем классе, поставили фингалы друг другу, и нас весь месяц, пока не сошли синяки, называли сиамскими близнецами. А как мы решили молчать на уроке географии в отместку за несправедливые оценки, за что и получили новые оценки — по единице, и с гордостью потом демонстрировали их всем, даже старшеклассникам.

Вспомнил, как писали наперегонки историю про инопланетянина, влюбившегося в девушку с Земли. У меня это была Маша из русского города, у Андрея Джулия из Нью-Йорка. Победила дружба.

Воспоминания вызывали смех, а не слезы, я рассмеялся, вспомнив вдобавок, как уронили школьную доску, чуть не прибив ею трудовика Василия Игоревича.

С моря донесся смех в ответ, словно эхо, но это точно был смех, знакомый до укола в сердце, я вскочил, перепрыгнул через костер, вперед, туда, куда потянулось сердце...

Холодная вода ущипнула, отец негромко, боясь спугнуть ночь:

— Ты кого? Улов проверить?..

Я помахал ему, прежде чем полностью раствориться в морской темноте.

— Слышишь, Андрюха, мы скажем, тебя забрали инопланетяне, — шепчу я солоно-горькой воде, сидя по горло у рогатки с садком. Волны ласкают лицо, мягкое дно податливо скользит под ногами, я иногда при-

касаюсь ладонью к телу друга, убеждаюсь в реальности. Но все так не-реально, полусонно слипаются веки в холодной воде, я беру друга за руку. Говорю:

— Скоро все уснут, костер догорит, и тогда я вытащу тебя на берег. Слышишь? Я спрячу тебя. Отнесу к той трубе в земле, помнишь, мы проверяли ее глубину, бросали камни? У трубы нет дна, она ведет в никуда, помнишь же? Ты утверждал, что это проход в другое измерение. Вход в пространство, откуда в наш мир прибывают всякие инопланетные тарелки и существа... Так вот, я опущу тебя туда. Ты пройдешь сквозь портал и на той стороне найдешь свое бессмертие.

Смех поймала рогатка-антенна, и я усмехнулся:

— Твой медальон сберегу как доказательство. Буду показывать его после рассказа о твоём похищении. Только это не совсем похищение, ведь ты мечтал об этом, я припомню твои рисунки, на некоторых с помощью луча инопланетяне утаскивают в свои летающие блюда человечков и коров.

Я расскажу, как посреди ночи, в самый темный час перед рассветом, над морем появился неземной корабль, он сиял, как сотни тысяч звезд, и в этом свете я увидел тебя. Ты улыбался, как всегда, рубашка на животе завязана узлом, ты сорвал с себя цепочку с медалькой-спиралью и бросил мне.

Я покажу ее, придется выдавить слезу, но ты будь спок, я знаю, что ты жив, и плачу понарошку. Притворяться и придумывать — это мой конек, помнишь?! Скажу, ты помахал на прощание. Могу добавить, что обещал вернуться, но ты ведь не вернешься? Или вернешься? Оттуда ведь возвращаются порой, если верить нашим рассказам.

Замолчал, костер на берегу догорел, я очутился в своем дневном сне, полусне. Темнота и шепот моря, шорох звезд — и вот они, эти прикосновения, я отцепляю рубашку друга от рогатины, тело всплыло, обняло меня.

— Тссс, — это я самому себе.

Друг держит меня за шею, я иду, легко ступая по дну, волны подталкивают, помогают... Море поет свою незамысловатую колыбельную, убаюкивает всех, кто еще не уснул на берегу.

Из воды на сушу, ступаю бесшумно по мягкому ватному песку, короткими шагами, туда, где среди бесконечных дюн, каменных карьеров с зеленой и черной водой, среди нефтяных великанов, угрюмо качающихся железными головами, дверь, труба, проход в иной мир.

Круг спиралью на белой шее друга горит мини-солнцем. Этот медальон Андрей отлил на уроке труда из аккумуляторных пластинок. Он отлил и второй медальон, для меня, но я, растяпа, потерял его в этот же день на уроке физкультуры.

— Блин, ты помнишь, как я расстроился и дотемна лазил по стадиону, где бегали на физре, я точно там его обронил, нагрубил физруку, помнишь, обвинил его?..

Андрей помнил, он ведь лазил под лавками и в кустах школьного стадиона вместе со мной, а с приходом вечера и первых звезд, когда пришлось сдать и прекратить поиски, сказал:

— Будем носить один на двоих. Год я, год ты, согласен?

Я тогда жутко обрадовался, что ты не обиделся на меня за потерю, и, конечно же, согласился.

Ты обнял меня, почти как сейчас, за шею. Мы стукнулись лбами.

Это был твой год.

Портал открыт, в свете звезд зияет манящей чернотой, внутри ни звука, ни запаха.

— Я скажу, ты помахал на прощание.

Прижимаю в последний раз его к себе, мое тепло согрело его, и я не сразу решаюсь отпустить друга, сижу у входа в бесконечность и тихо-претихо плачу, пока медальон сам не падает мне в ладонь. Я смотрю на него сквозь слезы, спираль вращается все быстрее, становится все ярче.

Свет заливает ночь и все вокруг. Я не верю глазам, это корабль, инопланетный, неопознанный, летающий, он огромен, он горит огнями неземных цветов, и ты, ты в лучах света машешь рукой, потом двумя руками, на прощание.

— Ты вернешься?! — кричу, не в силах перекричать тишину повисшего иного мира.

Ты молчишь, улыбаешься, машешь, и я тебя отпускаю.

Ловись, рыбка, большая и маленькая.

Возвращаюсь с первыми лучами солнца. Солнце спиралью — в точности такое, что и у меня на груди.

— Это твой год, — говорю небу, говорю морю...

Желтое светило встает из-за моря инопланетным кораблем, и я, и палатка с отцом и рыбаками, угли костра, удочки, весь берег... все мы исчезаем в его неземном, божественном сиянии. Исчезаем в сетях лучей пойманными рыбами.

— Чур, я рыба-меч, — объявляю всем.

Папа похож на кефаль, Старый на бычка, мама явно станет какой-нибудь важной белугой...

Смеюсь:

— А я рыба-меч!

Огненная спираль на ладошке Вечности делает оборот, и еще один, оборот за оборотом...

Ловись, рыбка, большая и маленькая.

(Продолжение следует.)

Иван ВАСИЛЬЦОВ

ПЛАЦКАРТНЫЕ ОБЛАКА

* * *

Глазами святого Ионы
Во чреве кита
Увидел я свет Ориона,
Иван-темнота.

Не знал я, слепец окаянный,
О зле и добре.
Но меч просиял деревянный
В моем декабре.

За гранью окраина наша
Восьмого пути.
Ее и кромешней, и краше
Нигде не найти.

И даже в библейских сказаньях,
Где жизни крыльцо,
Часов промелькнуло вокзальных
Спитое лицо.

И даже когда принимаю
В себя пустоту,
Разлучному стуку внимаю:
Ту-ту да ту-ту.

О Сашке, о Лешке, о Лене,
О тихом краю,
О нашем бедовом колене
Теперь говорю.

Обрушится с неба, как молот,
 Всевышнего глас,
 И млекопитающий город
 Помилует нас.

У нас тяжелы расстоянья,
 И хочется выть.
 Но перед чертой расставанья
 Поймем мы, как жить.

И купит хорошую тачку
 Бродяга Андрей,
 И Мишка отщедет заначку
 В берлоге своей.

И жребий наш правильно ляжет,
 И кто-то из нас,
 Подвыпивши, лишнего скажет,
 Что средний он класс.

И мысли родятся о встречном
 Движении лет.
 И в нашем тоннеле конечном
 Провидится свет.

Закончится счастливо повесть,
 Всем будет лафа.

И бросится Анька под поезд
 Саратов — Москва.

* * *

На улице Третьей на Дачной —
 Такая везде у нас есть —
 Любил я с синюшницей Дашкой
 Скамейки на краешек сесть.
 Она выпивать выпивала —
 Да все не в себя, не в себя.
 Она воровать воровала —
 Да все у себя, у себя.

Шутили мы с ней про «Алтынку»*,
 С судьбой говорили на ты.
 И я притащил ей бутылку.
 А было бы надо — цветы.

* * *

Умел я разбить врага,
 Но падал сразу же ниц
 Пред строгими, как судьба,
 Погонами проводниц.

И повод не находил,
 Закрытый чтоб строить быт.
 И в тамбуры выходил,
 Где космос всегда открыт.

На юг поглядишь — ночней
 И сумеречней река.
 На север глянешь — кучней
 Плацкартные облака.

О том ведь веду и речь,
 Что с детства еще просил
 Ромашку одну сберечь
 У локомоторных сил.

А время шло по кривой,
 Был так его труден ток,
 Что станции узловой
 Развязывался пупок.

Еще соловей певал
 И первый смеялся путь,
 А я уж не успевал
 Вернуться.
 Не мог вернуть.

* «Алтынка» — Саратовская областная психиатрическая больница Святой Софии. Клинический городок располагается у подножия горы Алтынная, отсюда народное название больницы. — *Прим. ред.*

Кузнечик среди травы —
Железнодорожник, да...

Нагоните жизнь лишь вы,
Почтовые поезда.

* * *

В подземном переходе
Эпохи переходят.
Ступнями со ступенью
Народы говорят.
В подземном переходе,
Как будто в небосводе,
Шумят ветра и птицы
И ангелы парят.

В подземном небосводе
Своих планет плеяда,
Своих светил система,
Своих созвездий хмель.
Среди шагов и лестниц
Поет беззубый месяц,
Горюет серым солнцем
Солдатская шинель...

В подземном пароходе
По водам безымянным
Плывут куда-то люди,
Забыв, что есть предел.
Вращает мутным оком,
Кто в будущем глубоком
Серебряному руслу
Доверить жизнь хотел.

В подземном огороде
Всё те же лук и мята,
В лесу — все тот же голос
Полянный, плачевой.
Ладонь владеет дикой
Стаканной земляникой,
Фактурой бархатистой,
Тревогой кучевой.

...Заплачь слезой тяжелой
О метрополитенах.
Безвременье почувствуй,
От времени устав.
Блестит подземный пояс,
Бежит подземный поиск,
Дрожит подземный поезд —
Твоей вины состав.

Куст раkitовый

Тучи в небе тарусском,
Дождь у дня на краю.
О раkitнике русском
Разговор говорю.

— Здравствуй, день-подорожник!
— Здравствуй, сын-златоуст!
Прячет душу острожник
Под раkitовый куст.

Вот душа и не в теле,
А в тенечке от тени,
В черноземном миру.
Умирать не хотели,
Только жить — на юру.

Зыбка он для младенцев,
Весь — дрожащая весть.
Для чужих уроженцев —
Шелест родины здесь.

Ведь не зря тише грома, —
Шепот выдоха чти, —
Вдруг признание: «У дома
Рос такой же... почти».

О раkitнике русском
На вокзальчике тусклом,
На Ваганьковском узком
Памятка велика.
Чемоданы, баулы,
Подземельные гулы...
А на небе аулы —
Белые облака.

Елена САВЕЛЬЕВА

ПОД КРЫШЕЙ ДОМА

Р а с с к а з

Если бы Ивашовым сказали, что из-за такой мелочи, как протекающая крыша в бараке на другом конце города, придется столько пережить, они, наверное, переехали бы куда подальше. Или, наоборот, держали бы двери распахнутыми?.. Теперь уже трудно сказать. Но все сложилось именно так, а не иначе.

Дом Ивашовых — на две семьи. А фактически на одну, потому что вторая половина уже три года пустует. Хозяйствовать так — приятно и свободно... Было свободно до тех пор, пока не расселили «бакинский» барак из-за аварийного состояния и крыши, вконец отказавшейся служить защитой от внешнего мира.

Жили в «бакинском» люди разные, по большей части бедные, да еще переселенцы. Ни к Баку, ни к Азербайджану жители барака отношения не имели. Но исконные обитатели городка были знакомы с кавказским миром почти исключительно по маленькому рыночку с азербайджанскими палатками. Темные глаза и еще более темные волосы жителей барака сыграли свою черную роль, дав ему название несправедливое, но липучее.

— Мам, нам из барака кого-то вселяют! — крикнула Машка, старшая из двоих детей Ивашовых, студентка-отличница, забегающая во двор.

Мать ее Анна — или, как ее звали в округе, Анютка — ткнула с размаху тяпкой между новорожденных морковных хвостиков.

— Поди, пьянь какую в частный-то дом отправят, — буркнула Анютка больше сама себе, чем дочери.

— Не, кого-то из «черных», — ответила Машка, на ходу отобрав громадный бутерброд у младшего брата Мишки, только что раскрывшего рот, чтобы откусить.

— Час от часу не легче! — заорала на нее мать, как будто Машка выбирала, кому какое жилье дать.

Вечер прошел в ворчливо-тягостных размышлениях. А утром, когда еще и почтальонша тетя Рита не пришла, ситуация прояснилась. К забору

подъехал фургон, и из него черным бисером высыпали детишки и тяжело спрыгнул немолодой бородатый мужчина.

— Хэй-хэй-хэй! — пристрожил он бесенят, в момент закружившихся по двору.

Дети вернулись к машине и послушно, один за другим, стали заносить во двор старые облезлые пожитки. Из кабины, опираясь на руку высокого смуглого парня с короткой густой бородкой, грузно спустилась полная женщина, замотанная в платок так, что волос совсем не было видно, в длинном безвкусном красном платье, из-под которого торчали такие же красные штаны.

Новички не обращали на соседней никакого внимания. Муравьиная цепочка сосредоточенно вползала в дом и снова выползала, пока машина не разгрузилась полностью и, насмешливо фыркнув напоследок, не растворилась в белой дорожной пыли. После этого возня переместилась в нутро дома, и оттуда слышались гортанные голоса, скрип мебели по полу и звон посуды.

Ивашовы, впервые за много лет отодвинув прополочные дела, засели на своей половине. Такой напасти — плюс к их и без того нелегкой жизни — не ожидал никто. Анюта звонила подругам и, охая, делилась дурной вестью. Виталий, глава семейства, старался делать вид, что ничего не произошло, — сидел, уткнувшись в телевизор. В настенной живой картине показывали новости из конфликтных зон. Виталий мрачно хэкал и нервно вытирал рукой совершенно сухой нос. Машка и Мишка дежурили у окон, шикая друг на друга и пихаясь.

Вторая половина дома, отделенная от Ивашовых стеной и низеньким реденьким заборчиком, активных признаков жизни пока не подавала.

По облачной темноте, пользуясь отсутствием звездного света, дети тайком выбрались из дома и подошли к заборчику. У соседней горел свет, но было тихо.

— Как думаешь, они кто? — подпрыгнул, чтобы заглянуть в чужое окно, Мишка.

— Не лезь, салага! — по праву старшей осадил сестра. — Они знаешь какие — лучше вообще не встречаться!

— Ага, не встречаться — у нас же двор практически один! — шепотом возмутился Мишка.

— Забор поставим высокий, и все, — отрезала Марья. — И не будем их ни видеть, ни слышать.

Мишка, задрожав то ли от волнения, то ли от ночной сырости, вздохнул.

— Любопытство свое подальше засунь, понял? — сурово посмотрела на младшего сестра. — Я тебя знаю, завтра уже полезешь знакомиться. Ты же слабак, всегда сдаешься и всем веришь.

— Маш, я не, я честно — не! — виновато захныкал Мишка, у которого и вправду характер был слабее Машкиного.

На том и порешили, заходя в дом и отрезая, словно навсегда, этот день и все, что было до него, от ставшего вдруг подозрительным и недобрым внешнего мира.

* * *

Когда морковные кустики сформировались в маленькие гривы, у Ивашовых уже давно синел новый забор из профлиста, надежно отгораживающий их двор от соседского. Решение было принято бесповоротно с того утра, когда выяснилось, что соседи — мусульмане.

Не сказать, чтобы Ивашовы были сильно верующими, — так, обычные россияне, причисляющие себя к православным уже на том основании, что на Рождество гадали, а на Пасху покупали куличи. Раньше они и не задумывались об этом особо: детей крестили, чтобы округа не шепталась, в церковь иногда заходили — причаститься по случаю, чтобы милость Божию получить. Но с тех пор, как новости начали крутиться вокруг Сирии и все чаще звучали слова «ислам», «исламисты», соединяемые с «терроризм», «бомбежка» и прочими, Ивашовы стали к вере относиться строже. И сторониться мусульман, которых в их районе, к слову сказать, было совсем немного.

Сейчас же, когда они оказались буквально через стенку от чего-то, пахнущего непонятным и опасным, жизнь и вовсе потеряла свою безмятежность. Раньше в соседской половине жила старая учительница — тихая, безобидная. Ивашовы никогда и не задумывались, что разделяющая дом стена не капитальная, тонкая. Учительница проверяла тетради да читала, ее годами не было слышно. Теперь же к Ивашовым несколько раз в день долетали мусульманские молитвы, воспринимаемые русским слухом с непривычки как какие-то завывания. Пришлось повесить на эту стену толстый ковер и поставить рядом телевизор. Но сам факт того, что всего в метре молятся другому — чужому — богу, которого так часто поминают в религии, толкающей людей на войну и теракты, был ужасен и непереносим.

К тому же почтальонша тетя Рита, знающая все и всегда по долгу службы, сказала, что переехали сюда чужаки вроде бы из Дагестана и что какой-то из их родственников — кажется, племянник — ушел в боевики и уехал прямо туда, в Сирию.

— А еще они, когда узнали, что вы собаку-то прямо в доме держите, заохали, — доверительно нашептывала тетя Рита. — «Аллах-Аллах! — мать-то их говорит. — Собака в доме — ангел туда не войдет. Не быть счастье в дом».

— Какой еще ангел? — не поняла Аня. — При чем тут собака?

— Тю! — усмехнулась тетя Рита с видом всезнайки. — С такими соседями за стенкой живешь, а простых вещей не знаешь. У них, у мусульман-то, собака — это грязное животное. В доме держать нельзя, грех для них. Могут и убить, иначе ихний бог их защищать не будет. Смотри, как бы не отравили пса вашего.

Тетя Рита говорила так убедительно, что верилось сразу. Анютка ужаснулась варварству соседей с чуждым менталитетом, способных убить ни в чем не повинное создание. Ивашовы животных любили, собаки всегда у них были не цепными, домашними — залюбленными и чистыми. Мусульманские же обычаи, просачивающиеся сквозь еле заметную щель между металлическими листами забора и землей, пугали и никак не становились привычными. Напротив, все эти песнопения, вечный запах баранины и плова, ежедневно слышимые «иншалла» и «машалла», длинные женские одежды и черные бороды мужчин строили преграду между соседями намного выше, чем сам забор. Теперь же еще добавился и страх за беспородного, но такого родного Грэя.

Сами Ахмедовы и четверо их детей своей замкнутостью и необщительностью лишь увеличивали разрыв между собой и окружающими. Отец со старшим сыном работали на рынке, торговали овощами-фруктами. Мать с тремя младшими детьми, самый большой из которых должен был пойти в этом году в школу, сидели дома. Синий забор надежно скрывал соседей друг от друга, но не скрадывал звуки. Вставали Ахмедовы рано, во дворе возились подолгу. Волей-неволей Ивашовы вскорости выучили непривычные имена: отца звали Махмуд, жену его — Фариды. Старшего сына, Амира, вечно кликали младшие: Айша, Исмаил и Лейла.

Мишка, вдруг полюбивший гулять вдоль внешнего деревянного, местами дырявого забора, отделявшего дом от улицы, частенько подглядывал за соседями. Машка, правда, пару раз ему поддала, но потом у нее началась сессия и стало совсем не до брата. Поэтому в один весьма неприветливый дождливый день, когда родителям было лень ловить сына, вечно ошивающегося то в сарае, то в саду, Мишка познакомился с Исмаилом.

Взъерошенным вороненком смотрел черноглазый малолетка на шестиклассника, с независимым видом кидающего мяч о землю с той стороны уличного забора. Новенький, вызывающе-оранжевый баскетбольный мяч заворожил малыша так, что тот застыл под дождем. Мишка сосредоточенно стучал по мячу, не поворачиваясь к соседу. Подскоков через двадцать мяч, словно бы совершенно случайно, улетел к Ахмедовым. Мелкий бросился за оранжевым шаром, поднял из лужи и прижал к себе. Стоял, глядя то на Ивашова-младшего, то на мяч. Мишка уже засобирался домой, и тут мяч перелетел к нему обратно. Шестиклассник подмигнул мелкому и бросил мяч снова.

Так они и бегали под дождем за мячиком, ловили и упускали, падали в грязь, смеялись. Попало дома обоим — за испорченную одежду и чумазый вид. Но о завязавшейся тайной дружбе никто из родителей не узнал.

Через несколько дней вездесущие сестрички Исмаила обнаружили это «подзаборное» общение. Исмаилу пришлось познакомить Мишу с девочками, чтобы те не наядбничали родителям. Айша и Лейла были вполне довольны, многого не требовали, только смотрели на Ивашова-младшего и, смеясь, что-то щебетали на своем языке. Исмаил же быстро учил русские слова, и забор совершенно этому не мешал.

Мишка, польщенный восторженным вниманием малышни, рассказывал про город и окрестности:

— Там вот школа моя, большая... Здесь частный сектор — ух и домищ тут — уйма! А дальше, за домами, лес и озеро, в нем кувшинки растут, цветы такие белые.

Теперь девчонки, заинтригованные загадочными цветами, растущими прямо в воде, каждый день через брата просили Мишку показать озеро. Уводить далеко от дома чужих мусульманских детей было страшно, но и отказаться — невозможно. Так сияли, так лучились большие черные глаза в окружении смоляных кудряшек, что однажды Мишка растаял и дал себя уговорить.

Решили идти в будни, когда родители будут на работе, а Фарида, мать ахмедовских ребят, ляжет днем поспать. Долго ждать не пришлось. В среду выдался чудесно теплый день — не жаркий, но солнечный. Взрослые с утра разбежались по делам, Фарида возилась по хозяйству, а когда солнце добралось до зенита, по давней привычке, оставшейся от непереносимо-жарких южных краев, прилегла подремать. Дети впервые за долгое время не шумели и не ссорились, послушно и молча сидели возле мамы, поэтому уснула она быстро.

Исмаил вывел сестер через дырку в заборе, которую они с Мишкой расковыряли заранее. Ивашов-младший, гордый положением хозяина и проводника, уже ждал малышню с пакетом, в который запасливо положил бутылку воды и несколько бутербродов. Дети пищали от восторга, скакали вокруг Мишки, а тот вел их задней, вдоль огородов, тропинкой. Солнце мягко нагревало траву, и идти по ней босиком, сняв надоевшую обувь, было блаженством. Девчонки аккуратно переступали смуглыми ножками через одуванчики и васильки, в четыре глаза рассматривали смешной львиный зев и щекотали брата травинками. Мишка не торопил их, солидно разгуливал по давно надоевшим задворкам их старого окраинного района.

Оставалось совсем немного — махнуть через узкий лесок, как вдруг с окружной дороги выехала старая битая «газель» и, резко тормознув, остановилась около детей. Из машины выпрыгнул Амир и, крепко ругаясь гортанными словами, побросал детей в машину, хватая их сразу по двое. Мишка и сам не понял, как оказался среди ящичков с яблоками, виноградом, помидорами-огурцами и мешками с капустой.

— Не бойся, брат хороший, — утешил друга Исмаил и тут же охнул, стукнувшись затылком об угол яблочно-пахнущего ящичка.

Мишка ежился на полу, поджав ноги, подпрыгивая угловатым мячиком вместе с маленькими Ахмедовыми. Как назло, решив сегодня помодничать, он надел желтую майку без рукавов и шорты, а не джинсы. Это был отличный прикид для легкой прогулки, при этом совершенно не подходивший к скачкам среди деревянных ящичков в машине, несущейся по бугристой гравийной дороге. Мишка моментально покрывлся царапинами, расчертившими ноги и руки красными неровными отрезками.

Машина тормознула. Амир что-то сурово крикнул Мишке, но тот со страху не разобрал русские слова, сказанные с сильным акцентом. Тогда кавказец, ругаясь, вышел из машины, открыл дверь и, как щенка, вышвырнул Мишку на улицу — напротив входа в их ограду.

— Ах ты, сволочь! — послышался девчачий визг.

И в Амира врезалась Машка.

Сестра у Мишки была не промах — невысокая, стройная, но сильная: как-никак всю жизнь прожила в частном доме. Машка молотила Амира по голове, груди, рукам, пока у того не лопнуло терпение и он не скрутил ее.

Мишка увидел, как сестра от боли хватается воздух ртом, как сверкают глаза здорового, на полголовы выше Машки, парня, и тоже бросился на него. Амир, не отпуская Машку, прихватил пацана за ухо, и тот заплясал, попискивая, отбивая чечетку старыми кроссовками.

Маленькие Ахмедовы боялись реветь и только бегали вокруг брата, плаксиво просили его о чем-то на своем языке.

Амир не сразу понял, что толкуют младшие, и разжал руки, когда у Мишки уже конкретно покраснело ухо, а у Машки побелела вывернутая рука. Амир гаркнул на мелких, и те ссыпались обратно в машину. Мишка и Маша еще сидели в пыли, когда автомобиль уже свернул в соседскую часть двора.

Машка достала телефон. Мишка с опасением покосился на сестру:

— Родителям?..

— Сначала в полицию, — сквозь зубы сказала Машка.

— Не надо, это я виноват, — опустив голову, признался Мишка, понимая, что ничего хорошего его сегодня не ждет.

Предвидение Ивашова-младшего сбылось. Досталось ему отменно: сначала от сестры, потом от мамы, а на ночь — от отца. Мишка потирал затылок, гудевший после отцовского подзатыльника, и думал, что больше никогда не пойдет к Ахмедовым — так скрутить девушку, как скрутил этот гад! Такой верзила, такую маленькую Машку! Мишка прижимался лбом к прохладной деревянной стене, у которой стояла кровать, и строил планы достойной мести за честь сестры. Мстить предстояло по-настоящему, до крови. Но как точно, Мишка не знал. Он вспоминал фильмы, представлял себя в черной бандане, сильным и беспощадным, стоящим над трусливо ревушим кавказцем. Надо только его как-то связать сначала...

На этом месте Мишка уснул, и снились ему не бои, а карусель из парка отдыха и большая сладкая вата, которую можно есть целый день, и она все равно не кончится.

* * *

— Эй, иди сюда, да? — черный, рослый, Амир выглядел угрожающе в серой полутьме.

Машка покосилась на свою калитку, но собрала волю в кулак и пошла навстречу. Остановилась прямо перед парнем: пусть знает, она на

своей земле и здесь ее порядки. Независимо отставила ногу, закинула сумку на плечо, посмотрела с вызовом.

— Ты меня прости, — Амир отвел взгляд, и теперь можно было его беспрепятственно рассматривать.

Борода у него немного подросла, и выглядел он из-за этого совсем дикарем, некрасиво и как-то по-дурацки. Китайская олимпийка, дешевые черные джинсы, идиотские остроносые туфли.

— Скажи спасибо, что заявление на тебя не написала. Вылетел бы в два счета из нашего города, понял? — Марья угрожающе наклонила голову.

— Эй, женщина, говори уважительно! — мгновенно вскипел Амир, забыв свое желание извиниться, и сделал шаг к Машке.

Но та давно была готова бороться за себя, свою семью и за всю страну. И тоже шагнула вперед. Они почти столкнулись, оба полны решимости защищать своих. Глаза в глаза, дыхание против дыхания, вера против веры. Биться — так насмерть!

* * *

Июль выдался жарким. И хотя сессия давно кончилась, домой Машка заявлялась в поздних сумерках. Отгуливала последние годы детства, когда ты уже совсем большой и можешь приходить, когда захочешь, но еще считаешься ребенком, потому что учишься.

— Ты чего это паришься в длинном, сарафаны не носишь? — матери удалось спросить об этом только спину Маши, потому что дочь, как зашла в дом, сразу нырнула в душ.

— За тридцать градусов, а она рядится в кофту с рукавами и юбку чуть не в пол, — обернулась Анютка к мужу и снова вернулась к плите. — На кой черт покупали, такие деньжищи тратили? Лучше бы газонокосилку взяли, хоть польза была бы.

— Мода. — Виталий лениво ковырял вздумавший бунтовать уют. — Что в интернете, то и на детях. Хорошо, тупы летом не рекламируют.

Дочка, раскрасневшаяся и мокрая, прошла мимо, словно не замечая родителей.

— Может, поешь? — сделала мать очередную попытку пообщаться.

Ответила ей дверь, хлопнувшая без вызова, но однозначно.

— Оставь ее, она взрослая уже, — примиряюще сказал Виталий жене.

Родители уселись голубками на диване. Много ли таких выдается минут: и дети, и работа, и дел домашних столько — жизни не хватит. А тут наконец-то тишина, и можно побыть вдвоем, обнимаясь, как в юности когда-то.

За окном сад качал зелеными головами, на которых уже нарастали яблочки и груши. Легкий ветерок романтично шевелил на окне голубой турецкий тюль, любуясь семейной идиллией.

Спали кошки и собака, раскинулись в кроватях на обеих половинах дома дети, и обнялись во сне родители; дремали улица и сад. И даже птицы сделали на ночь перерыв в чирикающем концерте по заявкам.

Только один человек в доме бодрствовал и готовился к решительным действиям.

* * *

Осознала пропажу дочери Анютка уже к полуночи, когда занудно-длинные гудки сменились вежливым: «Абонент не отвечает». За двадцать Машкиных лет, конечно, бывало всякое. И в последний момент общала, что останется у подруги, и ночевала иногда по несколько дней в общаге у сокурсниц под предлогом подготовки к экзаменам. Но чтобы вот так — взять и пропасть? Нет, не в Машкином это характере. Упрямая она, но честная.

— Может, телефон разрядился? — тер лоб потной ладонью Виталий.

— Да я ж звонила ей до этого раз тридцать, — нервно вскинулась Анютка. — Всё длинные да длинные, хоть бы эсмэску отправила!

— Надо Ольге позвонить, которая из седьмой общаги, — влез Мишка, особо за сестру не переживавший. — Она домой на лето не ездит. Машка точно там зависла.

Анна, поколебавшись с минуту и плюнув на некстати вылезшую вежливость, ткнула пальцем в номер дочкиной подруги. Разбуженная звонком сокурсница удивилась и вполне искренне заверила, что не видела Машку последнюю неделю.

Ночь прошла в мучительном ожидании. Родители ворочались, выстраивая планы, кому звонить с утра и как они оторвут дочке башку, когда она наконец появится.

Спозаранку, чтобы успеть до работы, обзвонили половину Машкиных подружек. Из ответивших никто ничего не знал, но оставались еще те, кто не взял трубку. До вечера Анютка и Виталий маялись на работах, позванивая в свободные минуты друг другу и по оставшемуся с утра списку.

— Надо в полицию заявление писать, — пустым голосом сказала Анютка.

Вечер был палящим, как полдень, и Ивашовы сидели во дворе на скамейке.

— Там только через три дня берут после пропажи, — хмуро ответил Виталий.

— И что теперь, не идти? — взъярилась Анютка, за сутки осунувшаяся от переживаний.

Из-за заборной синевы слышались раздраженные крики: папаша Ахмедов явно был чем-то недоволен.

— Еще эти тут! — окрылся Виталий.

— Пошли уже, — встала Анютка.

Взяли паспорта и Машкино свидетельство о рождении — дочкин паспорт в суматохе не нашелся. Наказали Мишке сидеть дома и не дергаться и отправились в полицию.

Пока закрывали калитку, сосед открыл ворота, чтобы вывести машину со двора. Кинул соседям вместо приветствия злобный взгляд, те зыркнули в ответ. Был бы нормальный человек — подвез бы «безлошадных» Ивашовых. А этот... чужак и есть. Анютка с Виталием глотнули обидной пыли, поднявшейся за «газелью», и, с кашлем и слезами на глазах, вновь заторопились.

Когда они были уже около остановки, позвонил Мишка.

— Мама, ты только не ругайся, — сопя в телефон, сказал он.

— Что еще наделал? — рассердилась мать.

— Записку нашел... Машкину. Она на книгах лежала, прямо на столе, а мы и не заметили.

Анютка резко остановилась, взяла мужа за руку.

— Что там?! Читай скорее!

— Там... — помялся Мишка. — Там это... «Уехала с Амиром, не волнуйтесь. Вернусь, когда смогу».

Анютка села прямо на остановочный асфальт, держась за сердце.

— Что? Что?! — от волнения Виталий никак не мог поднять жену.

Анютка повернулась к супругу, но смотрела куда-то в пустоту. Выговорить услышанное было выше ее сил.

Бегом вернулись домой, перечитали. Мишка не соврал.

— У них ведь родственник какой-то в боевики ушел, — с ужасом вспомнила Анна.

— Я им сейчас покажу боевиков! — Виталий рванул к соседям. — Поубиваю на хрен, если мою дочь по-хорошему не отдадут!

Жена с сыном попытались его удержать, да так и докатились шестируким коловоротом до соседского входа.

Виталий долго лупил кулаками по горячему металлу калитки, пока издали не послышался голос Фарида.

— Эй, кто стоишь тут? — на ломаном русском отозвалась она.

— Открывай! — шваркнул со всей силы Ивашов по железу. — Где моя дочь?

— Муж нет в доме, потом приходи! — крикнула женщина и ушла.

Виталий метался перед соседскими воротами до тех пор, пока в последнем свете засыпающего солнца не появился автомобиль Ахмедовых. «Газель» тормознула перед воротами, Махмуд неторопливо вышел из кабины.

Ивашов тут же налетел на него.

— Где моя дочь, сволочь черная? — в сердцах орал Виталий и старался схватить соседа за грудки. — Где моя Маша?

Ахмедов нахмурил брови, сжал кулаки, но сделал шаг назад.

— Где моя дочь? Маша где, где моя девочка? — повторял Ивашов, пытаясь дотянуться до соседа.

— Зачем мне твоя дочь? У меня свои есть! — рявкнул в ответ Махмуд.

— Не ври мне! — заорал, не в силах сдержаться, Ивашов. — Она с твоим сыном-боевиком ушла!

Виталий снова попытался ударить Ахмедова, тот схватил его за руку, да так крепко, что Ивашов заскрипел от боли зубами. Анна закричала, испугавшись, что грузный и сильный Махмуд — ведь все «черные» сильные, как черти, — убьет мужа. На визг Анюты из дома выглянула Фарида и, в момент добежав, выскочила к ним за ворота.

Женский плач, крик, писк детей Ахмедовых, тут же прибежавших за матерью, становились все громче, разносились по всей улице. В окнах окрестных домов показались разинутые от любопытства рты.

— Виталий, опомнись, что ты делаешь! — Анна подбежала к мужу. — Хочешь, чтобы все соседи узнали, что наша дочь в боевички подалась?

Ивашов стоял, тяжело дыша, не разжимая кулаки и не отводя глаз от Махмуда.

— Где моя дочь? — тихо, почти по слогам, спросил Виталий.

— Не знаю я, где твоя дочь, — зло ответил Махмуд. — Мой сын пропал, твоя девка его увела!

Голос Ахмедова, утяжеленный акцентом, был хорошо слышен по всей округе. От дальних домов как раз отделились два мужичка — всегда безработные и вечно пьяные участники всех событий местного масштаба. С противоположной стороны спешила почтальонша тетя Рита, придерживая обеими руками увесистую сумку, хлопающую ее по округлому боку.

Ивашовы и Ахмедовы переглянулись.

— Пойдем в дом, — мотнул на свою калитку Ивашов.

— У тебя в доме наджаса, нельзя, — отказался Махмуд.

— Кто-кто?

— Собака — нечистое животное, — презрительно сморщился Ахмедов. — В такой дом, где собака живет, ни один ангел не пойдет. Оттого и все беды, что с тобой под одной крышей живу!

Ивашов опять дернулся к Махмуду, но тетя Рита, заинтересованно оглядывая то одного, то другого, была уже близко. Анюта, прекрасно понимая, что хорошая сплетня ценится больше, чем пенсия, заторопила мужа: не дай бог узнают, что Машка с боевиком ушла, — всю семью потом со свету сживут.

Ахмедовская калитка была совсем рядом.

— Сам ты наджаса! — огрызнулся напоследок Ивашов и вошел во двор Ахмедовых.

Остальные нырнули за ним разношерстной гурьбой. Махмуд закрыл калитку, показал рукой на дом.

Разговор получился немирным и тяжелым. То одна, то другая семья начинала обвинять соседей в коварстве, враждебном настрое, неправиль-

ных обычаях и прочем. Машину записку Махмуд прочел, перевел Фарида на аварский: сама она прочитать по-русски не могла. Фарида заохала, начала что-то горячо говорить на своем. Ахмедов цыкнул на жену, и она сразу замолчала. Но Анна уловила в речи соседки что-то значимое.

— Что она сказала? Что она знает? — придвинулась на шаг Аня к Ахмедовым.

— Ничего не знает, нет, — отрезал Махмуд. — Сын ушел без спросу, я его ищу.

— Признавайся, он боевик? — вернулся к больному вопросу Виталий.

— Зачем боевик? — осерчал Ахмедов. — Он сын мой, честный парень.

— А борода как у боевика, что у тебя, что у него! — опять полез на соседа Ивашов. — Все вы, мусульмане, такие: днем дружите, ночью стреляете и горла режете.

— Э, ты! — налились кровью глаза Махмуда. — Я тебе плохих слов не говорил, твою веру не обижал, и ты со мной говори уважительно!

— А что у вас родственник в Сирию подался? — Анна сердито подняла кверху кулачок. — Боевик, значит, в твоей семье, — скажешь, нет?

— То его грех, — ответил Ахмедов. — Здесь я не виноватый.

— Мама, мама, пойдем! — Мишка задергал мать за рукав.

— Ты совсем, что ли? У тебя сестра пропала, — зашипела на него Анна.

— Ну пойдем же, мама! — сын упрямо тянул ее за собой.

Виталий обернулся к жене и сыну, посмотрел в почерневшее от ночи окно.

— Ищи своего сына, где хочешь, — бросил он напоследок Махмуду. — А дочь моя завтра дома должна быть. Иначе иду в полицию и пишу заявление, что твой сын боевик и мою дочку похитил.

Уже в своем дворе, на родной территории, Мишка снова подошел к маме:

— Я знаю про Машку, мне Исмаил сказал.

— Исмаил? Это еще кто? Что он сказал? — затеребили сына родители.

— Сын младший дяди Махмуда, — Мишка показал носком ботинка на синий забор. — Сказал, что видел, как Машка с Амиром стояли несколько раз за забором и разговаривали. Что-то про «уехать» говорили.

— Вот тебе и длинные юбки! — хлопнул себя по колену Виталий. — Значит, точно в мусульманки подалась, с ним боевичкой поехала.

— Не говори так, не говори! Наша дочь не такая, — зарыдала Анна.

— Такая, не такая, а из дому сбежала! — Виталий налил полную кружку холодной воды и жадно выпил. — Плохо ей здесь было, что ли? Чего не хватало?

Аня молча вытирала слезы. Возразить было нечего.

Машка позвонила на следующий вечер, неожиданно. Точнее, звонка ее ждали, как ждут рассвет среди затянувшейся ночи, но, когда телефон Анны затенькал и выдал на экран: «Доченька», и Виталий, и сама Анюта на секунду замерли. Потом, одновременно бросившись, дотянулись до телефона в четыре руки. Анна нажала «ответить» и не сразу смогла сказать «да» — пересохло во рту.

— Мама, это я, — заговорила трубка знакомым, Машиным голосом. — Ты меня слышишь?

— Доченька, где ты? — Анна начала рыдать. — Где ты, Маша?!

— Мама, со мной все хорошо. Я не могла вам сразу сказать, вы бы не пустили меня... Скоро доеду и тогда, наверное, смогу нормально все объяснить.

Виталий выдернул у жены трубку, но Маша уже прокричала что-то про отправляющийся поезд и отключилась.

Прохладный к ночи дом вдруг стал жарким, как натопленная баня. Ивашовы вышли на крыльцо, долго сидели, наблюдая за перемигиванием звезд, рассеянных во Вселенной так далеко, что от одной до другой — не дозваться.

Грэй, в последние дни предоставленный сам себе, с удовольствием предавался любимому собачьему развлечению: рыл землю. Новый забор с самого начала привлекал пса, и теперь, добравшись наконец до синей стены, Грэй с упоением раздирал под ней низкорослые кустики травы. Надо было бы окликнуть пса, отозвать от забора, защищавшего от иноверцев не только людей, но и самого Грэя, но слова никак не шли наружу. Ивашовы смотрели на небо и не видели, как понемногу увеличивается щель под забором.

Неделя докатилась до выходных. Ивашовы, к собственной растерянности, пропустили второй Машин звонок. Копались с утра до вечера в огороде, а когда вернулись в дом и увидели пять пропущенных, позвониться уже не смогли.

Утром в воскресенье к Ивашовым постучался Махмуд. Виталий, спавший урывками с момента пропажи дочери, вышел небритый, лохматый. Открыл замок калитки:

— Заходи.

Ахмедов покосился на собаку, разгуливающую по двору.

— Нет, тороплюсь, — помотал головой. — Сказать хотел: вчера Амир звонил. Говорит, доехали до станции. А куда — не сказал, оборвалась связь.

Ивашов хотел сгрубить, но сдержался — все-таки с добром человек пришел.

— Спасибо. Вчера не успели трубку взять, когда дочь звонила.

— Марьям с ним, сказал, — хотел успокоить Махмуд.

Но имя, родное русское имя, прозвучавшее вдруг так по-чужому, разозлило Виталия.

— Мою дочь зовут Маша! — огрызнулся он.

Махмуд спорить не стал, качнул головой в сторону забора:

— Закопай дыру, голову уже просовывает.

И ушел.

Виталий посмотрел на чумазого Грэя, валявшегося в подкопе с высунутым от счастья языком. Да, глубокоовато уже подрыл, надо бы за-
 делать...

Допоздна обсуждали с Анютой, до какого места Маша могла ехать с Амиром столько времени, — так что еще и связь обрывается даже на станции. Предположения получались одно печальнее другого, и, измучившись, Ивашовы легли спать. Беда бедой, а на работу завтра идти надо.

Ахмедовы легли еще позже. Привычный ритм жизни мгновенно разбился, как старая бутылка, без проворного старшего сына. Теперь Махмуду по работе и по дому приходилось все делать одному. Фариде тоже было нелегко: малыши, прикипевшие к Амиру маленькими сердечками, капризничали и не слушались. Вымотавшись за выходные, всегда напряженные на рынке, Махмуд наконец уснул, провалившись в глубокое, как тартарары, забытье. Фарида уткнулась в его плечо, по-мусульмански веря, что муж может справиться со всеми трудностями в мире — с помощью Аллаха, конечно. Младшие спали беспокойно, перебирая во сне ногами и шевеля смуглыми ручонками.

* * *

Исмаил проснулся под утро. Вечером он напился компота, и сейчас внутри мальчишки маленький, но настойчивый будильник требовал срочного подъема. Исмаил сбежал в туалет и хотел лечь обратно, но очень уж тихо и свободно показалось ему в доме, когда все спят и никто не говорит ему, младшему в доме из мужчин, что делать, а чего не делать. Непоседа-вороненок, покосившись в сторону родительской комнаты, хитро сверкнул глазами и решил немного погулять во дворе. А лучше — забраться в машину, на место водителя, и представить, как он сам едет за рулем — серьезный и взрослый. «Эй, — крикнул бы он всем девчонкам и парням, — смотрите, как я могу!» И повернул бы перед ними красиво и плавно, как умеет брат.

Замок входной двери был тяжелым, шумным. С ним и днем-то было сложно управиться, а в предутренней тишине запросто всех разбудишь. Исмаил не стал рисковать, открыл окно в кухне, отодвинул в угол подоконника цветы в тяжелых глиняных горшках и вылез во двор, скользнув по пластиковой раме. Кроссовки взять он забыл. Остывшая земля холодила пятки — пришлось прыгать до сарая, исполнявшего роль гаража, то на одной, то на другой ноге.

Исмаил задорным козликком доскакал до «газели» и... воткнулся в чей-то толстый серый зад.

— Охреть, Васяня, — сказал толстозадый, обернувшись. — Чо за фигня?

Из его грязных лапищ уныло свисали провода навигатора и ремешок борсетки, которую Махмуд забыл вечером в машине.

— Ишь ты, отоспался уже, — выглянул из машины еще один — здоровый детина в жеваной красной майке. — Давай лови его!

Красногрудый Васяня кивнул толстяку, и тот, кинув добычу обратно в «газель», неуклюжим медведем качнулся в сторону мальчишки.

Исмаил отпрыгнул в сторону, кинулся в сторону дома. Но шаг крупного взрослого мужчины был намного шире, и уже через секунду рука толстозадого крепко держала мальчика за плечо.

— Пусти, пусти! — верещал Исмаил, но вывернуться не мог.

— Чего с ним делать-то? — буднично, словно речь шла о яичнице на завтрак, спросил толстый и почесал пузо.

— Вяжи его и в машину, — харкнул Васяня на землю зелено-желтой мокротой. — Из города вывезем, там разберемся.

Исмаил воробышкой бился в руках мужика. Он визжал, ревел, но в доме крепко спали, и даже открытое окно не помогало разбить оковы этого сна.

Толстозадый вывернул малышу руку и поволок его за собой. Исмаил пытался упираться, но влажная земля скользила и размазывалась под ногами.

— Дада! — заорал Исмаил, зовя отца.

Толстяк ткнул в лицо мальчика кулаком. Исмаил упал и хотел отползти, но толстяк подхватил его и зажал рот мясистой, пахнущей куревом и еще какой-то гадостью ладонью.

В образовавшейся тишине двора неожиданно послышалось рычание: это Грэй, просунув в дыру под забором голову и передние лапы, яростно извивался, стараясь пролезть. Мужики напряглись, но, оценив величину подкопа и размер собаки, успокоились и отвернулись.

— Давай пошевеливайся. Проснутся, — сказал Васяня.

— Может, прибить пса? — предложил толстяк.

— Вполне, — одобрил красногрудый. — А то загрузиться по полной не успеем.

Толстяк толкнул Исмаила Васяне. Тот поймал малыша за обе руки и вытянул откуда-то веревку, собираясь его связать.

Толстяк поднял лопату и, переваливаясь, заторопился к забору.

— Я т-те покажу, как на людей лаять, — с ухмылкой сказал он псу. И в следующий момент заорал: — А-а-а!

Грэй, косматый, в налипшей на шерсть земле, вцепился со всей собачьей силой в руку, занесшую лопату. Грабитель вертелся, пытаясь стряхнуть пса, отцепить его свободной рукой, но хватка у дворняги была мертвая. Толстяк вопил так, будто сотни игл пронзили его мышцы и кровь из раны хлещет фонтаном.

Васяня, матерясь и волоча за собой Исмаила, бросился к дружку. По дороге он подобрал у машины кол и теперь держал наподобие боевого копья.

— Стой, урод! — послышался голос Махмуда, возникшего в дверях дома в одних трусах, зато с топором в руках.

Ахмедов, лохматый и черный похлеще Грэй, выскочил во двор. В глубине дома заголосила Фарида, за ней запищали девчонки.

Красногрудый повернулся к Махмуду, выставил мальчишку и дубину впереди себя:

— Убью паршивца! — визгливо, голосом припертого к стене урки заверещал он. — Ма-а-азги по земле раскидаю!

Ахмедов остановился, примериваясь, как отбить сына.

— А ну отпусти пацана! — послышался сзади крик. — И учти, гад: полицию я уже вызвал!

Над забором, в первых утренних лучах, возвышался Ивашов. Золотой ли ореол вокруг его фигуры сыграл свою роль или же просто внезапное появление, но грабители окончательно растерялись.

— Валим! — фальцетом пискнул Васяня и, отшвырнув Исмаила в сторону, в три прыжка доскачал до свежего пролома в заборе, зиявшего дорожной темнотой.

Грэй, увидев хозяина, наконец-то отпустил толстяка. Тот, постанывая, заковылял за подельником, со скрипом протиснулся в дыру, едва не застряв серым задом, и скрылся.

Послышался стук падающих чурбаков, и Виталий исчез за забором. Грэй залаял, просунув голову в подкоп на хозяйскую сторону. Оттуда раздалось кряхтенье и тихая ругань Ивашова: он свалился с рассыпавшейся поленицы.

Махмуд все ощупывал и осматривал сына, пока Фарида, которая наконец оделась и выбежала из дома, не увела Исмаила, прижимая его к себе и причитая. На улице напротив пролома в заборе показался Ивашов в тулупе и валенках на босу ногу.

— Накинул, что в сенях было, — неловко перешагнул он через выломанные доски. — А эти удрали... Как твой мелкий-то? Ребенка били, козлы!

Ахмедов, качая головой и тихо ругаясь на аварском, стоял перед гаражом, рассматривая развороченные ящики.

— Много украли? — сочувственно спросил Виталий.

— Не успели, — покачал головой Махмуд.

Грэй, радуясь хозяину и тому, что чужаки убрались, а знакомые люди остались, бегал кругами и лаял, махая хвостом.

Ахмедов молча смотрел на собаку. Ивашов почесал в затылке.

— Пойдем мы, наверное, — он взял пса за ошейник. — Хорошо, что дом сегодня оставили открытым, иначе бы Грэй не выбежал.

— Спасибо, сосед, — кивнул Махмуд.

— Бывай! — улыбнулся Ивашов и вместе с Грэем полез через дыру обратно.

* * *

Весь день Мишка слышал призывный стук из соседского двора. Прийти не осмелился: чувствовал себя виноватым. Одну из досок забора, и без того неплотно сколоченного, он когда-то подковырнул своей рукой, выманивая Исмаила погулять. Именно там грабители и проделали дыру. Одна сорванная доска для здоровых мужиков — что узкая щелка, но начало положил, получается, он, Мишка!

Ивашов-младший слонялся по двору, ходил на огород поливать грядки, смотрел, как виляет хвостом оставшаяся на своей территории половина Грэя, вздыхал, чесал в затылке, но пойти узнать, как дела, не решался.

Когда над ивашовской калиткой появилась голова Махмуда, Мишка немного струхнул и незаметно для себя переместился ближе к дому.

Ахмедов степенно постучал, подождал, глядя на Мишку, переминаящегося с ноги на ногу, покачал головой.

— Отец на работе? — крикнул он.

— Да-а-а, — протянул Ивашов-младший. — Скоро придет.

В кружевных прорезях калитки на миг мелькнула черная кудрявая макушка Исмаила. Ростом малыш пока не вышел, поэтому, когда хотел заглянуть во двор к Мишке, подпрыгивал. Сегодня прыжки маленькому Исмаилу не удавались. Мишка вздохнул, вернулся к забору и отодвинул засов.

Ахмедовы зашли во двор. В руках у Исмаила была большая, завернутая в бумагу кость. Грэй, заинтересованный вкусно пахнущим гостинцем, закружился вокруг людей. Собачьи глаза сияли, язык вывалился из пасти, а хвост раскачивался так сильно, что бил пса по бокам.

— Отдай ему, — кивнул Махмуд.

И Исмаил, доверчиво шагнув вперед, протянул подарок псу.

— На, ешь, — малыш старался выглядеть серьезным, а потому казался еще более забавным. — Это твоя еда. Ты хорошая собака.

Грэй покосился на Мишку, но тот молчал, и собачьего терпения надолго не хватило. Пес мягко, стараясь не поцарапать руки Исмаила, взял зубами кость и, сморщив от нетерпения нос, побежал под крыльцо — в свое любимое логово.

Люди проводили Грэя глазами, послушали, как он сочно, со вкусом грызется в мясо, покрывающее кость толстым слоем.

— Передай отцу от меня спасибо, — сказал Махмуд Мишке. — Позже найду.

Исмаил гордо, с достоинством кивнул, соглашаясь со словами своего «дады». Мишка тоже кивнул — немного растерянно, потому что не знал, что ответить.

Ахмедовы уже давно ушли, а Мишка все сидел на крыльце, наблюдая за торчащими из-под крыльца подрагивающими задними лапами и

хвостом, который обычно был свернут калачиком, а сейчас от удовольствия распрямился. Зубы Грэя, судя по скрежещущим звукам, точили кость, ни на миг не оставляя этого занятия.

— Ты чего это такой кислый? — крикнул от ворот Виталий. — Случилось что?

Постоянное ожидание хоть какой-то весточки от дочери сделало Ивашова подозрительным.

— Пап, отчего люди друг друга не любят? — Мишка попинал ступеньку крыльца. — Вот собаки — они всех любят, кто не обижает их и хозяев...

— Не разводи мне философию, — буркнул отец. — Что это с Грэм? Чем ты собаку накормил?

— Да это не я, — задумчиво отозвался Мишка. — Это дядя Махмуд пришел с Исмаилкой. Во-о-от такую костичку для Грэя принесли!

Мишка по-рыбацки развел руки в стороны, существенно преувеличив размеры подношения. Но задняя часть пса, которая по-прежнему высовывалась из-под крыльца и блаженно подергивала лапами, оспаривать заявление не стала.

— «Наджаса», «наджаса», — передразнил Ивашов. — Вот и пес, хоть и нечистый, пригодился...

Виталий разогрел ужин, но есть не стал. Смотрел телевизор, выключив звук, листал новости. Онемевший экран импульсивно дергался, меняя изображения, привлекая внимание яркими кадрами. Дикторы с напомаженными головами манерно поджимали губы, корреспонденты, принимающие у дикторов эстафету, старательно пучили глаза и многообещающе махали руками, показывая сразу во все стороны. Ивашов сидел за столом, размякнув над тарелкой, подперев рукой голову, уставшую от бесчисленных дум.

Хлопнула дверь. В кухонном проеме показались сумки, за ними ковыляла вспотевшая Анютка.

— Мишка, закрой калитку, сил моих нет сегодня, — устало крикнула она в сторону входной двери.

Сын привстал было со ступеньки крыльца, но тут же замер, прислушиваясь к разговору родителей в доме.

— Говорят, сейчас сажают жен боевиков-то, — не поднимая головы, словно сам себе, сказал Виталий. — В тюрьму сажают, надолго. Как пособниц терроризма.

Анна плюхнулась на табурет рядом с мужем, взгромоздив на колени пакеты с едой.

— Что ты говоришь-то! — Она вмиг охрипла. — Может, еще не посадят. Может, амнистия какая выйдет. Не одна же наша так попалась. Вон их сколько — террористов этих чертовых, что наших девочек сманивают!

— А может, и не вернется она уже, — продолжал рассуждать Ивашов, по-прежнему глядя исподлобья куда-то сквозь мельтешащий кар-

тинками экран телевизора. — Проведут войска артобстрел какой, и не останется там никого...

Анна швырнула пакеты на пол, схватилась за сердце.

— Что ты душу-то мне терзаешь? — заплакала она. — Меня-то за что мучаешь? Думаешь, я не переживаю?! Вся уже извелась: там Машка останется — женой террориста будет, сюда вернется — преступница, в тюрьму упекут. Все из-за мусульман этих — как переехали они к нам в дом, так и началось... А до этого мы как хорошо жили, по-христиански, в мире, под одной крышей с соседями!

Анна схватила кухонное полотенце и, вытирая глаза, ушла в комнату. Ивашов сидел набывчившись, постукивая кулаком себе по лбу. В тарелке твердели остывшие пельмени, из пакета, раскрывшего пасть на полу посреди кухни, медленно и беззвучно вытекал бело-пупырчатый кефир. Молчание — горькое, как та самая ложка дегтя, — охватило дом целиком, проникая сквозь стены и перекрытия.

— Па-а-ап! Пап! — вдруг заорал Мишка.

Виталий подпрыгнул, чуть не лишившись разума.

— Балбес! Что ты вечно надрываешься? — рявкнул он. — Спокойно говорить совсем не можешь? И так тошно, без тебя!

— Там просто сообщение... — разом сникнув, пробормотал Мишка. — От Маши...

Виталий вскочил, табурет грохнулся на пол.

— Где?! — сипло выдохнул Виталий. — Телефон где?

— Ты его на крыльце оставил. — Мишка протянул отцу старенький «самсунг».

Из комнаты, на ходу запахивая халат, вышла Анна.

— Подожди, сяду, — сказала она мужу и тяжело опустилась на второй табурет.

Виталий дрожащими руками поднял свой, долго поправлял покосившуюся ножку. Жена его не торопила — обоим было страшно узнать, что прислала дочь. Наконец супруги уселись. Мишка встал за спиной отца, чтобы в случае чего не попасть в эпицентр эмоций.

Это оказалось короткое видео, на три с половиной минуты. Виталий дрожащей рукой ткнул в застывший кадр. На экране телефона завертелось колесико загрузки, а у Ивашовых закружились головы и перехватило дыхание.

Маша сидела по-турецки на темно-красном ковре.

— Мама, папа, здравствуйте, — невесело улыбнулась она. — Хотела позвонить нормально, но тут горы, связь почти не тянет, далеко от города очень...

Анна, услышав про горы, охнула, подалась назад. Виталий обнял жену, придвинулся к ней.

— Тут очень хорошо, мне нравится, — Маша говорила гордо, но глаза были виноватыми. — Вы не сердитесь на меня, что я так уехала.

Вы же все равно меня не пустили бы, а я очень хотела поведать дедушку Амира.

Маша посмотрела куда-то за камеру телефона и улыбнулась искренне, радостно.

— На самом деле дедушка он Махмуду, а Амиру вообще прадедушка, — продолжала Маша. — Он старенький очень, дедушка Салимхан, еще в войну воевал. И даже до Берлина дошел. Мы поехали его поздравить, потому что у него день рождения — девяносто четыре года!

Маша помолчала, опустив глаза.

— И еще мы за благословением поехали. — Теперь смотрела в камеру уверенно, жестко. — Я знаю, что вы не разрешили бы мне замуж за Амира идти. А ему родители тоже не разрешили бы на мне жениться.

Анна и Виталий переглянулись, схватили друг друга за руки. Мишка, выглядывая из-за спины отца, вытянул шею и раскрыл рот, внимательно слушая, что говорит такая решительная старшая сестра.

А Маша по-детски подтянула коленки к подбородку, обхватила руками ноги в трубчато-узких джинсах.

— Я сначала думала быстро съездить и вернуться, — задумчиво вздохнула она. — А теперь думаю: не хочу домой. Так надоела эта ваша вечная война: мусульмане, христиане... Вы и людей-то не видите за этими словами. Только крыситесь друг на друга, хотя живем все в одном доме. А тут нам все рады, никто не ссорится. И мне с Амиром хорошо. И с дедушкой Салимханом и его внуками, которые с ним живут. И воздух тут чистый, и такой виноград!

Маша вскинула руки вверх, показывая, какие большие грозди винограда там растут.

Кто-то за камерой окликнул ее. Маша встрепенулась, привстала.

— Мама, папа, я обязательно попозже вам еще видео запишу, — наклонилась она к телефону. — Сейчас виноград соберем и вместе с Амиром вам видео запишем. И с дедушкой Салимханом. А теперь я пошла, ладно?

Машина рука, потянувшись к экрану, резко увеличилась, изображение погасло.

В кухне Ивашовых снова стало тихо. Анна взяла второе кухонное полотенце и рыдала в него. Виталий вздыхал и кхекал. Только Мишка, почесав в затылке, ухмыльнулся восхищенно, пораженный смелостью сестры.

— Надо пойти Махмуду сказать, — собрался с духом Виталий. — Тоже ведь переживают.

Анна кивнула, не отнимая полотенце от лица.

— Р-р-рав! — весело тьякнул во дворе Грэй.

В дверь постучали.

* * *

Ячеи дождя качаются —
Кто-то вяжет эту сеть.
У меня не получается
Даже ниточку поддеть,
Чтобы выплыть,
Чтобы вынырнуть,
Не запутавшись в траве,
К солнцу, к свету,
К небу синему
На минуту иль на две,
Убежать от этой сырости
Хоть в какой-нибудь
Магриб.
Эй, рыбак небесный,
смилуйся,
Отпусти на волю рыб!

...За окном привычно
хлюпает,
И в Магрибе скоро дождь.
Да куда ты, рыбка глупая,
Из России уплывешь?..

* * *

Тянут без всякого волшебства
Родина, поле, клевер...
Словно из Божьего рукава,
Птицы летят на север.
Слышишь, как улица ожила? —
Воздух звенит упругий.
Разве хватило бы им тепла
Там, на счастливом юге,
Светлого мира, где ждут гостей —
Вестников белой ночи,
Края — любить, поднимать детей,
Помнить заветы отчие?

* * *

Пойдем обратно. Холодно и сыро.
Неужто вновь придется зимовать,
Топить жилье, в несовершенстве мира
Свое несовершенство укрывать?..
А может быть, отложим все печали
И в лес нахлынем с самого утра,
Где листья не совсем еще опали
И голос только пробуют ветра.
Хотя видны зловещие приметы,
Мне радостно: пока еще со мной
И яркий куст, и этот полдень светлый,
И муравей на горке травяной.

* * *

За деревнею где-то
Кричат целый день журавли,
Будто небо кричит
И никак докричатся не может.
И страшит по ночам
Ледяное дыханье земли,
И шепчу, просыпаясь:
«Спаси и помилуй нас, Боже...»
Ты, наверное, прав,
И судьбы мы не стоим иной.
У людского жилья
Вечно пахнет войной и разором.
Если б снова заснуть
И проснуться цветущей весной,
Чтоб сирень бушевала
И утро не веяло мором.
Чтобы настезь окошки,
Чтоб с другом сидеть у костра
И глядеть на огонь —
Не на дымные лики пожарищ.
Возвратится ли завтра
Все то, чем мы жили вчера?
Так и тянет сказать
Позабывтое слово «товарищ»...

Аркадий ШУМАРИН

ГЛАЗА ВОЛКА

Р а с с к а з

Ласковое, теплое солнышко заливало лес. Листья на деревьях, начинающие уже желтеть, казались прозрачными. В ярких лучах верхушки пушистых сосен виделись окруженными светящимся, дымчатым ореолом. Земля прогрелась, и от кустов багульника, бурно растущего в низинах, поднимался сладковатый запах. В ветвях, радуясь последним теплым дням лета, на все лады чирикали, свистели, стрекотали птицы.

Андрей шел по заросшей, чуть заметной лесной тропинке в приподнятом настроении. На плече старая одностволка; дедова темно-зеленая фетровая шляпа украшала голову; открытый патронташ на ковбойский манер висел на бедре; на поясе финский нож с гладкой деревянной ручкой из березовой капы.

Вчера Андрей прибыл на поезде на станцию Китала, в свой родной поселок в северной Карелии, где не был уже три года. Здесь он родился и вырос, учился до четвертого класса, потом переехал с родителями в город, но до двенадцати лет каждый год приезжал к деду с бабушкой на летние каникулы. И вот теперь, спустя три года, уже «взрослым» человеком пятнадцати лет, с собственным ружьем, снова приехал на охоту и рыбалку в любимые с детства места. На ружье разрешения, конечно, не было — по малолетству, и он провез его тайком, спрятав в длинный туристический рюкзак.

На перроне Андрею встретился одноклассник, Ваня Бурцев, он приехал на мотоцикле встречать свою тетку. С Ваней Андрей ни в школе, ни позже особо не общался. Тот был тихий, скрытный парень, в классе всегда держался обособленно, сам ни к кому не задибался, и его никто не трогал. Отец его сидел за убийство, а старший брат имел нехороший авторитет в поселке — из-за буйного характера и большой физической силы.

Но сегодня Андрей был рад всему и всем. Он подошел к Ивану и, улыбаясь, протянул руку:

— Здорово!

— Здорово. — Никаких особых эмоций Ваня не выразил.

— Узнаёшь?

— Узнаю.

И все. Иван и его тетка уехали, а Андрей с рюкзаком на плечах потопал пешком.

От станции до дома нужно было пройти по грунтовке километра три. Не одолев и полпути, он увидел Бурцева, с ревом пылящего навстречу на своей «Яве».

— Садись, подвезу!

Когда подъехали к дому, Ваня неожиданно сказал:

— Мы с братом хотим завтра на рыбалку поехать на Ахоярви, с ночевкой в избушке. У твоего деда там лодка, он нам разрешает брать. Поедешь с нами?

— Поехали.

Договорились, что утром Ваня с братом заедут за Андреем.

Когда Андрей сказал деду, что собирается с ребятами на Ахоярви, тот спросил:

— С кем?

— С Бурцевыми.

— Бурцевы — бандиты. Драки у них постоянно. Всю молодежь в поселке запугали. Старший, Сашка, успел жениться, не работает, не учится, на шее у жены сидит. Когда-нибудь посадят, как отца. Не ездил бы ты с ними.

— А зачем ты им ключи от лодки даешь?

— Все равно возьмут — замок сломают или кольцо вырвут. Потом еще лодку бросят где-нибудь или утопят. А так договорились: я им — ключи, они — лодку на место.

— Да я уже согласился...

— Ну ладно, езжай. Только водку не пей.

Андрей сделал круглые глаза:

— Я не пью и не собираюсь!

На следующий день компания из четырех парней приехала на озеро Ахоярви, за двадцать восемь километров от поселка, на двух мотоциклах, один с коляской. В коляске везли мотор для лодки, сети, удочки и съестные припасы. Кроме Андрея, Ивана и его брата Сани, который был старше их на четыре года — взрослый мужик, — с ними поехал еще Санин друг, тоже Саша, его сверстник.

Братья Бурцевы были похожи: оба стройные, с вьющимися, давно не стриженными светло-русскими волосами, серыми с прищуром глазами и широкими скулами. Видные, даже красивые парни. Старший Бурцев — улыбчивый, подвижный, часто шутил по поводу и без. Ваня всегда и во всем слушал брата, не возражал и не спорил.

Второй Саша — очень худой, смуглый, темноволосый и молчаливый. Никогда не понять было, что у него на уме.

Когда Андрей достал из рюкзака ружье, ребята оживились:

— Во, дело! Тут лосей много!

Андрей улыбнулся:

— На лосей охотиться не собираюсь. Да и что бы мы с лосем делали?

Ну, взяли бы двадцать килограммов... А остальные триста — выбросили? Машину надо, чтобы вывезти.

— А на кого собираешься?

— На птицу. Хочу сейчас по берегу пойти, выводки рябчиков и тетеревов поискать, а вы меня потом на лодке подберете. Ладно?

— А как мы тебя найдем? Где тебя забрать? — спросил Саня.

— Знаете, где все сети сушат? Там из жердей сушилки раньше стояли.

— Знаем.

— Давайте часам к пяти.

— Ладно. Мяса настреляй. Если что, лося вывезем в два захода.

Андрей, конечно, сознавал, с кем разговаривает, поэтому не сказал пацанам, что ему просто жалко убивать такое большое, красивое животное. Он всегда охоту воспринимал как спорт и не видел ничего спортивного в охоте на лося. Надо очень постараться, чтобы промазать по такой мишени. Позже, уже в зрелом возрасте, Андрей все же участвовал в облавной охоте и даже застрелил крупного самца, но удовольствия ему это не доставило, и больше он подобным промыслом не занимался.

Ребята выгрузили вещи, отвели мотоциклы подальше от дороги и спрятали, замаскировав ветками. Затем спустились к озеру, погрузили сети и провиант в лодку, поставили мотор. Трое местных парней пошли с ветерком по озеру напрямки, а Андрей — налегке по бережку, промышлять боровую дичь.

Озеро Ахоярви довольно большое, около пятнадцати километров в длину, со множеством островов. Береговая линия испещрена глубокими заливами. Северный берег более высокий, скалистый, с соснами и мелкими корявыми березками. В одном месте сосна в два обхвата, накренившись, нависает со скалы над озером: кажется, держаться ей не за что и она вот-вот рухнет. Заливы там похожи на длинные шхеры, зажатые между крутыми каменными берегами и переходящие в узкие болота.

С юга берег более пологий, местами топкий. Растительности на южном берегу больше. Много лиственных деревьев: ольха, осина или ива собираются в рожицы с густым подлеском, часто непроходимым. Здесь и водятся выводки рябчиков и тетеревов. Здесь есть где спрятаться и чем кормиться птицам и зверям.

Этим берегом Андрей и пошел. Тропинка вскоре совсем исчезла, и пришлось ориентироваться по солнцу, стараясь не отдаляться далеко от озера. То переходя болотца, заросшие багульником, то поднимаясь через

черничник на более открытые, сухие места, где яркими красными гроздьями дозревала брусника, он не спеша шел, разминая ноги после долгой тряски на заднем сидении мотоцикла.

Действительно, повсюду попадались следы лося и его аккуратный, кругляшками, помет. В одном месте, в низинке, Андрей наткнулся на медвежью лепеху и свежий глубокий отпечаток лапы. Невольно завертел с опаской головой по сторонам. Конечно, вряд ли медведь в конце лета будет нападать на человека, но кто его знает: говорят, больной или раненный — может. Поэтому в патронташе у Андрея всегда имелся один патрон с пулей, как научил отец, — на всякий случай. Но всегда была надежда, что такой случай не представится, потому что шансов одолеть зверя было бы немного.

Судя по следам, зверья в этих местах водилось предостаточно.

Первый выводок рябчиков вспорхнул в густом ивняке. Андрей от неожиданности выстрелил заполошно — и, конечно, промахнулся. Следующий выводок поднялся на более открытом месте. В этот раз Андрей сразу стрелять не стал, остановился, посмотрел, в какую сторону перелетели птички, и осторожно пошел в том направлении, постепенно замедляя шаг, внимательно вглядываясь в сплетения ветвей.

Разглядеть рябчика на дереве — дело не простое. Эта пестрая, серо-коричневая птица, мастер маскировки, в случае опасности сидит неподвижно и практически сливается с окружающим фоном, можно смотреть в упор и не видеть. Но молодой острый глаз не подвел: Андрей увидел птицу раньше, чем выводок успел взлететь опять. Спокойно прицелился, выстрелил, подобрал и положил рябка в карман стрейпированной куртки.

По дороге к стоянке удалось подстрелить еще одного рябчика и несколько раз промазать. С брусничника поднял глухаря, но в стволе была мелкая дробь, и Андрей только посмотрел, как эта огромная птица не спеша улетела, размеренно взмахивая крыльями.

Довольный, усталый и голодный, он подошел к месту встречи чуть раньше назначенного времени. Ребят еще не было. Пожевав немного брусники, Андрей снял сапоги и растянулся на ягеле, глядя в голубое безоблачное небо и прислушиваясь, не раздастся ли звук мотора. Думал о том, что в рюкзаке лежит домашнее сало с толстой прослойкой мяса.

«Сейчас бы с хлебушком — и чаем с сахарком запить!»

Поел еще брусники. Другой ягоды в лесу уже не было, вся отошла.

Может, парни, поставив сети, наловили рыбы на удочки, сварили уху...

Прождав около часа, он совсем загрустил, да и прохладно становилось к вечеру. Пожалел, что спички остались в теплой куртке, в лодке, со всеми вещами. На нем была только тонкая стрейпировка. Костер бы не помешал.

Чтобы чем-то заняться, принялся разделять рябчиков. Снял шкурку вместе с перьями, выпотрошил и промыл тушки в озере.

Кислая брусника только набила оскомину и разожгла аппетит. Кто-то подсаживал здесь рыбу и оставил под сосной соль в картонной пачке. Картон размыло дождем, соль мокрой горкой лежала на остатках упаковки и на земле. Закидывая горсть брусники в рот, присыпал сверху солью, казалось не так кисло. Повесив шляпу и куртку на сучок, на самом видном с озера месте, чтобы было понятно, что он здесь, Андрей отошел от берега в лес, нашел несколько сыроежек. Вернулся, почистил грибы и съел, также посыпав солью.

По-прежнему никого. Но вот вроде слышен шум мотора! Андрей оживился, обрадовался, вскочил с ягеля, вглядываясь в плес... Но нет, тишина. Прошло уже больше трех часов, как товарищи должны были забрать его. Дойти до избушки пешком не было никакой возможности: она находилась далеко, на другом берегу длинного озера. Оставалось только ждать.

Подстелив немного еловых веток, чтобы не тянуло холодом от земли — он уже начал здорово подмерзать, — Андрей сидел, сжавшись, обхватив колени руками, и смотрел на озеро. Напротив, метрах в трехстах, располагался заросший сосняком остров с песчаной косой. Глядя на песочек, Андрей подумал, что неплохо было бы оказаться сейчас на юге, на пляже у теплого моря...

Прохладный ветерок дул со стороны озера. Мелкие волны тихо плескались о прибрежные камни. Громко урчал живот с брусникой, сырыми грибами и озерной водой. Вдоль самой кромки берега, опустив голову, старательно все обнюхивая, бежала норка. Ветер дул в сторону Андрея, норка, ничего не почувствовав, подбежала прямо под ноги. Он не двигался. Но живот забурчал, и испуганный зверек шархнул в воду, нырнул и пропал.

Чем ниже опускалось солнце, тем становилось холоднее. Потеряв терпение, Андрей выстрелил в воздух два раза, с небольшим перерывом. Подождал минут десять и сделал еще два выстрела. Потом, чтобы согреться, стал бегать вдоль берега и отжиматься, но быстро устал, и есть захотелось еще больше. Освежеванные рябчики, даже сырые, выглядели довольно аппетитно, но пахли невкусно — кровью и еще чем-то едким, как и любая дичь. Андрей все же отрезал с грудки несколько тонких кусков и съел, обильно макая в соль и почти не разжевывая. Вскоре стало подташнивать и началась изжога. Из-за большого количества съеденной соли все время хотелось пить. Приходилось заходить в воду, насколько позволяли сапоги, чтобы зачерпнуть ладонями, где почище.

Подступали сумерки. Похоже, случилось что-то совсем неладное. Не пришлось бы ночевать здесь... Как он мог забыть переложить спички! Всегда, везде носил с собой — но только не в этот раз, когда они так нужны.

Солнце покраснело. Оно нависло над тайгой, собираясь спрятаться и унести с собой последнюю для Андрея надежду на кров и тепло

этой ночью. Лес, погружаясь в темноту, становился чужим, враждебным. Сердце тревожно дрогнуло, стало не по себе. Было от чего беспокоиться: он никогда раньше не ночевал один в тайге. Развел бы костер, еще полбеды, а без огня совсем плохо. Он уже замерз, что же будет ночью?

К душевному беспокойству прибавилось телесное недомогание — заболел живот, и тошнило уже не на шутку.

«Нельзя поддаваться унынию! Нужно наломать побольше лапника, пока совсем не стемнело».

Андрей ломал еловые ветки и таскал к берегу. Стрелял в воздух каждые десять-пятнадцать минут — была еще надежда, что его заберут, — пока не остался один патрон, с пулей. За работой согрелся, и боль в животе поутихла. Натаскав целую кучу веток, поставил их комлями кверху, упирая друг в друга: в основании самые большие, сверху поменьше; оставил лаз со стороны озера. Получилось укрытие. Он сел спиной к шалашу.

Догорал закат. Красные блики на темной воде тускнели, чуть теплился еще багрянцем лес в том месте, куда провалилось солнце. Показалась луна, сначала бледная, но вот последний красный отблеск потух, и она стала полноправной хозяйкой в небе, налилась желтым цветом, открыла глаза, растянула рот в улыбке и пустила по озеру дорожку, приглашая в гости. Небесные северные звезды редкой, тусклой россыпью украсили небесный свод. Лунный свет, отражаясь от воды, немного освещал край берега, были видны смутные очертания предметов. А за спиной Андрея черной стеной стоял лес. Зловеще молчаливый, он таил невидимую, непонятную угрозу, вызывая первобытный, животный страх.

Андрей поднял воротник, натянул шляпу на уши, испортив ее форму, и, держа в руке заряженное ружье, залез под лапник. Голова лежала слишком низко, ветки неудобно упирались в бок, испачканные в еловой смоле руки неприятно слипались и прилипали к цевью ружья, от открытого лаза, со стороны ног, поддувало. Поджав колени, парень тут же заснул.

Проснулся оттого, что его трясло от холода, зубы стучали. Во сне он вытянулся, голова, продавив ветки, теперь торчала наружу с одной стороны укрытия, ноги в сапогах — с другой. Вокруг полная темнота.

Андрей пошевелился, пытаясь размяться, — и замер. Зубы разом перестали стучать.

— Пошел вон! Брысь!

То ли от холода, то ли от страха горло сдавил спазм, голос прозвучал слабо.

Два желтых суженных глаза только чуть сдвинулись в сторону. Даже сквозь забитый, окоченевший нос Андрей почувствовал запах зверя, совсем близко. Первая мысль была: «Собака!» Сжал руку — ружья в руке не было. Стал шарить по еловой подстилке...

«Вот оно! Слава богу!»

Уже громче, смелее:

— Брысь отсюда!

Глаза не шевельнулись, только еще сузились.

«Что делать?» Взвел курок: щелк!

Глаза исчезли.

Андрей вскочил на ноги, разбросав лапник: «Да откуда тут собака? Волк!»

Прилив адреналина моментально прогнал холод из окоченевшего тела. Только до ног кровь еще не успела добежать, онемевшие ступни почти не чувствовались. Андрей попятился к озеру, с ружьем наизготовку. У самой воды остановился, глядя в лес. Тьма хоть глаз выколи. Набежавшие облака закрыли луну, поверхность озера не отсвечивала и практически сливалась с берегом. Ступни стало неприятно покалывать. Он переступил с ноги на ногу.

Ушел зверь? Или еще здесь где-то? Следит? Нужно напугать, прогнать. Выстрелить бы пару раз в воздух, но патрон всего один...

— Пошел, пошел! Брысь! Вон, вон! — закричал Андрей и затопал ногами по камню.

Собственный голос в крошечной тьме пугал. Хотелось притаиться, спрятаться и не шевелиться, а в случае движения в лесу — сигануть в озеро, как норка.

Но лес молчал. Андрей понимал, что не услышит волка. В такой темноте зверь подойдет бесшумно и прыгнет. Стреляя быстро, в упор, легко промазать, ранить. А может, волк не один — стая? Только глаза могли выдать хищника, тогда надо стрелять чуть ниже — в грудь.

Луна вышла из-за облаков и слегка осветила местность, стало повеселее — что-то видно. Приземистая тень скользнула вглубь черной дыры леса, убегая от света.

Андрей вскинул ружье. Так и подмывало пальнуть в ту сторону. Но — никого нет.

Он немного успокоился. Постарался разглядеть время на наручных часах: вроде около часа ночи. Часа через два уже начнет светать. Хорошо, что ночи на севере в это время года еще короткие!

Неожиданно подкатила тошнота, и Андрея вырвало кислотой. Сразу навалилась слабость. Он подошел к куче веток на месте бывшего шалаша и, опустившись на колени, сел на пятки, не выпуская из рук ружья. Было жутко холодно, знобило, мутило.

«Если волки не зарежут, сам подохну», — подумал Андрей.

Но подыхать не хотелось. Его еще несколько раз выворачивало, пустой живот сводили судороги. Поджатые ноги немели. Сесть удобнее значило потерять выгодную позицию. Так устойчивее, обзор лучше, сподручней стрелять и в случае чего можно быстро встать на ноги и принять бой — оставался еще нож.

До рассвета он не ложился, чтобы не казаться совсем беззащитным.

«Может, они только этого и ждут. Волки всегда нападают в первую очередь на слабых и больных».

Луну то затягивало тучами, и тогда мир погружался во мрак, то открывало. Как ночной тусклый светильник в детской — все же не так страшно. Наконец забрезжил рассвет. Озеро запарило туманом. Жидкая молочная пленка, расстилаясь по воде, набегала на пологий берег, разрывалась на клочья и рассеивалась.

Светало быстро. Чернила ночи растворялись в сером сумраке раннего утра. Вот уже видно лес. Что там между деревьями? Ничего. Ушел волк, давно. Не стал связываться с человеком. Не сильно голодный был.

«Вроде пронесло».

Андрей встал, на дрожащих от слабости ногах подошел к озеру, попил. Когда вернулся, увидел, что один рябчик пропал. Он положил их вчера на мох рядом с шалашом и прикрыл еловой веткой. Теперь ветка была отброшена, а из двух рябчиков остался только один — с обрезанной грудкой. Кто угодно мог стащить ночью: лиса, куница... Если бы не волчьих следы на мху.

«Сам же подманил хищников свежим мясом! — Андрей лег на живот, на лапник. — Сказали бы сразу, сам бы отдал второго». — И провалился в сон, как в обморок.

Проснулся от пинка по сапогу. Повернулся на спину и открыл глаза. Над ним склонилось улыбающееся лицо Сани Бурцева.

— Живой? Думали — помер. Лежишь, как труп.

Андрей сел. Солнце уже припекало. Рубашка на груди была влажной, на шее выступила испарина. Мир изменился, приобрел краски и очертания, стал светлым, видимым, не опасным. Пронизанный светом лес спокойно шелестел хвоей, не излучая никакой угрозы. Радостно поблескивала гладь озера.

Андрей встал. Тут же накатила дурнота, и он опять опустился на лапник.

— Ты чего падаешь? — спросил Саня.

— Отравился.

— Чем?

— Грибы. Может, рябчик. Вы где были?

В голосе мелькнули жалобные нотки. Андрею самому это не понравилось. Не хватало еще скулить при пацанах.

— Тебе надо водки выпить. У Сашка есть с собой.

— Я водку не буду. Вы где были-то? Чего не забрали меня?! — это прозвучало увереннее, резче, с напором.

— Мотор сломался. Сашок, водку дай!

Двое парней оставались в лодке, не желая лишний раз сходить на берег. Думали, заберут быстренько Андрея и уйдут.

Саня огляделся и, не увидев свежего кострища, спросил:

— Костер чего не развел?

— Спички забыл. А на веслах не дойти было?!

— Какой же ты охотник, без спичек в лес идешь?.. Вчера далеко уперлись, в самый конец. Мотор полетел. До избушки ночью уже догребли. Все равно сюда только к утру дошли бы.

Саня продолжал улыбаться, но взгляд стал жестким. Видимо, он очень не любил давать объяснения, тем более оправдываться.

— Не зима. У костра ночевать нормально. А ты спички забыл... Эх ты, шляпа!

Он подобрал помятую шляпу с еловых веток, надел Андрею на голову и засмеялся.

Андрей снял изуродованный убор.

Ваня, взяв у Сашка водку, вылез из лодки и подошел с початой бутылкой в руке. Сашок продолжал сидеть на корме с отсутствующим видом. Похоже, уже залил прилично.

Андрей возразил:

— На веслах — час от силы. Меня чуть волки не сожрали, одного рябчика стащили. — Он кивнул в сторону оставшегося рябчика.

Саня поднял тушку птицы, усмехнулся:

— Это волки обгрызли?

— Я!

— Зимой тут мужики с Волозера двух волков убили, — вставил Иван.

Андрей показал на землю:

— Вон следы!

Но мох уже поднялся, и отпечатки лап стали нечеткими. Ребята скептически разглядывали ягель.

— Я сам видел! Одного точно! — сказал Андрей.

— У тебя же ружье. — Ваня взял лежавшее рядом оружие, испачкал руку в смоле и стал вытирать о штаны.

— Один патрон остался.

— Эх ты, охотник! Спичек нет, патронов нет... На, водки выпей! —

Саня протянул бутылку Андрею.

Насчет спичек возразить было нечего.

— Не хочу! — бросил Андрей со злостью.

— Пей! Чтоб не загнуться.

Это был приказ. Глаза у Сани опять застыли, холодно блеснули сталью.

«Как у волка», — подумал Андрей и хлебнул водки, первый раз в жизни.

— Выпей еще.

Сделав еще большой глоток, Андрей конвульсивно дернулся.

— Держи-держи! — Саня снова улыбался. — Давай ползи в лодку, пойдем сети снимать.

Действительно, пора было наконец расстаться с кучей лапника. Достаточно насиделся и належался здесь. В смоле была выпачкана и

одежда, и руки, и даже лицо. Водка ударила в голову, но тошнота отпустила. Андрей встал, постоял согнувшись, уперев руки в колени.

— Может, тебя отнести? Давай, хватайся, — Саня подставил плечо.

— Не, я сам.

Андрей забрал у Ивана ружье, разрядил, положил патрон в карман и побрел к лодке. Положив ружье в лодку, сполоснул лицо, попил из ладоней и, перевалившись через борт, сел на настил на дне деревянного судна. За ним забрался Саня. Иван, оттолкнув лодку, запрыгнул последним, взялся за весла и стал отгребать. Сашок, на корме, опустил мотор.

— Починили? — спросил Андрей.

— Ага. Сашок все утро чинил, пока мы спали. Всю водку вычистил, — весело ответил Саня.

— Ну, не всю... — первый раз подал голос Сашок.

— Ты давай рули нормально. На камень не налети!

Мотор взревел с первого рывка. Лодка выровнялась по курсу и, разгоняя волну, оставляя после себя впадину, окаймленную белыми бурунами, рванула к плесу мимо острова с песчаной косой.

Ребята высадили Андрея у избушки, оставив отлеживаться и отъедаться, а сами пошли снимать сети.

Удивительно, но он чувствовал себя вполне сносно. Два глотка водки действительно помогли. В избушке поел печенья, запил сладким чаем. Потом парни привезли рыбу, сварили уху.

Отпустило.

К вечеру вся компания была уже в поселке. Сашка привезли в коляске, в обнимку с мотором, как неспособного «держаться в седле». Нос коляски был загружен рыбой, ноги у выпивохи не влезли и торчали наружу в разные стороны, постукивая резиновыми каблуками сапог о железные борта.

На развилке перед школой притормозили.

— Эйно Петровичу привет! — махнул рукой Саня и повез сдавать приятеля родственникам с рук на руки.

Ваня с Андреем подъехали к калитке. Во дворе было уже пусто, все хозяйственные дела закончены. В большом доме свет горел только в дедовой спальне. Пятерых детей вырастили в этом доме. Выросли все, разъехались. Никто, кроме старшей дочери, матери Андрея, не спешил обзаводиться семьей. До сих пор он был единственным внуком.

— Давай, — попрощался Андрей, слезая с сиденья мотоцикла, и направил рюкзак за плечами.

— Давай, — кивнул Иван.

Эйно Петрович смотрел телевизор, сидя в своем любимом кресле-качалке. Бабушка шила что-то в другом конце комнаты.

— Tuliko kalaa?¹ — спросил дед.

— On tullut, saimme vähän². В погреб положил, — добавил Андрей по-русски.

— Minkäläisiä?³

— Suurin osa, ahvenia⁴.

— На печке картошка теплая, — сказала бабушка.

— Да я не очень хочу, рыбы наелся. Чаю попью.

Андрей ничего не сказал деду ни про ночевку в лесу, ни про волка. Не хотел волновать. Потом, в городе, рассказал отцу. От отца у него было мало секретов.

Тот выслушал, помолчал и сказал:

— Они должны были тебя забрать, даже если бы пришлось грести всю ночь.

— Да. Должны были.

* * *

Через несколько лет, уже после развала страны, братья Бурцевы собрали банду и терроризировали целый большой лесной район северной Карелии, который включал райцентр и несколько поселков. Все новоявленные предприниматели вынуждены были платить рэкетирам под страхом избиения и пыток. Для совсем несогласных — пуля в голову. Тайга большая — концов не найдешь. Милиция объезжала поселок Китала стороной, не желая соваться в логово волков в человеческом обличье, и братья единовластно управляли районом. По своему усмотрению казнили и миловали.

В это же время лосей на Ахоярви выбили подчистую. Приезжали на грузовиках и загружали кузов лосятиной до отказа...

Когда государство немного оправилось от потрясения и принялось наводить порядок на своих, все еще необъятных, просторах, оба брата получили срок. Статей было несколько, но основная — «убийство».

У Андрея судьба сложилась совсем по-другому. Человек, который любит природу, чувствует ее всей душой, восхищается красотой жизни в самых незначительных ее проявлениях, не способен стать расчетливым, хладнокровным убийцей. Это человек другой, не волчьей, породы.

¹ Шла ли рыба? (Здесь и далее — карело-фин.)

² Немного поймали.

³ Какая?

⁴ В основном окунь.

ПУСТЫННЫЙ ПОКОЙ

Сергей КАЛАШНИКОВ

Москва

Южная, 8

Этот снег, как пушинки и крошки,
я подхватывал бережным ртом,
подставляя под небо ладошки
и болея ангиной потом.

Там стояла еще у подъезда
деревянная, в общем, скамья.
Я ложился — и с этого места —
на нее — начинался не я,

если в небо смотреть до отказа,
до упора в ночное смотреть
в оба два прослезившихся глаза —
это было похоже на смерть

и на вечную было похоже
жизнь. Казалось: бери — и живи!
Но всегда одного и того же
не хватало: печали, любви,

одинокости, горечи, счастья,
утешенья, вины и чудес —
человеческой и настоящей,
чтобы с болью была, а не без.

Алексей КОВАЛЕВСКИЙ

Харьков

* * *

Как мы с мамой косили траву, —
Я сбивал, а роса помогала,
Я сгребал, а звезда, как волхву,
Путеводные выси казала.

Чьи корни внизу, чья коса
Отбрали и маму, и травы?

Но все чаще гляжу в небеса,
Торжествующей полные славы.

Прошлогодний знак

Срок пришел караванам
Из-за дальних морей.
И над тракторным станом
Высь теплей батарей.

Ходит гоголем фермер,
Смотрит в землю батрак.
Сохлый, мертвый, как вера,
Согревается знак.

Станислав ФЕДОТОВ

Ревтов

* * *

Озер золотые овалы...
Зеленый пустынный покой...
Ан-2.
Мы на нем газовали
четыре часа
над тайгой.

Казалось:
 незримой тропой,
 тягучей и в меру кривой,
 бредем по бескрайнему полю,
 поросшему сорной травой.

И те золотые озера
 (их сотни охватывал взгляд),
 как будто пшеничные зерна,
 не давшие всходов,
 лежат.

И пахарь
 в душе моей
 болью
 ворочался:
 дай же ответ —
 неужто бесплодное поле?!
 Неужто хозяина нет?!

И стало насколько бы легче,
 когда б я увидел дымок —
 на будущий стан
 человеческий
 прозрачный и тонкий намек.

Григорий КНЯЗЕВ

Великий Новгород

* * *

Эх, вокзальная эта романтика,
 Непутевое это тепло!
 То на Мгу, то на Будогощь... Гляньте-ка,
 Появился ли наш на табло?

Сколько можно сидеть на вокзале-то?
 Дух ведет — и в дороге везет.
 Электрическим светом все залито,
 Запах детства — мазут-креозот...

В Тосно — тесно и любят в Любани ли,
 Как считали мы раньше? — Бог весть.

Все скамейки бездомные заняли —
Ничего, лишь бы в поезд свой сесть!

Не успеешь моргнуть — вот и Чудово,
Где, должно быть, живут чудачки.
Люди рядом со мною, откуда вы?
Может статься, что мы земляки...

Так трясет, так трясет, точно в танце я!
Ехать вместе мы обречены,
И, как прежде — почтовая станция,
Поезд свел все сословья-чины.

.....

Под колесные скрипы и скрежеты,
Вечный пленник долгот и широт,
Если ты не в скитаньях, то где же ты,
Мой живой, кочевой мой народ?

Вера КАЛМЫКОВА

Москва

* * *

Куда мне спешить? Все случится само.
Господь посылает меня как письмо,
безвольно спешу к адресату,
но помню — конверт запечатан.

Не знаю, какая для каждого весть,
ведь я же себя не умею прочесть —
себя изнутри не читаю
и вот содержания не знаю.

Не раз и не два в изумленье приду:
ужели вот это имелось в виду?
Ну что ж, допускает посланье
двойное истолкованье.

Порой адресаты читать не хотят,
меня понуждают вернуться назад,
тогда, сомневаясь ничтоже,
молю: отзови меня, Боже.

Станислав СОКОЛОВ

«ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО»

Р а с с к а з

Миша легонько потрогал бабочку под своим подбородком. На ощупь она напоминала хворост, который пекла бабушка, но пахла маминым кремом для рук.

— Готов? — спросила мама. — Дай я на тебя посмотрю.

Она поправила Мише волосы, покрутила бабочку и, чмокнув его в лоб, шепнула:

— В туалет не хочешь?

Миша замотал головой.

— Ну пойдём, сейчас будет третий звонок.

В Новосибирском театре оперы и балета Миша был впервые. Пространство фойе показалось ему бездонным, люди — чересчур суетливыми и шумными. Мама, державшая его за руку, то и дело останавливалась, пропуская перед собой галдящих взрослых. Их постоянно кто-то обгонял, натёкался на них. К такому скоплению людей Миша не привык, он вцепился в мамину кисть, прижался к ее бедру и, чуть подволакивая правую ногу, тихо шел навстречу неведомому миру живой музыки.

Наконец они оказались внутри зала. Люди, снующие вокруг, все так же продолжали шуметь, но звук их голосов и смеха теперь улетал куда-то вверх, к самому потолку.

Дали третий звонок. Миша вздрогнул. Окружающие вдруг засуетились, начав спешно рассаживаться. Добрались до своих мест и Миша с мамой. Им достался самый центр второго ряда, чем мама была невероятно довольна. Билеты на балет «Лебединое озеро» им подарили.

О чем говорили окружающие его люди, Миша понять не мог, все слова сливались в единый гул со сбивчивым ритмом. Его монотонность пронизывали лишь нестройные звуки инструментов, вылетающие из оркестровой ямы. Мише это показалось забавным. Будто кто-то баловался, схватив скрипку, трубу или флейту. Вдруг откуда-то сверху на весь зал свалился строгий мужской голос, мягко, но уверенно попросивший всех

зрителей отключить мобильные телефоны и пожелавший всем приятного просмотра. Мама, тут же спохватившись, полезла в сумочку и, кое-как найдя там сотовый, отключила в нем звук.

Затянувшаяся настройка оркестра вскоре Мише наскучила. От пиканья зазвенело в ушах, и он начал крутить головой и болтать ногами.

— Сынок! — шепотом одернула его мама. — Прекрати.

Миша остановился и опустил голову.

Вдруг зал, словно по команде, утих. Через мгновение замолчали и противные скрипки. Гигантским комом ваты над Мишей повисла тишина. От неожиданности он даже задрал голову вверх и приоткрыл рот. Но вот кто-то кашлянул, далеко, но отчетливо. А в партере заскрипели креслом. Кому-то весело и звонко прилетело сообщение, которое тут же стыдливо заглушили. Этот огромный, вездесущий зритель еще с полминуты крихтел, шуршал, шмыгал носом, ерзал, пока окончательно не уселся. Но, успокоившись, вдруг взорвался аплодисментами.

Мама тоже захлопала.

— Это дирижер вышел, — шепнула она Мише. — Он управляет оркестром...

Хлопать перестали. Из оркестровой ямы полилась стройная, красивая мелодия. Вначале плавно запели духовые, затем тревожно вступили скрипки, которые уже не казались противными. Все звуки, минуту назад бывшие бессмысленными, как по мановению волшебной палочки, сливались теперь в один прекрасный стремительный поток. Он все нарастал и нарастал, пока неожиданно не грянул гром, не взвизгнули тарелки и не загремели барабаны. Музыка стала страшной, грозной, угрожающей. Она словно наступала на Мишу, бежала на него. Он схватил маму за руку, а потом и вовсе переполз к ней на колени и прижался к ее груди. Но вскоре ужасающий грохот был повержен пронзительным голосом одинокой трубы. Печальная, грустная мелодия начала оседать, как вода в фонтане, она будто теряла силы, иссякала. Но тут же снова оживала и, набирая скорость, летела ввысь. Жужжащими насекомыми закружились скрипки, плавно превратив все в подобие торжественного марша.

С топотом на сцену высыпали артисты. Зал ответил на это короткими аплодисментами. Постепенно музыка стала умиротворенной и даже скучной. И Миша незаметно для себя и для мамы уснул.

Ему приснилась Катунь, мягкая, пахнущая глиной и почему-то теплая. Миша плавно опускает руку в воду, а она ласково щекочет ему пальцы и уносит за собой его ладонь. Потом рядом оказывается мамин брат дядя Вова, добрый и с колючей щетиной. Он вручает Мише спиннинг, и они начинают рыбачить. Солнце очень печет, Мише становится жарко, но временами его лицо обдувает легкий теплый ветерок, похожий на мамино дыхание. Дядя Вова смеется и что-то кричит ему. И вот Миша уже держит в руках только что пойманного хариуса, холодного, скользкого. Рыба беспомощно трепыхается, жабры ее подергиваются.

— Кидай в ведро! — смеется дядя Вова.

А вдруг у рыбы в реке остался ребенок, думает Миша, как же он будет жить без мамы?..

— Сынок, — нежно шепчет ему мама, — ты что тут у меня, уснул?

Миша открыл глаза и почувствовал, что держит в своих руках мамину руку. Вокруг опять все захлопали.

— Вспотел весь, — сказала мама и вытерла ладонью пот с Мишиного лба. — Не скучно тебе?

— Нет, — буркнул Миша.

— В туалет не захотел? Сейчас начинается антракт, это перерыв, можно отсюда выйти.

Миша замотал головой.

— Точно?

— Да.

Люди вокруг загалдели, засмеялись, начали вставать и шумно продвигаться к выходам.

— Пить будешь? — опять спросила мама.

— Да.

Мама достала из сумочки бутылку с минеральной водой и сунула ее Мише в руки.

— Садись на свое место, я пока бабушке позвоню.

Миша пересел в свое кресло и открыл крышку на бутылке.

— Много не пей, — посоветовала мама.

Миша сделал пару глотков и отдал воду обратно.

Шея, стянутая шнурком от бабочки, ужасно чесалась. Миша засунул под воротник указательный палец и начал им водить туда-сюда, пытаясь запустить под влажную сорочку немного воздуха. Через пару минут бабочка переползла под его левую щеку.

— Нет, мам, постановка очень хорошая, — щебетала мама. — Артисты прям молодцы! Очень все красиво, я прям довольна. Мишка уснул... Да, да. На руки ко мне заполз, представляешь, и вырубился!

Второе отделение открыла волшебная мелодия, грустная и тревожная, словно от чего-то предостерегающая, которая в конце концов опять переросла в нечто страшное и гнетущее. И Миша снова поразился тому, насколько плавно музыка меняла свое настроение. Только что она жалобно пела, а спустя секунду уже пыхтит, злится. Его детский ум не позволял ему представить, как живые музыканты, сидящие чуть поодаль от него, могли создавать этот многоголосый извивающийся поток, то сужающийся, то раздувающийся, то падающий, то вновь вздымающийся.

Так же тихо и спокойно начиналась гроза на Чемале.

Шелестит листва на груше, еле слышно гудят провода, поскрипывает шершавая калитка. Воздух становится сыроватым и свежим, начинает пахнуть травой и цветами. Все вокруг спокойно, неспешно, но при этом тревожно. Все чего-то ждут. Сидят на веранде. Дядя Вова молча

курит, его жена, тетя Ира, убирает посуду со стола, мама что-то читает, Мишины двоюродные сестры Маруся и Настена, еще совсем маленькие, по-мальшовски гукают на дощатом полу. И вот первый раскат грома. Где-то очень далеко. Высоко в горах. Вначале нарастающий грохот, а потом щелчок и настоящий взрыв, как в телевизоре.

— Ого! — кричат все вокруг. — Сейчас даст!

И начинается дождь. Вначале он стучит, потом шуршит, затем звенит. Взрослые никого с веранды не выпускают. А Мише так хочется под ним пробежаться, так хочется рвануть прямо под ливень, широко расставив руки, и бежать, бежать, бежать! Без остановки, куда глаза глядят, как иногда говорят взрослые.

Мелодия, сопровождающая танец маленьких лебедей, Мишу немного развеселила. Неуклюжая, кряхтящая, смешная. Скачущий ритм напомнил ему прогулку на лошади все в том же Горном Алтае. Дядя Вова посадил его тогда, подтянул стремяна по ногам, велел держаться за седло. Лошадь очень плохо пахла, и поролон под седлом оказался влажным от дождя, отчего у Миши намокли штаны. Дядя Вова сказал потом, что «ребята эти совсем за конями своими не следят, а с животными так обращаться нельзя». Но сама поездка Мише очень понравилась. Лошадь была гладкой и горячеей, смешно фыркала и иногда била его хвостом по ногам.

Во второй антракт мама все-таки сводила Мишу в туалет.

Начались танцы. Под заводной танец шута Миша даже стал подпрыгивать ногами, а когда зазвучал вальсовый мотив, не удержалась и мама. Она тихонько закачала плечами из стороны в сторону, будто пытаешься убаюкать своего сына. Уснуть ему не дал звон тарелок. И снова набежала эта волна из страшной, будто выбирающейся из ямы, мелодии. Но ее быстро сменил следующий танец, и на сцене защелкали кастаньеты и зашелестели бубенцы.

А после тихая труба стала напевать незатейливую детскую песенку, и Миша опять невольно стал болтать ногами в такт этой чудесной мелодии.

Далее музыка стала немного скучной и какой-то вялой, но к концу темп ускорился, и даже слышно было, как актеры стучат ступнями о пол сцены.

Танцы завершились приятной и спокойной музыкой. Оркестр затихал, давая скрипке выплакаться, но потом опять еле заметно вступал, словно утешая ее.

Мише стало грустно. Он вспомнил их последний день на Чемале, самое время отъезда, момент, которого он так боялся и который так быстро наступил. С первого дня их пребывания там он считал, сколько остается до конца их недельного отпуска с мамой. Дни казались бесконечными, наполненными всякими разностями: интересными впечатлениями и необыкновенными ощущениями. Как хорошо, что дядя Вова взял их с собой, и как плохо, что всего на семь дней. Уезжать

не хотелось. Миша даже расплакался у ворот, но не капризно, а молча, по-мальчишески, и небрежно смахнул слезы рукавом ветровки. Хозяин усадьбы, Дмитрий Иванович, подарил ему тогда глиняную свистульку в виде рыбы. Миша громко свистнул напоследок и засмеялся сквозь слезы беззубым ртом...

В середине четвертого отделения завывала буря, загредел гром, засвистел сильный шквалистый ветер. И Миша, мышонком свернувшийся у мамы на коленях, снова удивился этой волшебной способности музыки так натурально передавать звуки природы, ее силу и мощь, ее необъятность.

Жуткая, страшная мелодия пробиралась внутрь сквозь кожу, поднимая на ней каждый волосок. Она беспощадно обрушивалась, преследовала, набрасывалась, заставляя Мишу сжиматься калачиком. Но, в конце концов, обессилив, она умолкла, рассыпалась, уступив место нежной мелодии.

Люди, сидевшие в зале, стали выкрикивать «браво!», начали аплодировать и вставать с кресел. Мама тоже захлопала. Ей, правда, было не совсем удобно, но Мишу она пересаживать не стала. Кричали и хлопали очень долго.

— Пойдем быстренько одеваться, — шепнула мама, — а то сейчас народ набежит и будет очередь.

Фойе встретило их тишиной и прохладой. Мама звонко цокала каблуками.

— Ну, что скажешь? Понравилось тебе?

— Да, — улыбнулся Миша, — но немножко страшно было.

— Мне тоже, — засмеялась мама. — Здравствуйте.

И брякнула номерком о деревянную стойку гардероба.

— Добрый вечер, — приятным голосом ответила пожилая женщина. — Понравился вам балет, молодой человек? — вдруг спросила она, подавая Мише с мамой верхнюю одежду.

Миша привычно прижался к маминой ноге.

— Михаил, — вступила мама, — отвечай, если тебя спрашивают.

Миша поднял голову.

— Да, — тихо ответил он и улыбнулся.

— Думала, не высидит, — сказала мама. — Два часа все-таки. Но ничего, молодец! Уснул, правда, в самом начале.

Мама потрепала Мишу по голове.

— А вот у меня, кажется, конфетка есть! — засуетилась гардеробщица и шепотом спросила: — Совсем не видит?

Но Миша ее слова услышал и даже почувствовал, как мама в ответ замотала головой.

— Отдел соцзащиты билеты выделил, — с грустной улыбкой в голосе произнесла она. — Немного не угадали. Но мы все равно решили сходить, не пропадать же билетам!

— Возьми, деточка! — слышалось сверху из-за стойки. — Дай бог тебе здоровья!

Миша поднял правую руку ладонью вверх. Конфета пахла яблоком. «Наверное, зеленая», — подумал Миша. Мама однажды пыталась объяснить ему, что такое цвет. Сказала, что видела этот способ в одном фильме. Теплая кружка — это красный. Лед в холодильнике — это синий. Мягкая вата — белый. Но позже оказалось, что не все красное теплое, синее — холодное, а белое — обязательно мягкое.

— Спасибо, — смущенно произнес Миша и тут же обратился к маме: — Можно я ее сейчас съем?

— Можно, — ответила мама и, как ему показалось, опять грустно улыбнулась.

— А ты хочешь?

— А я и маме дам! — рассмеялась гардеробщица. — Вот, угощайтесь.

— Ой, спасибо! — воскликнула мама. — Что вы! Спасибо большое. До свидания!

— Всего хорошего!

Развернув конфету, Миша аккуратно просунул ее в щель на месте выпавшего зуба, положил фантик в карман куртки и взял маму за руку.

Марина КРАПИВИНА

ЖЕРДИНА

С к а з

1.

Давно это было. Когда в деревне Болото жили и мужчины и женщины и дети у них рождались. Работали они в колхозе с ласковым названием «Поцелуй Ильича», но уже не за палки-трудодни, а за деньги. И деньги тогда Хрущев сделал маленькие, как фантики от конфет. Стали они таять у людей в руках с тех пор. Тогда еще росла в огородах разлапистая конопля, сбивали из конопли масло зеленое, а в голодные годы и кашу варили, и в муку добавляли, хлеб из такой муки получался с зеленой, ноздрястый, и называли его странно — «марля», а работалось с того хлеба споро.

А как начали паспорта крестьянам выдавать, так молодежь в город и потянулась, никаким хлебом не удержишь: кто на учебу, кто за длинным рублем, кто в армию уходил и не возвращался. Да и забирали когда парней в армию, то норовили увезти подальше от дома, на другой конец земли. Тех, кто на севере родился, — на юг отправляли, кто на юге — того на север или на Дальний Восток, охранять китайскую границу. Деревенских — в городские гарнизоны или стройбаты, городских же — наоборот, в деревню. Это, говорили старики у сельмага, чтоб, если бунт какой, не жалко было в чужих стрелять. Но возвращались после всей этой армии деревенские парни совсем другими, чужими какими-то, и возвращались они ненадолго.

Так и Мишку Кирсанова, Марии, Кирсанихи-вдовы, сына, когда срок подошел, после ПТУ призвали на флот. А на флоте три года служили в те времена, Мировой океан большой, морей много — не наплаваешься. И вот пока плывал Миша по морям, по волнам, девушка его, Ленка Табунова, замуж выскочила за тракториста Колю Рыжего из райцентра. И года не прошло, как уплыл Миша на барже к железнодорожной станции, чтобы до флота своего добраться.

Вернулся из армии расстроенный, как ничейный баян. Уже знал все заранее из писем, и то хорошо. И радовалась мать, что приехал. Это глав-

ное. А девок-то этих в деревне да в райцентре — как опарышей в бидоне. Да только быстро радость ее истончилась до волоса.

Только в избу зашел, баул скинул и прям в форме своей красивой на танцы пошел: полосатый тельник обтягивает могучую грудь, поверх бушлат с золотистыми пуговками и брюки клеш да бескозырка завершают ансамбль. Мать на него не насмотрится, не наглядится, фотографию, которую он ей в письме прислал, шесть на девять, повесила в рамку на стене. Рамку из бересты сделал Степан Ильич, плотник, которого Беспалым прозвали, он после войны вернулся без трех пальцев на правой руке, но приноровился рубанок держать увечной рукой и без работы не сидел.

Три дня Мишаня с танцев этих не приходил, мать извелась, бегала все к соседке бабе Вере погадать, где есть сыночек-то. Баба Вера плохого не нагадала, сказала, что вернется, но с разбитым сердцем.

И правда, не наврала соседка, вернулся Миша через неделю — приехал из райцентра, только как будто выпотрошили его: небритый, тельник весь в бурых пятнах от портвейна и прожогах от «Беломора», зуба одного недостает. Перегаром за версту несет, телогрейка какая-то посторонняя вместо бушлата форменного, тоже вся в дырах, из которых вата вылезает, в общем, не как советский моряк выглядит, а как зэк какой из зоны. Озлобленный и несчастный. Не гордиться им хотелось, а жалеть. Две недели прошло — из избы ни шагу, ходит по комнатам, как кобель на поводке, курит одну за одной, папиросы городские кончились, самокрутки стал курить из мака, да только мать в сельпо за водкой да пивом посылает. А тут еще стала Мария замечать, что вроде он к чемодану отцову присматривается. Так и замерла у двери. А спросить боится. Сон потеряла, лежит всю ночь, дыру в потолке сверлит глазами, все представляет одну и ту же картину с вариациями: Миша встречается у подъезда Ленку и Рыжего — и обоих топором, или — топором одного Рыжего, или одну Ленку, а потом суд, позор на всю деревню, и опять на баржу, да только под конвоем и не на три года, а лет на двадцать! А еще, говорят, убийц-то на урановые рудники отправляют. И они там мрут от лучевой болезни, мало кто год или два проживает. Вот с такими мыслями Мария Иванна и лежала, мяла подушку, пока петух не закричит.

2.

И решила Мария Кирсаниха, чтобы сына уберечь от присухи этой Ленкиной, поехать к ней в райцентр. Пришла в продмаг, где Ленка за прилавком царствовала, увидела, как та располнела, какая стала некрасивая. Ленка смутилась, покраснела даже, а когда повернулась к товару, Мария Иванна заметила у несостоявшейся невестки живот, почувствовала обиду, что не от Мишеньки. Но тут же отмахнулась.

— Тебе не вредно на такой работе?

— Да ничего, тетя Марусь, своя ноша не тянет. — На самом деле у Ленки болели вены, она туго затягивала ноги эластичными бинтами, которых стеснялась и прятала под юбкой.

— Хорошо живете? — Кирсаниха так и стреляла глазами по всему ее телу, как будто хотела найти в нем щель, которая откроет ей истину. Но щель не открывалась, и глаза-буравчики опять строго и в то же время жалко упирались в стальные непроницаемые Ленкины глаза.

— Да не жалуемся. Так вам чего взвесить? — Ленка заметила, что за Кирсанихой выстраивается очередь.

— Мишка плохой совсем. Отпусти ты его!

— «Мишек» хотите? Двести грамм, ага. — Повернувшись в своих войлочных тапках и обливаясь потом, Ленка схватила бумагу, скрутила кулек, насыпала привычной рукой, не глядя ровно двести грамм «Мишек» и сунула Кирсанихе в живот.

— Мише от меня передайте, на сладкую жизнь! Следующий! Вы, мужчина?

— И все? Это что ты мне даешь-то, зачем? — Мария Иванна, уже оттертая следующим покупателем, растерянно смотрела на кулек с красивыми дорогими конфетами, которые никогда не покупала.

— Толстолобика нету. Килька есть в томатном соусе.

— А «Славянская трапеза» есть?

— Два рубля шестьдесят четыре копейки, в кассу. Проходите, товарищи. — И потом уже тихо в сторону Марии Ивановны: — Теть Марусь, народу много, не могу я сейчас, работа у меня. Ничего я его и не держу. Он сестре моей нравится.

— Девушка, я долго буду так стоять? — Тучная женщина в сером плаще грозно наваливалась на прилавок. За ней с угрюмым любопытством выглядывали следующие. Лена почувствовала себя дурно. Она не понимала, кому отвечать, а ссориться ей пока ни с кем интереса не было.

— Жердине?! — с ужасом спросила одновременно с серым плащом Кирсаниха.

— Ну что вы, гражданка, я вас слушаю!

— Двести грамм докторской.

— За докторской в подсобку надо сходить.

— Так здесь же в витрине...

— Холодильник сломался. — Тут она едва заметно кивнула Кирсанихе и скрылась в двери подсобки. Марья Иванна все поняла, вышла на улицу, обошла здание из силикатного кирпича, где располагался магазин, и во дворе увидела Ленку. Та курила.

— Ты что же, на сносях, да куришь! — всплеснула руками Кирсаниха.

— Да ничего, работа нервная. Задолбали эти, — она показала окурком в сторону прилавка. — Вот что, тетя Марусь. Времени у меня в обрез. Слушайте. Она не Жердина, во-первых, а сестра моя Галя. Он ей глянется, еще с шестого класса. Сама ее дразнила. Я знаю, что он сохнет, но я не присушивала его. Это он сам, по своей воле. Пусть съест конфеты и забудет про меня. И на Гальку перекинется. Вот и весь мой вам ответ. Не держите зла. А то рожать боюсь. Я не могла так долго ждать, все

равно бы изменила. А он такой... ему нельзя изменять, он и убить может от чувств.

В этот момент послышался какой-то грохот, это барабанили в дверь разъяренные покупатели. Ленка бросила окурок, шмыгнула за дверь. Через секунду раздался ее громкий, совсем другой голос: «Ну что стучим, двери зачем ломаем, товар привезли, вам же! Вот ваша колбаса, нюхайте, да свежая, первый сорт! А ты что хочешь, бабуль? Ну а как вас звать, девушка, что ли? Жалобную книгу? Жалобная книга у заведующей в сейфе. А заведующей нету. На базу уехала. Когда будет, во-от тогда и приходите...»

Мария Иванна ехала домой в полупустом рейсовом автобусе, сжимая в руках кулек с конфетами, смотрела перед собой невидящими глазами, за запотевшим окном проносились осенние пейзажи.

Когда Кирсаниха вошла в темный дом, она услышала храп, от сердца отлегло, значит, не уехал.

3.

Сестра Ленки — Галя, хоть и в малолетках ходила три года назад, да теперь невестой стала. Но уж очень она от сестры своей отличалась. Не то чтобы страшна, но и не красива, да еще какая-то чудная, чересчур смиренная, как будто спорченная. Не ходила она, как все девки, на танцы эти, стеснялась фигуры своей: сиськи маленькие, худящая и долговязая, волос тонкий, кость широкая. В школе смеялись над ней и прозвали Жердиной. Так и приросло это прозвище к ней. Она же была девка умная и, раз ей так с внешностью не повезло, училась прилежно, читала все, что задают, в библиотеку ходила, сидела там вечерами, пока другие на танцах трясли своими грудями да жопами перед парнями.

И вот на следующий день решила Мария Иванна зайти к Табуновым в гости, вроде как привет передать от случайно встреченной Ленки.

Октябрь уже надревал, а тут указ вышел: каждое дерево в усадьбе налогом обложили. Ну все и кинулись рубить деревья.

Миша тоже делом занялся — взял топор и пошел рубить сад: вишни, яблони, сливу и даже березу, которую было почему-то жалче других деревьев, она как живая была: и сок по весне из нее брали, и на Троицу веточки в церкву носила Мария, и избу украшала этими веточками, и так пахло тогда приятно в избе, а потом эти же ветки шли на веники в баньку. Но посчитала она и поняла, что никто не будет выяснять, какой прок от березы, скажут ведь соседи, что веники на базаре продают Кирсановы, обогащаются. Ну и вот, пока все на приусадебных участках своих рубили стволы, так что треск стоял по всей деревне, пошла она к заулку, где Жердина с матерью проживали.

Были они бедные, сада своего не было, так, росла одна антоновка да пара вишен, и кустов немного — малина да смородина, и то хитро, за забором, вроде и не ихнее. И копали они в тот день картошку у себя в огороде,

а не рубили ничего, как все. Подошла Мария к калитке Табуновых, Цыган хрипло залаял, кобель ихний, но на цепи он был, так что вошла Мария к ним на участок без опаски, крикнула ради приличия: «Есть кто дома?»

Попили чаю с Ленкиными «Мишками», не решилась она давать их сыну, не доверяла. А чай у Табуновых, да и у всех остальных в деревне, не как у городских — заварной индийский, или грузинский, или краснодарский, хоть и продавался он в сельпо с недавних пор, — но привыкли Табуновы пить пустой кипяток с сахаром кусковым вприкуску. Или с вареньем по праздникам. И вот сейчас у них варенье смородиновое было да конфет соседка принесла дорогих, и ради госты мяты сушеной сыпанули в чашки. А когда уже стемнело, мать послала дочь из вежливости проводить гостью до колодца. Пошли они, и по дороге Мария говорит Жердине:

— Я знаю, Галь, тебе ведь Мишка мой нравится. А он из армии этой совсем дурной вернулся. Чую я, лыжи наострил в город, тянет его за сестрой твоей, а она в положении, еще удумает чего нехорошего. Или просто в городе хочет жить, там, дескать, жизнь, там водопровод да театр с кино, да высокая культура. С другого конца посмотреть, и там и здесь столько девок бедовых накопилось одиноких, а то и с детьми прижитыми, разведенки опять же, как Круглова Светка или Зубкова Нинка, окрутят в два счета, да еще понесет какая от него, женит на себе, боюсь я этих бедовых. А ты мне нравишься, ты девушка мудрая, как сова, по танцам этим не шиманаешься, и я бы хотела тебя у себя в дому новой хозяйкой видеть, и Миша чтоб здесь, в деревне, остался, пушай хоть на тракторе или в МТС в райцентре работает, это недалеко, автобусом-то, час туда, час обратно, а то, может, куда на реку работать устроить его, он же на флоте был, к воде привычный и плавать опять же один из всей деревни умеет. Ну что молчишь-то?

Галья шагала, чуть загребая левой ногой и задумчиво покусывая травинку, Мария косилась на ее плоскую грудь, на угловатые формы и думала про себя: вот ведь жердина какая и впрямь... Но ничего, замужем раздобреет, все бабы от мужниных ласк округляются.

— Теть Марусь, да вы же сами видите, кому я нужна такая, я ж плоская, у меня рост как у мужика и нога большого размера, а еще нос слишком длинный, меня нельзя любить. За Мишкой вон все девки бегают, он как выйдет в своем тельнике, так все падают, как снопы. Он и не смотрит на меня. И мать моя меня упрекает: недоделанная, говорит, уродилась ты, Галья.

— А ты не бойся, доча, я научу, что делать-то надо, — затараторила Мария. — Я знаю верное средство, меня мать научила, у нас в роду всех так и женили. Только надо тебе первой успеть, а то эти ушлые опередят. Вот я уж все и припасла для этого.

С этими словами Мария достала из кармана телогрейки кулек из той же бумаги, в которую были завернуты конфеты «Мишка», развернула его, и Галина увидела там... лягушку, лапки у лягушки вяло подергивались.

— Живая еще, — улыбнулась Мария. — Вишь, лапки-то дергаются, хоть я ее камнем-то придавила, когда ловила.

— Так это рефлексы, тетя Марусь, в школе препарировали мы лягушек.

— Вот-вот, такая ты умная у мене, дочк, так ты мне нравишься.

— Тетя Марусь, а грех на душу кто ж возьмет?

— Я на себя грех возьму, у нас так все и делали, и мужики все справные были, не пьющие, не бьющие.

— А что с лягушкой-то делать?

— Так в муравейник ее.

— Да вы что, живую в муравейник?

— Так ты ж сама сказала, что эти... рефлексы, что мертвая она, это же как у курицы, голову отрубишь, а она бегает по двору. Так? Я ж хоть и не ученая, а сообразила. На, — и протянула Жердине кулек. Та достала оттуда лягушку двумя пальцами.

— А может, вы сами это все сделаете? А я буду смотреть. Или лучше я пойду.

— Ты мне скажи честно, Галь, он тебе глянется, Миша мой?

Жердина задумчиво вздохнула, помолчала, наклонив голову с лошадиной челкой, и сказала низким, почти мужским голосом твердо:

— Глянется, тетя Маруся, и давно, еще когда он к Ленке клеился. Я в это время выходила на улицу и в окно подглядывала, как он ее тискает, пока мамка за картошкой в погреб спускалась.

— Вот ведь хабалка какая! Это ж как он ее не испортил тогда, дурень.

— Нет, до этого никогда не доходило, — Жердина улыбнулась, она взяла лягушку за одну лапу и осторожно положила ее на муравейную кучу, — я следила за этим: и в сарае следила, и на чердаке, и в сених, и в лесу, я всюду за ними ходила, то превращусь в кошку, то в сороку, то в мышь, или впивалась английской булавкой в Ленкин платок, и, если бы что-то началось, я бы им помешала.

Лягушка, мгновенно покрывшаяся черной шевелящейся массой, страшно задергалась, Жердина невидящим взглядом смотрела на муравейник.

Мария невольно прикрыла рот рукой. Так она делала, когда чувствовала смертельную опасность или угрозу близким, так было, когда в сорок втором около их плетня остановилась почтальонша. Мария прикрыла рот рукой и получила похоронку.

Стемнело, и Мария не видела лица Жердины, только длинный ее силуэт.

«Господи, что ж я наделала!» — вскинулась внутри себя Мария. Она вспомнила про лягушку, от которой уже остался почти один скелет.

— Готово, — с удовлетворением натуралиста сказала Жердина и схватила длинными цепкими пальцами то, что еще десять минут назад было лягушкой. — Это, тетя Маруся, называется присуха. Скелет теперь надо подложить Мишеньке вашему в такое место, чтобы он носил его с собой и ни о чем не догадывался. Мне это сделать трудно будет. А вам

легко, вы мать. Доступ к его одежде имеете. Можно в сапоги под стельку или зашить в подкладку телогрейки или шапки. И помните наш уговор — вы этот грех на себя берете.

Мария, чтобы не выдать внезапного душевного переворота, постаралась проговорить естественным голосом:

— На себя, на себя... — И схватила Жердину за руку. — Давай-ка. Зашью за подкладку.

— Что это у вас руки такие ледяные, тетя Марусь? — сверкнула черными глазами Жердина и опустила скелетик в ладонь Марии Ивановны.

— Да у меня ввечеру всегда руки так холодеют, это сердечное у меня, это ничего, — она положила присуху в карман и почувствовала, как муравей больно укусил ее за средний палец.

— Тогда полечу я к матери, а то волнуется небось, еще побежит искать.

Галина встала спиной к Марии Ивановне, крикнула два раза «у-у» и, обернувшись совой, полетела к своему заулку. Мария еще долго смотрела ей вслед. Потом торопливо пошла домой. По дороге зашла за сельмаг, присела на корточки, сгребла сухой листвы и веток в небольшую кучку, достала скелетик из кармана, отогнала непрошенные детские воспоминания, как делали в голодные тридцатые годы шашлычки из мышей и крыс, попавших в мышеловки. Трясущимися руками подожгла кучку, огонь плохо разгорался, тогда она вспомнила про бумажный кулек из-под конфет, подложила под обгоревший скелет, опять подожгла, сверху набросала листья, сено. Убедившись, что все сгорело, встала, кряхтя и охая, растерла сапогом едва тлеющую изгарь. Огляделась и торопливо пошла к дому, мелко крестясь.

4.

Дома Мария Ивановна первым делом бросилась к телогрейке сына, стала умело прощупывать плохо гнувшимися артритными пальцами подкладку, вспоминая недолгую службу охранницей в женском лагере, где она работала в тяжелые послевоенные годы. Она почувствовала что-то твердое, костяное, сунула руку в карман, вытащила оттуда обглоданный хребет воблы, металлические зубчатые крышки от пивных бутылок, ключ какой-то от навесного замка, ножик перочинный ржавый. Обыск второго кармана и прощупывание всех возможных схронов не дали результата. Кирсаниха устала. Она сидела в тесных сенях на самодельной табуретке и смотрела на единственные кирзовые сапоги сына и еще доармейские ботинки. Ботинки были задубевшие, с оттопыренной, «голодной» подметкой, со стоптанными внутрь подошвами, что говорило о плоскостопии, о котором им на осмотре никто не сказал, ботинки эти стали, конечно, малы возмужавшему Мише, но выбросить их было жалко. Она сидела и плакала, глядя на ботинки.

Георгий КУНИЦЫН

МАРКСИЗМ В РОССИИ НАЧИНАЛСЯ СО ЛЖИ

Это имя — Георгий Иванович Куницын — стало известно в среде творческой интеллигенции СССР в середине 1960-х гг., когда прокатилась воодушевленная молва о том, что в грозных недрах ЦК КПСС объявился новый человек на ответственном посту в отделе культуры, какой-то никому не известный сибиряк! И этот, мол, сибиряк Куницын отчаянно смело принимает решения в пользу творческих работников, не считаясь с партийной конъюнктурой, — разрешает снимать фильм по «сомнительному» сценарию, уже отвергнутому чиновниками Госкино («Берегись автомобиля»); помогает выходу спектакля «Павшие и живые» Ю. Любимова; в театре им. Вахтангова одобряет постановку пьесы «Римская комедия (Дион)» драматурга Л. Зорина, зная, что в БДТ Г. Товстоногова эта постановка уже запрещена ленинградским партийным руководством сразу после премьерного спектакля; иницииирует (под личное поручительство) первый выезд А. Тарковского, к этому времени уже снявшего «Иваново детство», за границу — на международный кинофестиваль; «выпускает» в командировку в США совсем молодого Евгения Евтушенко; поддерживает А. Твардовского, О. Ефремова, И. Смоктуновского, Р. Быкова, Л. Шепитько, Э. Климова и многих других писателей, кинорежиссеров, театральных деятелей и, наконец, делает все для того, чтобы выдающийся фильм Андрея Тарковского «Андрей Рублев» получил финансирование и был снят! Георгий Куницын открыто и бесстрашно утверждал своей деятельностью и позицией: нормальные и плодотворные взаимоотношения между партией и творческой средой возможны! Но не тут-то было...

В 1966 г. партийная верхушка применяет испытанный и давно отработанный иезуитский прием — Г. Куницыну предлагают пост министра кинематографии СССР, но с условием, что на этом посту он «решиительно разберется» именно с теми творцами и художниками, которых поддерживал и продвигал все пять лет своей работы в недрах ЦК.

Наступил «момент истины», который предрешил всю последующую жизнь Куницына, выбравшего не власть, а свободу, — лично члену Политбюро М. А. Суслову («серому кардиналу» при Л. И. Брежнев) он заявил, что его руками эта программа проводиться не будет... «Не будет твоими, проведем другими!» — так, должно быть, рассудил Суслов и вместо

Г. И. Куницына назначил министром Ф. Т. Ермаша, бывшего подчиненного того же Куницына.

Ермаш сразу отправил фильм А. Тарковского о Рублеве «на полку» на пять бесконечных (для автора) лет — притом что Г. И. Куницын перед своим уходом из ЦК успел-таки присвоить картине высшую, первую, категорию!

...Эпоха Брежнева не приняла стиль работы Куницына, предполагавший открытую поддержку всего талантливого и честного в искусстве, поскольку именно такое искусство прежде всего и помогает обществу в целом развиваться нормально не только в духовном, но и в материальном воплощении.

Эпоха безграмотных и ограниченных руководителей СССР потащила великую страну к пропасти, прикрываясь как фиговым листком лозунгами о коммунизме и ничего не смысля в настоящем марксизме, не зная его и боясь, насаждая в «науке о марксизме» догматизм и нечетничество, поощряя ортодоксов и идейных лакеев, обслуживающих полуграмотную «партийную верхушку» в их циничной демагогии.

В газете «Правда», куда «сослали» строптивного работника, Куницын продержался недолго, но и здесь успел опубликовать как редактор отдела литературы и искусства немало материалов, идущих вразрез с уже ясно обозначившейся политикой «подавления» любого инакомыслия в сфере культуры и гуманитарного знания, не совпадающего с «политикой Коммунистической партии», на практике все дальше отходящей от принципов, когда-то воодушевивших массы людей на построение «нового общества свободы и справедливости».

...В 1968 г. Куницына (по указанию Л. И. Брежнева) убирают из «Правды» — формально за то, что он (единственный из присутствующих!) голосует на редколлегии против увольнения из газеты Л. Карпинского и Ф. Бурлацкого, посмевших опубликовать в «Комсомольской правде» острую и честную статью о театральной цензуре.

В том же году из ЦК санкционируется провал защиты докторской диссертации Г. И. Куницына в ИМЛИ им. Горького и затем он попадает под мстительный каток системы — блокируется выход книг, запрещаются любые публичные выступления на официальных собраниях, собираются в особую папку «добровольные» доносы... А ему всего-то сорок шесть лет!

Тогда он наконец-то прорывается к аудитории, о которой давно мечтал, — его «пригревает» музыкальная академия им. Гнесиных, где он читает студентам курсы по эстетике и истории философии, а затем приглашают и Литинститут, и Высшие литературные курсы.

Для Г. И. Куницына наступает новая пора творческой жизни — он высказывает в молодежных аудиториях свои основные мысли, в которых бушует, вырвавшись на свободу, его гражданский и научный темперамент, а студенчество платит ему доверием и горячим интересом, поскольку чувствует бесстрашие и искренность неистового профессора, добровольно отрекшегося от карьеры — ради свободы думать и говорить... На лекциях в «Гнесинке» и Литинституте аудитории набиваются битком, студенты приходят со всей Москвы — благородство и честность в «застойные времена» на вес золота, а профессор Куницын — из тех, кто судьбой доказал

право говорить прямо в любой аудитории. За ним закрепляются клички: «цексист-расстрига» (по аналогии с протопопом Аввакумом) и «последний марксист в России» — в обеих есть свой резон; что касается марксизма, то его Георгий Куницын, с присущим ему упорством и талантом, изучил настолько глубоко и с бесстрашной непредвзятостью свободного от клановых пут человека, что открыто, напрямую, с глаза на глаз спорить с ним никто из идеологической обслуги «верхушки» не решался — его били в печати, перекрывая возможность там же ответить, и били тайно, загоняя в угол нужды и забвения...

А он говорил правду о прежнем и нынешнем, о смехотворном «брежневском марксизме», которую никто не мог опровергнуть. А кроме того, Куницын имел безупречную советскую биографию — родился в 1922 г. в простой сибирской семье, через три дня после окончания школы побегал в военкомат, как и все одноклассники-друзья, а после военного училища в 1942 г. — сразу под Сталинград, младшим лейтенантом-сапером. Там же подал заявление в Коммунистическую партию, и в 1943 г., на Курской дуге, был принят в ее ряды. Освобождал Польшу и Чехословакию, четырежды ранен, награжден боевыми орденами. В конце войны — гвардии капитан, командир саперного батальона, потом — партийная работа, учеба в Академии общественных наук при ЦК КПСС...

Казалось бы — свой в доску! И вот, поди ж ты, как понесло! И ухватить такого сложно, ведь к тому же он (тут стоит повторить) знает официальную марксистско-ленинскую идеологию и философию, как никто в стране, назубок, до последних цитат и смыслов.

Вот и маялся с ним режим, не понимая, как его «заткнуть», чтобы не мешал сладко есть, дремать и много пить, закрывшись за крепкими дубовыми дверями Старой площади и Лубянки...

Что же заставляло этого одаренного, сильного и благородного человека так упорно сопротивляться своим могущественным оппонентам? Вероятно, осмысленное понимание того, что современная ему власть ведет огромную страну не к «коммунизму», о котором сама не имеет никакого отчетливого представления, а к глобальной катастрофе в национальном, экономическом и гуманитарном аспектах.

...Со временем ситуация у Георгия Ивановича Куницына дошла до абсурда: учитывая, что «кремлевские старцы» закрыли выход к читателю, он начинает отправлять свои «философские письма» им — напрямую! Лично! Как говорил Куницын с ироническим сарказмом: «Мимо цензуры!» — ведь он, бывший работник ЦК, знает порядок: такие письма получали входящий номер, о них докладывали адресату, возможно, они просматривались помощниками «первых лиц» и — попадали в партийный архив, тем самым, как надеялся Г. И. Куницын, сохраняясь если не для этих «сидельцев», так для тех, что придут потом, — то есть фактически сохранялись самими бюрократами для Истории — и в сугубо авторской редакции. Можно предположить, что надежда на сохранение рукописей и давала Куницыну силы продолжать творить ни на кого не оглядываясь и с одной заветной мечтой — хоть как-то помочь своей любимой стране. Даже так, оставаясь в фактическом одиночестве и немоте, если не считать счастливые выплески в студенческих аудиториях...

Публикация, предлагаемая вашему вниманию, — тоже письма. Они адресованы Р. П. Конюшей, издателю рукописного наследия Карла Маркса, но в данном случае адресат не представляет интереса — в отличие от самого предмета писем. А публикуемый материал уникален!

Он впервые освещает принципиальные разногласия между Марксом и Энгельсом по поводу «русского вопроса» (мало кто знает, что Маркс специально изучал русский язык, дабы читать в подлиннике работы Н. Г. Чернышевского, главного идеолога народничества в России), также впервые в этих письмах говорится о решающей роли Ленина в осуществлении русской революции не по «заветам» Маркса, а по варианту Энгельса и Плеханова, сознательно скрывших от мирового революционного движения позицию «отца марксизма» по России, в этих письмах рассказывается и почти детективная история о преступном утаивании ответного письма К. Маркса к В. Засулич, где он прямо заявляет, что писал свой «Капитал» не для России, а для Западной Европы...

Но важнее всего, как мне кажется, в этой публикации — новые факты и обстоятельства, впервые приоткрывающие завесу над некоторыми истинными событиями в революционных «штабах» перед тем, как Россия втянулась в наиболее трагическую эпоху своего существования, и, конечно, размышления автора об исторических истоках судьбы Отечества...

К сожалению, Г. И. Куницыным написана лишь первая часть работы; он смог пережить всё, расплачиваясь бытовыми невзгодами за личный выбор свободы, но не смог пережить предательской смуты «коммунистов-перестройщиков», ввергших Россию в невиданную до сих пор глобальную катастрофу, — в 1996 году Г. И. Куницына не стало. Похоронен он на кладбище в Переделкине...

Владимир Куницын

Редакция выражает глубокую благодарность давнему автору нашего журнала Владимиру Куницыну, сыну Г. И. Куницына, за предоставленную рукопись.

Вместо предисловия

Письма эти в 1990—1991 гг. возникли, разумеется, для того, чтобы быть опубликованными. К сожалению, к тому времени наши отечественные журналы, на которые была у меня ранее надежда, стали сплошь групповыми и даже экстремистскими — в ту или другую сторону. Я, наверное, показался им тоже экстремистом, только уже какого-то третьего типа. И договориться о печатании моих, явно не интимных, писем «пожилого мужчины старой даме» не удалось. Ни с каким изданием. Хотя рассматривается мною один из самых крупных исторических детективных сюжетов. Наша пресса как раз в то время ушла с головой в скандалы совсем другого типа.

Здесь собраны семь моих писем. Предполагал же я — поскольку речь о судьбах России — написать их восемь, сознательно этим наталкивая читателя на мысль хотя бы о чисто внешней аналогии с чаадаевскими «Философическими письмами». Как только появится у меня издатель, напишу и восьмое. Материалы для него не убираю с глаз своих...

Приложение к сему тексту моей статьи «Утаенное письмо», из-за которой и разгорелся сыр-бор, а также ответной статьи Р. Конюшей «Утаил ли Плеханов письмо Маркса?», где она продолжает отстаивать не просто ложную, но и лживую концепцию, думается, не помешает.

Ни в заглавии этой публикации, ни тем более в содержании ее нет и малейшего преувеличения. Масштаб беспрецедентного обмана, которому были подвергнуты прежде всего россияне (а в первую очередь — сама русская социал-демократия), но также западные политики, идеологи, социологи, философы, — этот масштаб просто не поддается пока адекватному объяснению. Все это, в конце концов, вылилось в крупнейшую в истории политических движений отвлекающую операцию по введению в заблуждение многих поколений. И дерзкая операция эта, что совсем непостижимо, — удалась!

Во всем мире, не говоря уже о России, большинство людей ныне искренне убеждено: катастрофа марксизма в России произошла в течение последних лет из-за его чуждости самобытным российским условиям. Это, впрочем, действительно так, поскольку русская социал-демократия (причем и большевики, и меньшевики) в качестве ориентира для своей деятельности взяла «Манифест коммунистической партии» и «Капитал».

Но... Есть тут великое «но»: *оказывается*, К. Маркс разработал *отдельно* от западноевропейского варианта своего учения — «русскую альтернативу»! И вот эта «русская» часть его учения — *о русском историческом пути*, и была — сначала Плехановым, а потом и Лениным, и всеми их последователями — *фактически похищена* из сферы обращения великих идей... Будто «мальчика-то и не было»! *Изъяли весь русский аспект марксизма*.

...Об этом и рассказывается в нижеследующих моих письмах к Р. П. Конюшей — типичнейшей дипломированной участнице этого грандиозного идеологического и политического буквально одурачивания огромных масс людей.

В этой публикации я рассматриваю в основном действия Г. Плеханова и его группы по непосредственному сокрытию неугодных им работ Маркса.

Будет, надеюсь, и продолжение — с анализом фактов несомненного извращения учения Маркса о России также и Лениным и его политически активной когортой, а затем — бесчисленными ленинскими эпигонами. Особое место там займут способы Сталина по практической ликвидации *российской самобытности* в революционном процессе.

12.05.1993 г.

Письмо первое

Да, сударыня, пришло время говорить простым языком разума.

П. Чаадаев. «Философические письма»

Глубокоуважаемая Раиса Павловна!

Прочел я Ваше возражение на мою статью «Утаенное письмо» (ж. «Диалог», № 7, 1990), что называется, на одном дыхании. И это понятно: прошли годы и годы с тех пор, как я обратил первое внимание на Ваши истолкования текстов К. Маркса о России. В моих рукописях, которые в то время не могли быть опубликованы (пишущий эти строки находился в суровой опале, писал «в

стол»), наряду с другими содержится полемика и с Вами. А теперь Вы собственной персоной вышли на мою далеко пока не полную, лишь заявочную публикацию — вышли к тому же в благоприятных общественных обстоятельствах для ведения честного и открытого научного спора. Грешно было бы и мне не продолжить диалог, вызревавший столь долго. Мы возобновляем с Вами старый-престарый спор наших соотечественников об *альтернативных* путях России. Что может быть важнее этого?

Должен сообщить, впрочем, о том, что в прошлом и мною делались попытки поставить названную проблему публично. Я писал многие и многие годы тому назад, что русская социал-демократия, выступая от имени марксизма, с первых же своих шагов отвергла взгляд Маркса на исторические перспективы России... Вопреки Марксу, именно *вопреки*, она стала утверждать нечто тогда неожиданное, а именно: как и Западная Европа, Россия якобы неминуемо пройдет по всем тем же ступеням, описанным Марксом в «Капитале». Группа Плеханова не только не приняла позицию именно самого Маркса, которую он разработал специально для русских революционеров, но даже и просто *скрыла* от всех его письмо о России, ответно направленное им на имя В. Засулич 8 марта 1881 г. Об этом я писал в статье «Во всем он был Плехановым» (ж. «Литературная учеба», № 1, 1980), а подробнее — в статье «В. И. Ленин — литературный критик» (ж. «Наш современник», № 4, 1981). По доносам Ваших единомышленников статья, напечатанная в «Современнике», была подвергнута шельмованию с подобных Ваших позиций тогдашним секретарем ЦК КПСС по идеологии Зимяниным М. В. на закрытом совещании руководителей средств массовой информации. Было дано указание меня не печатать нигде... Вам это неведомо?

За что же, думаете Вы, напал на статью Зимянин? За «попытку соединить марксизм с народничеством». Вряд ли он и догадывался, что тем самым становился на позицию спрятавших письмо Маркса...

Для Вас тут тоже есть нечто заветное? Но я скажу: порицая народников за другие их ошибки, К. Маркс действительно принял самое непосредственное участие в дальнейшей разработке именно их концепции, а до него предложил ее Н. Г. Чернышевский. Маркс выступил в защиту и обоснование самой главной позиции Чернышевского и русских *народников*. А вовсе не позиции социал-демократов. Вот в чем правда.

Вы сегодня (даже сегодня) ставите содержание моей статьи «Утаенное письмо» под сомнение. С предостерегающим наклоном формулируете самое уже название Вашего возражения: «Утаил ли Плеханов письмо Маркса?» (ж. «Диалог», № 11, 1990). Утаил ли? *Для Вас неужели это вопрос?* Если бы сокрытия действительно не случилось, то скажите, почему с 1881 и по 1923 г. письмо это никому, кроме как некоторым членам группы «Освобождение труда», не было известно? Т. е. пока не умерли те, кто знал о нем.

В Вашем возражении почему-то не говорится ни слова и о том, что я цитирую самого знающего эту проблему человека — Д. Рязанова. А он прямо и определенно сообщает ведь о том, что Плеханов и Засулич на его к ним запрос, знают ли они что-либо о разыскиваемом им письме Маркса, ответили отрицательно... *Неужели Вы даже и не видывали* предисловие Д. Рязанова к первой книге «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса» от 1924 г.? Тогда, собственно, какие же у Вас имеются основания вступать в спор по факту пропажи горемычного письма?

Впрочем, — обо всем по порядку. Хотел бы начать свой ответ Вам не с раскрытия непосредственно детективных моментов в судьбе несчастного письма, а с рассмотрения исторических обстоятельств, в которых это письмо оказалось — извините! — просто *ненужным* тем, кому оно предназначалось. Оно их загоняло в тупик. На фоне его ведь в *принципе* ошибочна сама их *деятельность* в качестве зачинателей будущей — *якобы* марксистской — партии. Ведь партия эта претендовала на выражение интересов народов России. Стремилась она поэтому просто-напросто убрать с исторической арены конкурирующее народничество... Разгромить его — и дело с концом!

В том и суть: приняв для России концепцию именно «западного», именно капиталистического пути развития (*отвергнувшегося применительно к нашей стране Марксом*), Плеханов и его товарищи приняли на себя тем самым историческую ответственность также и за все российское крестьянство (в то время еще в большинстве общинное). За всю его судьбу.

Но эта их ответственность оказалась, как выяснилось, полнейшей безответственностью: они, в сущности, «приговорили» отечественное крестьянство к постепенному обнищанию через (с их же точки зрения) неминуемую пролетаризацию его. Вот при таком условии русские социал-демократы принимали более чем 80 % населения России под свои «*западномарксистские*» знамена... Разве не так?

Если уж называть вещи своими именами, то Плеханов и плехановцы, в сущности, отреклись от российского крестьянства — причем сделали это настолько неуважительно и неблагородно, что стали рассматривать его как реакционную массу, обреченную на неотвратимое размывание накатывавшимися с Запада и возникавшими дома капиталистическими волнами.

Не на реальные реакционные тенденции в тогдашнем российском обществе напали новоявленные российские «марксисты», особенно сам Плеханов, — а навалились на крестьянских революционеров, насели на обе крестьянские партии: «Народную волю» и «Черный передел»... В этом абсолютно же не было ничего марксистского, ибо в «Коммунистическом Манифесте» марксистскими основоположниками категорически заявлено: «...Коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя... повсюду добиваются *объединения между демократическими партиями всех стран*» (Соч., изд. 2, т. 4, с. 459; курсив мой. — Г. К.).

А ведь многие русские народники были к тому же и членами I Интернационала...

Объективно получилось так, что только-только появившаяся русская социал-демократия во главе с Плехановым, поведя борьбу против народников, ближайших и естественных своих союзников, самим уже этим ее поведением расколола российское революционно-освободительное движение. А самое печальное — это ее действие возникло на основе ошибочной идеи реакционности вообще *якобы* всего российского крестьянства. Реакционности этой — объективно — не было и в помине. В чем и весь смысл позиции Маркса по «русскому вопросу».

Приходится констатировать: Плеханов — открыл собой ряд деятелей в нашей революции, которые — в первую очередь, Троцкий, потом, конечно, Сталин (и множество его подручных) — не поняли или не хотели понять, что общин-

ное крестьянство может, правда, быть консервативным (в чем, впрочем, и его сила), но никак уж не контрреволюционным. К. Маркс как раз и отмечал, работая над ответом Засулич, то, что крестьянская общинная справедливость в известных обстоятельствах оказывается единственной — внутри себя — формой народной свободы...

В свете этого столь ли удивительно, что с письмом, в котором К. Маркс изложил действительно свою поддержку народническим взглядам (по вопросу о путях развития России), а вовсе не плехановским, случилась невероятная детективная история? Создалась объективно конфликтная ситуация, чреватая и моральным срывом.

После этой моей начальной пропозиции теперь перейдем к ситуационным фактам. Не стоит излишне волноваться, а важно поспешествовать запоздавшему процессу нашего же самосознания. В самоанализе революция отстала до обидного. Погибла от этого. Не узнала в себе себя.

Дело выглядит вот как. Сначала возникло письмо В. Засулич к Марксу (от 16 февраля 1881 г.). Легендарная Вера поставила в нем естественный для русских народников вопрос: каким путем вероятнее всего пройдет Россия и как при этом сложится судьба русской крестьянской общины, в которой тогда пребывало более 4/5 населения страны? Вопрос этот был В. Засулич предложен Марксу от имени группы революционеров России. Письмо Засулич звучало, в сущности, как *зов о помощи* революционного авангарда огромной страны. Причем Засулич указывает, что в самое последнее время и в России, мол, появились люди, которые сами себя называют «марксистами». Они-то и предрекают гибель русской общине. А если яснее — то именно крестьянству. Смерть общины — это как раз и есть потом пролетаризация. Раскрестьянивание. Фатально ли это для России? Так был поставлен вопрос В. Засулич.

После получения плехановцами ответа от Маркса события начинают разворачиваться чуть ли не буквально по законам абсурдистской пьесы... Как это ни прискорбно, замечено сие не мной первым. Это четко видно и из суждений Д. Рязанова и Е. Юрьевского. Противоречивые сообщения Б. Николаевского углубляют тяжкое ощущение, что мы тут имеем дело с тайной. Она нуждается в раскрытии.

Народники сами задали вопрос. Ответ Маркса по его существу был такой: «...Специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры *социального возрождения России*» (Соч., т. 19, с. 251; курсив мой. — Г. К.).

Ни много ни мало! Община — это тогда основа именно возрождения России. Ну какая же может быть реакционность у *такой* общины?! А ведь и Вы, Раиса Павловна, ведете эту же линию *десятки лет*.

Получив столь четкий и бескомпромиссный ответ, Плеханов со товарищи становятся, к сожалению, вовсе и вовсе не на русскую (исходящую из самобытности России) позицию Маркса, выраженную им в только что приведенных мною его словах. Плехановцы фактически приняли *противоположную* точку зрения, об ошибочности которой по отношению к России Маркс их — именно их! — и предостерегал... Эти же люди, сами они, — пусть и от лица только В. Засулич — вроде бы ясно показывали в своем обращении к Марксу желанность именно такого для них его ответа, какой он потом и прислал. Между

прочим, в подготовительных вариантах своего письма Маркс и совсем ведь откровенно и прямо размышляет о том, что русским революционерам — в оценке положения в России не надо опираться на «Капитал». Не это — путь для России! Согласно Марксу, еще очень и очень долго судьбы нашей страны будут связаны по преимуществу с судьбами крестьянства (общины).

Меня здесь интересуют только первоисточники. Именно в их неизученности корень очень и очень многих наших бед и утраченных возможностей. В обоснование того, что Россия в обозримый период не может отправиться след в след за Западом, откровенно ссылаясь на нерусский смысл своего «Капитала», Маркс, словно бы в громкоговоритель, буквально гремит для своих неверных российских «учеников», гремит о развитии капитализма вот что: «В этом совершающемся на Западе процессе (капитализации. — Г. К.) дело идет... о превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, превратить их общую собственность в частную собственность» (Соч., т. 19, с. 251; курсив мой. — Г. К.).

В России — выходит — «наоборот»! В том смысле, что здесь крестьяне не только еще не «раскрестьянены» и не подверглись массовой пролетаризации, но они пока и не перешли к частной собственности на землю. В Западной же Европе этот переход закончился тысячу лет тому назад... Тысячу лет...

Для действительно полного достижения этого Марксова «наоборот» России, стало быть, потребовались бы столь долгие времена, каких история предоставить нашей стране уже не могла. И не может. И не предоставила! В подготовительных набросках письма к В. Засулич Маркс именно это и объясняет.

Плеханову и его сторонникам, к сожалению, его объяснения были не только не нужны, но даже и чужды и опасны. Они взяли и отсекали подобные мысли от самого Маркса так, будто не они называли себя его «учениками», а, напротив, он был их творением...

Далее постараюсь показать, что это и было с Марксом сделано плехановцами по вопросу о России. Они создали себе своего Маркса... Подобное они совершили и по отношению к другим пунктам его учения. Марксизм в России возник в извращенном виде. Заменяли ему даже первородный его крик... Надели на него паранджу.

На первых же порах российские социал-демократы сильно изменили и понятие «социал-демократ». Оно предполагает, прежде всего, как известно, демократизм, а они — напомним, исключили из признаваемой ими своей социальной основы как раз самый многочисленный крестьянский класс, тогда еще составлявший собой почти весь народ и бывший не просто опорой, но и многообразной социальной почвой, из которой вырастали и любое сословие, и любой строй, и любой другой класс России. Назвав своим учителем Маркса, социал-демократы России постарались, в сущности, сделать все, чтобы заполнить понятие «марксизм» применительно к России лично им же, Марксом, отвергнутым смыслом. Пусть и делалось это, прежде всего, не из низких соображений, а из пресловуто «великих». Они были убеждены: «Капитал» — зеркало, в котором отражено будущее также и России. Значит, никто и не должен знать, что Маркс впал в ужасную ошибку, поддержав и развив идею о «русской альтернативе», при которой Россия, как он думал, с большей вероятностью именно минует капиталистический строй, чем пойдет по пути к нему...

Не ясно ли, что в такой ситуации противоположное нашим социал-демократам письмо Маркса об общине как «о пункте возрождения России» уже не могло находиться в безопасности у тех, кому оно было адресовано?

Сегодня это не загадка: в самом деле, Россия *пошла* альтернативным путем. Это-то и предвидел Маркс! И — Чернышевский. И — Герцен. И — Лавров. И — Михайловский. Декрет о земле, восстановивший ранее сильно подорванную, но выстоявшую общину, — за короткое время (от 26 октября 1917 г. и до середины 1918 г.) — обеспечил преимущественно *крестьянский*, тем не менее, тоже ведь *социалистический* (коллективистский) переворот в России. Разве не увел Россию с уже начинавшегося тогда ее пути капиталистического развития Октябрь 1917 года? Разве не стала в еще большей мере, чем когда-либо, именно *крестьянская община* важнейшим фактором развития страны в советское время — до момента небывалого трагического «великого перелома» в 1929 году? Тот чудовищный перелом (осуществленный в форме невиданных злодеяний) пришелся *точно поперек позвоночника революции*.

Неужели в Вашем понимании, Раиса Павловна, это — не доказательство несомненной *перемены общенародной нашей судьбы*, разлучившей нас с *западноевропейской перспективой*?

Мы с Вами сегодня обсуждаем никак не выдуманные, а *свершившиеся* события. Ваши же суждения, однако, и ныне звучат так, будто страна все еще находится где-то в конце 1870-х или начале 1880-х годов. Разве же Октябрьская революция произошла и в самом деле «по Плеханову»? Нет же. Повторю: она произошла «по Марксу», «по Чернышевскому». А то, что видим ныне, — особый разговор. Пора бы увидеть, что она свершилась ведь и не «по Ленину»: он вынужденно принял ее объективную суть, причем лишь в самый последний момент. Не Октябрь с его Декретом о земле свершился «по Ленину», а Ленин с большим *опозданием* понял: не пресловутая национализация (тип буржуазности), а именно *социализация* (и только социализация!) земли обеспечит (и обеспечила!) победу первобытной, *но в ее сути социалистической революции*. По крайней мере — в самом начале это было так.

Грешно же сегодня игнорировать факт, что именно социализация (в первую очередь раздел конфискованных помещичьих земель между крестьянами на основе коллективного ею владения) — именно эта мера соответствовала потом также и предстоявшему глобальному (неосуществившемуся) кооперированию в обществе. Ведь именно этот (кооперативный) принцип *коллективизма* и анализировал Маркс, изыскивая наиболее краткие и убедительные формулировки относительно России в работе над ответом на письмо В. Засулич.

На фоне этой, на короткое время осуществившейся потом, истории только и можно сегодня понять, почему так, а не иначе видели свою позицию Плеханов и его соратники. Вчерашние народники. Неофиты в марксизме. Моральных критериев тут даже и недостаточно. Необходимо соотнести сами эти критерии с объективным ходом именно состоявшейся истории.

Социал-демократы с самого начала встали на путь абсолютизации того совсем не абсолютного императива, согласно коему якобы и нет вечных и неизблемых принципов нравственности, а каждый раз лишь есть определенный социально-классовый интерес. Этот последний, мол, и диктует людям их поведение. Оставалось только доказать (хотя бы самим себе), что сами лично они лучше кого-либо понимают свой идеал. В данном случае надо было всего лишь

убедить самих себя в том, что Маркс знает Россию меньше, чем они, россияне... Не так ли?

Интересующее нас с Вами событие к тому же происходило в самый момент не ахти сколь достойного ухода плехановской когорты от народников. В таких обстоятельствах обычно очень велика сила отталкивания. Уходила блистательная когорта активных чернопередельцев — выразителей недавно еще позиции именно той группировки народников, которая, уже отрицая террор, все еще связывала надежды России с общиной. С крестьянской революцией... Она-то, эта часть народников, и надеялась на уравнительный раздел между крестьянами земель (черный передел), конфискованных в ходе предстоявшей (они тогда еще верили в нее) революции.

Между тем, напротив, именно общедемократический переворот, раскрепощающий общину, — т. е. как раз то, от чего уходили плехановцы, — вот ведь что считал наиболее вероятным Маркс для России (в частности, в письме его В. Засулич от 8 марта 1881 г.).

Публикатору рукописного наследия Маркса, Вам-то бы, наверное, следовало помнить: Маркс в письмах к Н. Ф. Даниельсону уже в 1873 г. высказался об общине как именно о решающем факторе в истории России. В 1873-м он уже отверг ошибочную позицию Б. Н. Чичерина о якобы фискальном происхождении русской общины в относительно позднее время. Однако именно эта концепция была принята Плехановым. И потом — Лениным! С начала 1890-х гг. и вплоть до августа-сентября 1917 г. стоял Ленин на чичеринской же позиции в оценке происхождения общины. И судеб ее.

Если исходить из Вашего взгляда, получается, что Плеханов перестал быть народником только в 1883 г. Тогда, собственно, чем же можно объяснить, почему он именно отверг аналогичные идеи Чернышевского и Маркса о России? Не очевидно ли совсем другое: получив письмо Маркса от 8 марта 1881 г., — если бы Плеханов и его группа действительно продолжали оставаться народниками, — они просто не могли бы такому ответу не обрадоваться. Поддержка им ведь от самого Маркса! А они до конца дней своих письмо это никому не показали... Ни единой ссылки на него в их публикациях. Случайно? Полноте! Полноте!

В том и проблема: Плеханов, Засулич, их товарищи, решив обратиться к Марксу, еще не догадывались об истинной его позиции по вопросу о путях России. Прочитав первый том «Капитала», они пришли к убеждению как раз в обратном — в том, что Маркс якобы просто не может поддержать народников... Поскольку они — против капиталистического развития России.

Остановимся также и на еще одном обстоятельстве.

Ведь ни Вы и ни кто-либо из Ваших единомышленников и предшественников никогда не обращались (по крайней мере, в опубликованных работах) к тексту известной статьи Н. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» (ж. «Отечественные записки», 1877 г., № 10). Между тем ее содержание решительно не таково, каким Вы его рисуете своим читателям (без всяких доказательств).

Сама же по себе статья Михайловского тем не менее не могла не вызвать интереса, прежде всего, в среде тогдашних народников, позицию которых защищал ее автор. Плеханов и его товарищи до 1884 г. еще просто не знали о существовании письма Маркса от 1877 г. в «Отечественные записки» по по-

воду этой знаменательной статьи. Но они ведь никак уж не могли не знать упомянутую публикацию Михайловского: «Отечественные записки» тогда были, в сущности, народническим журналом. Плехановцы поначалу и не спорили с этой статьей, пока не было Ф. Энгельсом им передано письмо Маркса также и от 1877 года.

Это понятно, ибо в момент появления статьи Михайловского они были и сами еще народниками. Статья Михайловского будет предметом моего анализа в дальнейшем, а сейчас затрагиваю ее в связи лишь с тем, что она выражала общие позиции российского народничества. Ее идея: «Капитал» — великое произведение, но книга эта не о России. И не для России. Если она и годится для России, то не скоро, когда в России действительно случится пролетаризация крестьянства. А этого, как полагал Михайловский, вообще не должно случиться. Напомню, Маркс не только не оспаривал в своем письме в «Отечественные записки» этих положений Михайловского (оспаривал не эти), но как раз обосновывал наибольшую вероятность того, что Россия пойдет самобытным путем, т. е. с сохранением решающей роли русской крестьянской общины.

Не торопитесь разводиться руками: все это мною будет далее доказано.

Самое же важное для понимания психологического настроения Плеханова и его группы — это публикация в 1875 г. брошюры Ф. Энгельса «О социальном вопросе в России». Правда, она привлекла их внимание позже, а в первые годы после ее выхода на немецком языке они ее и просто не читали — были увлечены другими идеями. Но потом-то очаровались ею! В ней и высказана, в этой брошюре, — к тому же в столь яркой форме — концепция, в сущности, сбившая Плеханова (и его друзей) с толку. Стало быть, Энгельс, — вот кто первым стал обосновывать точку зрения на перспективы России в самом принципе, в корне отличающуюся от позиции Маркса по этому вопросу... Факт — очевиднейший! Хотя и воспринимается как фантастика.

Маркс же тогда еще не писал (открыто) о судьбах России. Исследовал вопрос. А его переписка с Даниельсоном была неизвестна еще долго. А вот Энгельс — высказался! Высказался крайне ошибочно. Между тем существовало убеждение, что Маркс и Энгельс по их позиции — это как бы одно лицо: раз Энгельс говорит, значит, Маркс с этим согласен. Ваш излюбленный это прием, Раиса Павловна?

Энгельс в брошюре «О социальном вопросе в России» возгласил: община станет важнейшим фактором в жизни будущей России «лишь в том случае, если в Западной Европе, еще до окончательного распада этой общинной собственности, совершится победоносная *пролетарская* революция» (Соч., т. 18, с. 546; курсив мой. — Г. К.).

Вот где прозвучало оно, первое слово... «До распада...» Сказано это в 1875 году. Об обмене мнениями (предварительном) по этому вопросу между Марксом и Энгельсом лично у меня сведений нет. Может, у Вас они имеются? Чего же молчите?

Стало быть, у Плеханова и его группы было предостаточно оснований ожидать: в ответе на письмо Засулич от 16 февраля 1881 г. Маркс встанет, конечно, на такую же позицию, как и Энгельс...

Социал-демократы не заметили или, возможно, проигнорировали то, что Энгельс в уже названной его брошюре сделал явный тактический зигзаг. В предисловии к ней, написанном месяцем позже самой брошюры, он заявил:

«Никакая революция в Западной Европе не может окончательно победить, пока поблизости существует современное российское государство. Германия же — ближайший его сосед, на Германию, стало быть, обрушится первый натиск армий русской реакции».

Далее же — вывод, который, в сущности, отбрасывает смысл ранее приведенных его же слов (о том, что революция должна произойти сначала в странах Западной Европы): «Падение *русского* царизма, уничтожение Российской империи является, стало быть, *одним из первых условий* окончательной победы немецкого пролетариата» (Соч., т. 18, с. 567; курсив мой. — Г. К.).

Но, согласно Марксу, падение царизма могло произойти тоже только в результате русской народной революции и свержения царизма...

Маркс до конца дней своих стоял как раз на этой позиции... Энгельс же, как увидим далее, довольно скоро вернулся к тому взгляду, что главное решится в России только через Запад... Самостоятельной судьбы у нее, мол, нет. Разве Вы не заметили этого зигзага Энгельса? То ли с ним еще будет... «Вторая скрипка» вовсе нередко играла совсем иную мелодию.

Как бы там ни было, а Плеханов и его товарищи, будто заколдованные ошибочной брошюрой Энгельса о России, вряд ли могли предполагать, что, отвечая на письмо Засулич, Маркс поддержит (и даже разовьет) вовсе не их новообретенную (в духе «Капитала») позицию, а — как раз наоборот! — их вчерашний, *народнический* взгляд...

Получается, стало быть, что письмо Засулич от 16 февраля 1881 г. отправлено Марксу было не для того, чтобы приобрести в его лице союзника русскому народничеству, а чтобы легализовать Маркса в качестве единомышленника русских «марксистов».

Их стратегия в этом и определилась полностью: Россия, согласно их новому взгляду, пройдет от начала и до конца по дороге капиталистического развития. В этом и только в этом — закон истории, полагали они.

Вдруг — гром буквально с ясного неба: исходя из своих убеждений, Маркс в своем ответе им ударил именно по этой причудливо «марксистской» позиции своих новоявленных русских «учеников». Заявил им: *позиция «Капитала» — это же не для русских условий!* Маркс мог бы и повторить здесь известную фразу, адресованную им ранее тем, кто столь же резко искажал его взгляды: «Если это — марксизм, то я — не марксист...» Именно так оценил он утверждения, согласно которым Россия пройдет до последнего конца по дороге капиталистического Запада. Минуло уже более 100 лет с того времени — не пошла. И не пойдет!

Вот в этом-то его значении — полной и разочаровывающей неожиданности — и предстало ответное письмо Маркса пред ясны очи Плеханова и его группы. Хотя Вы, Раиса Павловна, и Ваши сторонники пытаетесь всю жизнь доказывать совсем иное, а Маркс проводил опровергающую Вас идею: политическая и экономическая сущность взглядов его применительно к России — это его учение о решающей роли коллективистской крестьянской общины в предстоявших тогда судьбах нашей страны.

Для Плеханова и его группы, — а эти люди к моменту получения ими ответа Маркса, не забудем, уже отошли от народничества, готовясь к созданию марксистского движения в России (в соответствии с их новой убежденностью именно в том, что страна уже вступила на западноевропейский тракт и никто ее

с этого пути не сдвинет), — для приверженцев плехановской концепции признание Маркса (что его «Капитал» к тогдашней России, в сущности, не имеет отношения) могло принести лишь самое глубокое и безутешное разочарование. Если не больше! Фактически не мог не встать перед ними поистине гамлетовский вопрос: быть им или не быть? Но — как быть, если письмо Маркса будут знать другие люди? И как же при этом называть себя его «учениками», если есть этакое письмо?..

Вас, Раиса Павловна, видимо, даже и не занимали эти вопросы? Вы публиковали рукописи Маркса, а их надо же и верно комментировать! А Вы-то, выходит, и того не заметили, что не только Плеханов оказался против Маркса в вопросе о России, но и Энгельс... Вот именно от этого альянса (Плеханов — Энгельс) очень многое зависело. Энгельс раньше всех из марксистов стал предвещать России ее якобы predetermined шествие вслед за Западной Европой. Мало того, после смерти Маркса в суждениях о России Энгельс, между прочим, не однажды оказывался и под *обратным* влиянием Плеханова — «великий Джордж» был, как известно, гениальный собеседник и не менее гениальный стилист. Этим он сразу же пришлось по душе умевшему ценить остроумие и юмор универсалисту Энгельсу и, конечно, стал наиболее влиятельным для него источником информации о России. Поскольку же Энгельс много раньше его высказал идею о решающей роли именно Западной Европы в перспективах России, то (по крайней мере, после смерти Маркса) Плеханов уже не мог не находить в единомыслии Энгельса по «русскому вопросу» уравнивающую поддержку для себя. А может, также и моральное оправдание?

Пока, впрочем, воздержусь от категорического вывода. Приглашаю Вас обратить внимание и на следующее. Плеханов был исключительно внимателен (и целенаправлен) в своих рекомендациях Энгельсу по части «русских дел». Он убийственно и зло характеризует в письмах к Энгельсу каждого, кто не из ряда его единомышленников. Особенно народника Н. Ф. Даниельсона, постоянного русского корреспондента Маркса (а также и Энгельса). И Энгельс, в конце концов, меняет свое отношение к Даниельсону — собственно, последнему из тех, кто пытался (в частности, и в письмах к Энгельсу) отстаивать точку зрения Маркса на Россию... Между тем именно Даниельсону писал Маркс об общине уже в 1873 году! Собственно, Даниельсон был единственным, кто (из не входивших в окружение Плеханова и Энгельса людей) знал истинную (в смысле — тогда еще не опубликованную) позицию Маркса о России...

Энгельс обретает, стало быть, весьма одностороннюю и вдобавок *тенденциозную* информацию от Плеханова. Через все ту же Засулич Энгельс получает в 1885 г. книгу Плеханова «Наши разногласия», в которой ее автором беспощадно уничтожаются народники, а без упоминания имени — фактически и... сам К. Маркс! Однако Плеханов не мог же в самом деле запомнить содержание утаенного им и его группой письма Маркса, где на главный вопрос — каким путем вероятнее всего пойдет Россия — дается ответ, что ее «пунктом возрождения» будет все-таки община. В книге «Наши разногласия» Плеханов поет безудержные дифирамбы именно Энгельсу за его поистине *роковую для России* идею о том, что судьба России якобы полностью зависит не от себя, а от Западной Европы... Выходит, точку зрения одного основоположника Плеханов элементарно спрятал, а точку зрения основоположника другого, игравшего «вторую скрипку», — восхваляет! А позже, как только обнаруживается

другое провидческое письмо Маркса (в «Отечественные записки», от 1877 г., тоже о России), Плеханов ведь пытается убедить всех и вся в том, что и Маркс другого пути для России якобы тоже не видел...

Углубление конфликта в связи с извращением позиции Маркса идет все быстрее. Уже в 1885 г. — в отличие от Маркса, ни единого раза не отзывавшегося о народниках России отрицательно, — Энгельс высказывается о социал-демократах и народниках так: «Я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия (группа Плеханова. — Г. К.), которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса (против этого утверждения Маркс и выступал, обозначив для России альтернативу. — Г. К.) и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими (народническими. — Г. К.) традициями своих предшественников».

А далее — нечто совсем противоестественное: «И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше».

Наконец: «Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России» (Соч., т. 36, с. 260).

Ошибка на ошибке! Маркс же, напротив, критиковал позицию русских социал-демократов... А не народников.

Плеханов тем не менее получил, как видим, все, к чему стремился: Энгельс не просто одобрил всю его позицию, но и заявил о том, что именно плехановцы — и никто иной! — наследники и продолжатели дела Маркса в России...

Не результат ли это того, что Энгельсу письмо Маркса о России (ответ В. Засулич) так никогда тоже ведь не было показано? И от него было скрыто! По-Вашему, это что — детские шалости? Дороговато они обошлись.

В приведенных мною словах роль Энгельса выглядит произвольно, но все-таки унижительной. Получается, он пишет как бы на заданную Плехановым тему... Сделав в 1875 г. важную оговорку (во введении к своей брошюре «О социальном вопросе в России»), ненадолго сблизившую его с позицией Маркса «по русским делам», а потом и прямо встав на точку зрения Маркса, как видим, Энгельс тут вдруг по меньшей мере нейтрализует смысл спрятанного плехановцами письма Маркса. Он снимает всякую необходимость в нем. И даже более: письму этому просто не остается места, где бы оно жило именно той жизнью, какая была предназначена ему Марксом... Энгельс (не зная о том) зачеркнул смысл изъятого плехановцами из духовного оборота письма Маркса. Вот дела-то какие...

Сам ход событий делал все менее возможной публикацию письма Маркса — по крайней мере, при жизни тех, кому оно было написано. Одна неправда тянет за собой другую... При очерченных обстоятельствах публикация письма Маркса от 8 марта 1881 г. неизбежно сделала бы и Энгельса в глазах общественности *оппонентом* Маркса. Все тут не просто.

Выходит, дело не только в том, что письмо Маркса — неприемлемое, потому его спрятали. Беда еще и в том, что в дискуссии о России и оценке ее судьбы между самими Марксом и Энгельсом возникло поистине непримиримое расхождение. Здесь заложена одна из предпосылок последующего раскола в рядах возникавшей тогда российской социал-демократии. Она рождалась, в сущности, как искусственно создаваемый антипод действительно российской, отечественной демократии.

Могло ли все это быть, если бы было опубликовано (или хотя бы не скрывалось) письмо Маркса к В. Засулич от 8 марта 1881 г.?

Возможна ли была бы и книга Плеханова «Наши разногласия» в том виде, в каком она появилась, если бы это письмо Маркса не было утаено? Да и вообще вся борьба Плеханова против народничества — какой характер она приняла бы (должна была принять), не оказись скрытой от общественности концепция Маркса о судьбе России?

Далее покажу, как прятался ими, искажался также и смысл других писем и работ Маркса, коль скоро они касались России.

С полным основанием можно сегодня утверждать: марксизм непоправимо длительное время стараниями комментаторов его и мнимых последователей был повернут к России *«нерусской»*, *неорганичной* для нашей страны гранью. Это, строго говоря, не марксизм. Подлог.

Можете ли Вы себе представить, Раиса Павловна, ситуацию, когда бы Плеханов, ознакомившись с письмом Маркса от 8 марта 1881 г. и увидев, что оно ниспровергает только-только им принятую «западноевропейскую вариацию» судеб России, тут же и повел бы борьбу не против П. Лаврова, Н. Михайловского или П. Ткачева, как он это сделал, а *открыто против самого Маркса*? При этом, однако, называл бы себя его «учеником»...

Достаточно поставить вопрос так — и мы поймем, что в исчезновении письма Маркса никакой случайности не было. Надежда же на сохранение тайны — оставалась.

Факт пропажи письма есть. Плеханов был крайне самоуверенным человеком. Уверовав в «учителя», он стал «роялистом больше, чем сам король»... Не счел ли он, что он-то Россию-матушку знает куда как лучше, чем Маркс? Ведь с переходом на марксистские позиции по отношению именно к капитализму (как формации) он одновременно расстался с исповедовавшейся им перед тем идеей о возможности крестьянской революции в России, т. е. как раз с мыслью Маркса об общине как «об отправном пункте» российского социального возрождения. Плеханов ушел от Чернышевского, а Маркс — несколько раньше — к Чернышевскому пришел. Плеханов шел к унификации (признанию того, что никакой самобытности в судьбах России, кроме ее отсталости, нет), а Маркс двигался к открытию в русской самобытности реальной альтернативы буржуазному Западу. Вот в чем коллизия. Изначально трагическая.

Сила отталкивания Плеханова от его народнической позиции из-за отмеченного мной как бы даже удваивается.

Как бы ни было, а концепция судеб России, созданная Марксом, оказалась — в наиболее четком ее изложении (письмо от 8 марта 1881 г.) — изъятой из поля зрения российских (и других) революционеров того времени. Не говоря уже о тогдашнем общественном сознании, которое этим изъятием было дезориентировано и лишено защиты от распространявшихся позднее ошибочных идей. Действительно *«русская идея» революции была потеряна*.

События же, естественно, пробивали себе дорогу независимо от их непонимания. Но и до сих пор мало кто видит, что Октябрь 1917 г. — это и есть тот процесс, создавший условия не для западноевропейского развития России, а для того, чтобы восстановившаяся после принятия Декрета о земле крестьянская община действительно стала «точкой опоры социального возрождения России». На основе общины как исторически естественной формы производственной кооперации, в сочетании ее с НЭП и с допущением других экономических укладов жизни, страна наша совершила поистине обнадеживающий подъем в 1921—1928 гг. Дальше же произошло нечто вновь иррациональное... Ясно,

однако, что Сталин и его подручные и вообще все ложно убежденные люди того времени, как это ни кажется сегодня парадоксальным, осуществили все-таки губительную пролетаризацию нашего крестьянства: через посредство раскулачивания миллионов и миллионов, пресловутый «оргнабор рабочей силы» и, конечно, бегство из деревни в город. Это, правда, тоже не «западный» вариант, но уже и никак не общинная самобытность. Синтезированное (и восточное, и западное, и свое) насилие — вот это что.

То, что оказалось не по зубам развитию буржуазных отношений, лишь пошатнувших первобытную русскую общину, то, к прискорбию, совершила сталинская коллективизация, уничтожившая былую общину полностью и заменившая ее казармой... Это — возврат к «военному коммунизму» на другом этапе. В сочетании с другими сталинскими «мероприятиями», губительными для отечественного «архаичного» социализма, «раскрестьянивание» России составило целую эпоху сталинской контрреволюции, нанесшей общинным завоеваниям Октября 1917 г., возможно, и смертельный удар.

Впрочем, это требует особого рассмотрения. В первом моем этом письме к Вам я ставил перед собой одну только цель — обозначить своего рода криминогенность самой исторической ситуации, в которой даже великие откровения ничем, в сущности, не защищены от возможности уничтожения их. Разве полное изъятие Сталиным из поля зрения людей, к примеру, целого ряда последних завещательных писем В. И. Ленина — имело менее губительные последствия? Политика — по преимуществу — дело грязное. Мерзкое. Есть ли основания полагать, что ныне это не так?

Около половины рукописного наследия Маркса и Энгельса еще и не опубликовано... Вас бы, как «публикатора» их рукописей, и спросить: почему?

В последующих письмах надеюсь остановиться на более конкретных фактах, раскрывающих в том числе и исторические последствия изъятия самого учения Маркса о «русской альтернативе».

Ни Вам и никому персонально я не хотел бы причинить незаслуженных переживаний. В полном к Вам почтении пребываю.

Г. Куницын — с Вашего позволения, историк и публицист,
 доктор философских наук, профессор Литературного института
 им. А. М. Горького СП СССР.
 12.IX.1990 г.

Письмо второе

*Дом, который много стоил,
 Походил на Парфенон,
 Но отнюдь не красотой,
 А количеством колонн.*

Н. Глазков

Глубокоуважаемая Раиса Павловна!

Вы, конечно, понимаете, что, не будь Вашего публичного возражения — с попыткой опровергнуть написанное в моей статье «Утаенное письмо» (ж. «Диалог», № 7, 1990), — я не стал бы докучать Вам своими столь не интимными письмами. Правда, разговор этот все равно бы когда-нибудь состоялся, ибо,

как я уже писал Вам, в рукописях моих прошедших лет, когда меня по требованию партаппаратчиков не печатали, я безответно полемизировал именно с Вами. Рукописи те, надеюсь, когда-то увидят свет.

Следуя логике предыдущего, первого моего письма к Вам, я хотел бы сначала задержать Ваше квалифицированное внимание на самой, что ли, технологии продуманного кем-то процесса, в ответвлениях которого скрылось на десятки лет письмо Маркса о России от 8 марта 1881 г. И исчезла в целом вся его концепция о «русском» пути развития. Это деяние очень и очень сильно обеднило (и деформировало) марксизм: подобной операцией он был сведен к теории лишь капиталистического способа производства. Вопрос же об «азиатском» (общинном) образе жизни (не без участия Ваших единомышленников) был исключен во всех учебниках из анализа наиболее значительных исторических ступеней развития человечества. Между тем «азиатским» способом производства Маркс называл именно патриархально-крестьянскую общину, предшествовавшую и рабовладению, и феодализму. Предшествовавшую! Исчезло и всякое упоминание о том, что вовсе не рабы или рабовладельцы, а крестьянство — вот самый ранний, самый первый класс в истории. Крестьянство — творец национальных языков. Крестьянство — творец героического эпоса. Крестьянство — это самая древняя основа государственности. Крестьянство — создатель самой первой, пока тогда безэксплуататорской частной собственности. Крестьянство — колыбель человеческой цивилизации. Крестьянство — это и возникновение семьи как самой ранней ступени в развитии патриархата. При неизбежной его эволюции дожившего до сих пор...

Крестьянство России на этой (именно ранней) стадии — имея в частной (индивидуальной) собственности лишь дом и подворье, но сохраняя коллективистскую общину с ее общей собственностью на землю, пастбища, луга, выгоны, леса, дороги и т. п., — дожило почти без изменений до реформы 1861 г., а потом — до трагического 1929 г. Это была самая стабильная социальная справедливость в истории. Именно справедливость.

Вот почему Маркс и размышлял над тем, что Россия, оставаясь общинной, уже не имеет исторического времени для прохождения через стадию капитализма... В набросках письма к В. Засулич (от 8 марта 1881 г.) он указывает и на то, что в Западной Европе коллективистская община перестала существовать уже тысячу лет тому назад. Ее сохранение в России до XX в. говорит о том, что частная собственность на землю возникла в Западной Европе на целую тысячу лет раньше, чем в России... Впрочем, в России она не возникла и до сих пор! Не ясно ли, почему капитализм в Западной Европе сложился так рано?!

Посмотрите же, как Плеханов пытается закамouflировать именно эти обстоятельства посредством «исповеди» о своем собственном мировоззренческом прошлом. Вот так отвечает он на тот же вопрос, который сформулирован в письме В. Засулич к Марксу от 16 февраля 1881 г. (он в это время, в 1884 г., уже, конечно, многократно перечитал упомянутое письмо):

«Итак, “должна” или “не должна” Россия пройти через “школу” капитализма?»

Решение этого вопроса имеет огромную важность для правильной постановки задач нашей социалистической партии. Неудивительно поэтому, что на него давно уже было обращено внимание русских революционеров. До самого последнего времени огромное большинство их склонно было категорически ре-

шать его в *отрицательном* смысле. Я также отдал дань общему увлечению и... старался доказать, что "история вовсе не есть однообразный механический процесс", что капитализм был необходимым предшественником социализма *лишь* "на Западе, где поземельная община разрушилась еще в борьбе с средневековым феодализмом"; что у нас, где эта община "составляет самую характерную черту в отношении нашего крестьянства к земле", торжество социализма может быть достигнуто совсем другим путем: *коллективное владение землею может послужить исходным пунктом для организации всех сторон экономической жизни народа на социалистических началах*» (Избранные философские произведения, М., 1956, т. 1, с. 133; курсив мой. — Г. К.).

Сразу скажу, что выделенные мною слова в цитате из Плеханова полностью соответствуют смыслу из утаенного письма Маркса: «Специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община (у Плеханова сказано: "коллективное владение землею". — Г. К.) является точкой опоры социального возрождения России» (Соч., т. 19, с. 251; курсив мой. — Г. К.).

«Исходный пункт», «точка опоры»... Похоже? Это же сказано и у Н. Чернышевского. На учение Чернышевского о России Маркс и ссылался. И не один раз. Но, соглашаясь с ним, Плеханов поощряет себя за отход от этих идей...

Дело еще и в том, что Плеханов привел те свои прежние народнические суждения, которые по смыслу и словам совпадают не только с положениями Чернышевского, но — это ли не примечательно? — и с мыслями опять-таки из письма Маркса к В. Засулич от 8 марта 1881 г. А также с одной из важнейших идей неотправленного письма Маркса в «Отечественные записки» (оно было Плеханову в 1884 г. уже известно). Не слишком ли много совпадений?

А ведь привел-то Плеханов эти положения с позиции самого прямого и решительного отрицания их истинности! Только опять без упоминания имени Маркса... Текст Плеханова (процитированный) написан в 1879 г. (ж. «Земля и Воля», № 3). И ладно бы! Но ведь он именно эту позицию (свою и Маркса) в 1884 году-то высмеивает... Самокритично это? Ни в коем случае. В том-то и проблема, что высмеиваемая Плехановым позиция и есть, повторяю, *позиция Маркса по отношению к России*, выраженная им в письме к В. Засулич.

Таким образом, столь весело расставаясь со своим народническим прошлым, Плеханов, в сущности, расстается и со своим «учителем»... Пишет он эту свою тактическую «самокритику» в момент, когда копии обоих «русских» писем Маркса (к В. Засулич и в «Отечественные записки») находятся у него!

Вот почему в статье «Утаенное письмо» — в связи с тем, что Плеханов, критикуя народников, *бил и по Марксу*, — я привел пословицу: «Свекровь кошку бьет, невестке повестку дает...» Пикантная ведь ситуация: в книге «Наши разногласия», а потом и в других своих работах Плеханов сознательно *хоронит заветы Маркса относительно России*. Но разносит-то всюду открыто, конечно, только народников. Не мог он не чувствовать разницу в весовых категориях с Марксом...

Перед нами, стало быть, и в самом деле весьма и весьма сложный исторический детектив, связанный с похищением из сферы обращения идей именно той концепции судеб России, которой нам, россиянам, всегда и недоставало, чтобы верно понимать, куда нам надо, а куда не надо стремиться идти. Поскольку привыкли поклоняться именно иноземным авторитетам.

Особо отмечу еще один момент: письмо Маркса от 8 марта 1881 г., где эта концепция изложена со всей четкостью, так и не стало известно Ленину. А после того, как Ленин все-таки сам пришел к тем же идеям, выразив их в своем понимании всеобщего кооперирования и НЭП, то и ленинская концепция, объективно совпадающая с концепцией Маркса, тоже была закрыта на замок... На десятки и десятки лет. Такое совпадение! Совпадение ли? А может, всякая политика в грязных обстоятельствах становится грязной?

Ленинская концепция, как и концепция Маркса, полностью была опубликована только после смерти всех участников трагедии. Зловещая это повторяемость... Печально, а русская социал-демократия вырвалась на свет божий на фоне мрачных отсветов нечаевщины, и ничего не изменилось оттого, что Плеханов и Засулич — потомственные аристократы.

Загадочна Россия во всем: в вопросе о ее судьбах она противопоставила друг другу даже Маркса и Энгельса! Но так благоговели перед ними российские социал-демократы, что, похоже, многие вообще этого не заметили! И не замечают — тем более сегодня...

Разойдясь с Марксом в трактовке «русского вопроса» в 1875 г. (в брошюре «О социальном вопросе в России»), Энгельс, как я отмечал, на короткое время, но вновь (именно вновь!) встал на позицию Маркса в 1882 г. — произошло это, когда письмо Маркса к Засулич (о роли общины) от 8 марта 1881 г. уже существовало, но Энгельс о нем тоже не знал... Он не знал пока и о письме Маркса в «Отечественные записки» от ноября 1877 г. по поводу статьи Н. Михайловского (сам он увидел это письмо впервые только в 1884 г., при запоздалом разборе архива умершего Маркса).

А события-то развивались! В 1882 г. Плеханов перевел на русский язык «Манифест Коммунистической партии» — стремился поскорее представить русскому читателю именно «западноевропейский» аспект марксизма и тем самым снять проблему «русского» (по тенденции «восточного») варианта этого учения. Зная о весьма уважительном отношении Маркса и Энгельса к народнику П. Лаврову, Плеханов попросил его обратиться к ним обоим с предложением написать предисловие к этому изданию «Манифеста». Но в это же самое время письмо Маркса от 8 марта 1881 г. ведь уже лежало у группы Плеханова — запрятанное. А в нем — главная «русская проблема», растолкованная Марксом. Письмо же от 1877 г. в «Отечественные записки» пока тоже еще было никому не известно. Но все равно Плеханов (из письма Маркса от 8 марта 1881 г.) уже знал: позиция Маркса рушит его, Плеханова, «западническую» концепцию о судьбах России... Знал! И — нигде ни слова в эти два года: ни о новой для себя, ни о прежней его точке зрения не говорит. Молчит. А противоположную точку зрения Энгельса излагает всюду... Стремится издать на русском языке, между прочим, только и только то, что у Маркса связано с проблематикой анализа капитализма в Западной Европе.

Плеханов начал с перевода «Манифеста». Но перед тем был переведен и первый том «Капитала» (Н. Даниельсоном). Между тем опубликовать-то надо было в первую очередь оба провидческих письма о России...

Разумеется, со стороны Плеханова ожидать, что в предисловии Маркс и Энгельс скажут что-нибудь актуальное именно по поводу развивающегося российского капитализма, было вполне естественно: община-то действительно ведь вытягивалась во все более плотные слои буржуазных отношений.

Этого Плеханов от них, конечно, и ожидал.

Оправдались ли надежды? Ни в какой степени! Плеханов получает новый мощнейший удар. О перспективе развития капитализма в России в предисловии к этому русскому изданию «Манифеста», в сущности, нет ни единого высказывания... Текст же этого предисловия, между прочим, писал к тому же один Маркс. Энгельс его просто подписал. Неизвестно, были ли у него споры с Марксом, — текст согласованный. И написан он в соответствии опять-таки с основным содержанием запрятанного плехановцами письма Маркса от 8 марта 1881 г.

Маркс продолжает тут развивать ту же идею, которую он уже изложил в письме к В. Засулич. Глянем на «Манифест» в бесчисленный раз: «Рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной собственностью мы находим в России большую половину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?» Т. е. пролетаризироваться по преимуществу.

Надеюсь, узнаете: ведь этот вопрос является здесь лишь иным словесным выражением все того же вопроса, на который Марксом дан ответ в его гениальном письме к Засулич. В неприятных для Вас набросках к письму Маркс не один раз приближается к цитируемым мною здесь его текстам. И, наконец, вот — дана формула.

Выглядит она так: «Единственный возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. *Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития*» (Соч., т. 19, с. 305; курсив мой. — Г. К.).

Возможно, Марксу со стороны Энгельса и были высказаны новые соображения о том, что если на Западе вообще не произойдет (в ожидаемый период) революции, то это будет служить чрезмерным препятствием и для того, чтобы победила революция русская. Как бы ни было, но здесь возникает тоже новый аспект: русская революция может, кроме решения своих проблем, послужить именно сигналом для западноевропейской революции (русская — крестьянская; западноевропейская — пролетарская). Разве не ясна Вам именно очередность: сначала — русская революция, а потом — западноевропейская? Да и вспомним: произошла-то сначала действительно русская. А Вы до сих пор киваете на Запад...

События же давно состоялись! Главная идея Маркса о России была не только сохранена в его предисловии 1882 г. к русскому изданию «Манифеста», но и подтверждена тем, что революция свершилась и победила сначала в России. Вы же, несмотря ни на что на свете, десятки лет упоенно доказываете, что революция победит сначала на Западе...

Другое уж дело, во что все это потом вылилось. Нет гарантий у людей от извращения любого вообще процесса, а значит — и от его поражения. Но именно эта идея Маркса (русская революция — «сигнал») позже легла и в

основу ленинской концепции «мировой революции». К тому же Октябрьская революция 1917 г. в России действительно послужила сигналом для революций в ряде стран Запада. В Германии, Венгрии, Баварии. Дело лишь в том, что одного этого сигнала оказалось недостаточно для возникновения общеевропейской революции. Но вероятность-то ее существовала. Европа была на грани. И напротив, теперь, в конце XX в., мы, можно сказать, исчерпали всю свою «сигнализацию», а на Западе вновь и вновь происходит неиссякающий процесс стабилизации их капитализма. Это вовсе не то, что можно было бы с каким-то основанием назвать вызреванием так и не случившегося у них свержения буржуазного строя. Да и свержением ли окажется дальнейший прогресс? Скорее — очередным преобразованием.

Но тогда-то, в 1880-е гг., идея о том, что «Россия начнет», а «Германия доделает», — тогда подобная очередность событий всего лишь осмысливалась, была у своего истока, и в самом-то марксизме была лишь в голове Маркса... И тут — приспела его смерть. Одновременно началась сильнейшая активизация только-только зародившейся в те месяцы русской социал-демократии. Эта последняя, собственно, и появилась-то на свет в облике именно «западной» ее ориентации — на «Манифест» и «Капитал». Это не была ориентация на отдельную для нашей страны (именно на основе осмысления ее исторического опыта) концепцию самобытного «русского пути». Если и тут взглянуть на уже закончившийся ряд конкретных событий, то этот общинный, первобытный, уравнилельный коллективизм (по Марксу — «архаический коммунизм») и был реально возрожден в результате введения в действие Декрета о земле от 26 октября 1917 г., а потом — и Закона о социализации земли. Напомню, по раннему истоку — это идеи Пестеля, Герцена, Чернышевского.

Однако это — именно реальные судьбы России. В дальнейшем я еще отдельно затрону эту проблему в связи с письмом Маркса в «Отечественные записки».

Сейчас придется обозначить яснее линию взаимодействия: Энгельс — Плеханов. Линию, поистине оказавшуюся роковой. Согласившись в 1882 г. с написанным Марксом предисловием ко второму русскому изданию «Манифеста», Энгельс тем самым формально присоединился к противоположной ему позиции Маркса о России. На какое-то время он отказался от прежней своей позиции, изложенной им в цикле статей «Эмигрантская литература» (а после — в упоминавшейся брошюре «О социальном вопросе в России»), где он резко и пренебрежительно критиковал взгляды народника П. Ткачева, опять-таки во многом близкие Марксу (в трактовке общинных «русских дел»). Теперь же, после присоединения к «русской» позиции Маркса (в 1882 г.), Энгельс стал какое-то время вновь придерживаться общих с Марксом «русских» взглядов. К сожалению, ему не удалось их сохранить. Он быстро их отбросил. Он явно менее глубоко видел слои народной жизни России, чем Маркс. К тому же его вновь и вновь стали втягивать в спор о «русских» проблемах. И народник Даниельсон, который был некогда во взаимно доверительной переписке с Марксом, и глава российских марксистов Плеханов, быстро ставший близким Энгельсу. Надо было делать выбор...

Я уже напоминал, что Даниельсон, возможно, прежде и лучше кого-либо знал именно о поддержке Марксом главного тезиса народников: о *буквально судьбоносной роли русского крестьянского образа жизни* — сельской коллек-

тивистской общины. Ведь именно Даниельсону писал Маркс в 1873 г. о том, что община, подобная русской, когда-то была (а где-то еще и является) ступенью развития вообще всех народов земного шара. А позже так случилось, что Даниельсон был вынужден наблюдать, как от имени Маркса разделяется Плеханов ни с чем иным, а как раз с *этой идеей* Маркса... Естественно, он обратился за разъяснениями к Энгельсу.

Не любопытно ли и то, что Плеханов всячески в своих письмах к Энгельсу в это же самое время намеренно унижает Даниельсона (в то время еще явно более, чем Плеханов, почитаемого в среде русских революционеров).

Все же Энгельс долго и подробно (и противоречиво) отвечает на обстоятельные письма Даниельсона. Он пишет, расщедриваясь каждый раз на какую-то частицу новой информации о своих отличающихся от Марксовых взглядах: «Мне кажется очевидным, что крупная промышленность в России убьет земельную общину, — пишет Энгельс, — если только не произойдут ныне великие перемены, которые помогут сохранить эту общину. Вопрос о том, успеет ли произойти такая перемена в общественном мнении России, которая сделала бы возможным развивать при сохранении общины современную промышленность и современное земледелие и в то же время видоизменить ее так, чтобы она могла стать подходящим и удобным орудием для организации этого современного производства и для его преобразования из капиталистической формы в социалистическую? Согласитесь, что для того, чтобы можно было хотя бы только подумать о свершении такого преобразования, должен сначала произойти громадный прогресс в общественном мнении вашей страны. Успеет ли это произойти прежде, чем капиталистическое производство вместе с последствиями нынешнего кризиса подорвет общину слишком глубоко? Я ничуть не сомневаюсь в том, что в очень многих местностях община оправилась от удара, полученного ею в 1861 году... Но сможет ли она выдержать непрерывные удары, которые наносит ей промышленный переворот, неудержимо развивающийся капитализм, разрушение домашней промышленности, отсутствие общинных прав на пастбища и леса, превращение натурального крестьянского хозяйства в денежное, рост богатства и власти кулаков и мироедов?» (Соч., т. 38, с. 315—316).

Теперь вот, как видим, и Энгельс затронул многое проясняющую проблему исторического времени для будущей России. Он не мог этого не сделать. Он отвечает, в сущности, опять-таки на тот же вопрос, сформулированный Засулич в 1881 г. для Маркса... Отвечает спустя одиннадцать лет после ответа Маркса. В общей же сложности Энгельс создает в своих трудах тоже детальный текст по той же неизбывной «русской» проблеме. Но какой?

Сделаем необходимые сопоставления. И они внесут немалую ясность.

Энгельс, как и Маркс, отвечает на вопрос о России в форме гипотетической. «Если...», «если бы...». Если произойдут определенные перемены в России, то община не погибнет... А какие? А произойдут ли?

У Маркса ожидаемые перемены выглядят, однако, вот так: «*Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция.* Впрочем, те, в чьих руках политическая власть и социальные силы, делают все возможное, чтобы подготовить массы к такой катастрофе» (Соч., т. 19, с. 410; курсив мой. — Г. К.). Она случилась в 1929 году.

Будто сегодня это сказано: гибель общины названа катастрофой. Теперь мы слишком хорошо это знаем — *катастрофа*.

Мысль о сохранении общины, однако, тоже не случайна. Маркс много раз возвращается именно к ней. Полезно вслушаться.

«И в то время как обескровливают и терзают общину, обеспложивают и истощают ее землю, — размышляет он, — литературные лакеи “новых столпов общества” иронически указывают на нанесенные ей раны, как на симптомы ее естественной и неоспоримой дряхлости, и уверяют, что она умирает естественной смертью и что сократить ее агонию было бы добрым делом. (Разве не то же самое писали и Плеханов и плехановцы? — Г. К.). Речь идет здесь, таким образом, уже не о проблеме, которую нужно разрешить, а просто-напросто о враге, которого нужно сокрушить».

Не в бровь, а в глаз русским социал-демократам... Вы знаете, как они улюлюкали, пророча быструю смерть общине.

Но вот им в ответ: «Если русская революция произойдет в *надлежащее время*, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить *свободное развитие сельской общины*, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства (! — Г. К.) над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя» (там же; курсив мой. — Г. К.).

Даже — «превосходства»... Такова была надежда Маркса.

Энгельс же (обращаю Ваше внимание) необходимые перемены для сохранения общины видит вовсе не в русской революции, а всего лишь в изменении «общественного мнения России на основе западных переворотов». Это ли не странно? Но ведь и Энгельс ставит вопрос: успеет ли нечто подобное произойти в России? К пункту «успеет ли» нам придется далее вернуться, а сейчас в основном разговор об эволюции взглядов самого Энгельса.

Цитаты здесь совершенно необходимы. В полном объеме. Следующая же — особенно. 24 февраля 1893 г. Энгельс в очередной раз отвечает Даниельсону:

«В первом письме Вы спрашиваете: должны ли были те экономические изменения, которые с 1854 г. стали неизбежными в силу самой природы вещей, вместо того чтобы содействовать дальнейшему развитию исторически сложившихся в России институтов, наоборот, подрывать их в самом корне? Иными словами, не могла ли сельская община послужить основой нового экономического развития? А 27 января Вы выражаете ту же мысль в такой форме: крупная промышленность стала необходимостью для России, но было ли неизбежным ее развитие в капиталистической форме?»

Даниельсон, выясняя бреши в позиции Энгельса, добился своего: Энгельс отвечает ему настолько основательно, что этот ответ непременно должен быть сопоставлен с ответом Маркса от 8 марта 1881 г. на письмо В. Засулич.

Перед чем же мы оказываемся при таком сопоставлении? Вот ведь что самое важное. Знатоки марксистских текстов, Вы, думается, не можете не почувствовать именно того, что вступаете здесь в сферу действия той мысли, которая в судьбах России сыграла *поистине трагическую* роль.

«Так вот: в 1854 г., или около того, — напоминает Энгельс, — для России отправными пунктами были: с одной стороны, наличие общины, с другой — необходимость создать крупную промышленность. Если Вы примете во внимание все состояние вашей страны в целом, каким оно было тогда, увидите ли Вы там хоть малейшую возможность привить крупную промышленность крестьянской общине, и притом в такой форме, которая, с одной стороны, делала бы возможным развитие крупной промышленности, а с другой, *подняла бы эту перво-*

бытную общину до уровня социального института, далеко превосходящего все то, что мир видел до сих пор? Мне кажется, что такая эволюция, превосходящая все известное в истории, требовала бы совершенно иных экономических, политических и интеллектуальных условий, чем те, которые имелись в то время в России» (Соч., т. 39, с. 32—33; курсив мой. — Г. К.).

В сущности, это уже и открытая полемика Энгельса с Марксом...

Но посмотрите, с применением какого удивительного приема... Энгельс продолжает: «Нет сомнения в том, что община и, в известной степени, артель заключали в себе некоторые зародыши, которые при определенных условиях могли бы развиваться и спасти Россию от необходимости пройти через муки капиталистического режима. Я вполне присоединяюсь к письму нашего автора (имеется в виду письмо Маркса в «Отечественные записки» от 1877 г. — Г. К.) по поводу Жуковского».

Энгельс не мог не знать — причем абсолютно точно — содержание этого письма. Ведь он же сам и обнаружил его в бумагах умершего Маркса. Молчал он о нем около десяти лет. Забыл, что оно написано не по поводу Жуковского, а Михайловского... И вот теперь неверно излагает и само даже его содержание! Можно предположить, что Даниельсон, отлично знавший позицию Маркса, был огорошен этим. Потому, наверное, он столь настойчиво и просил вновь и вновь Энгельса поделиться с ним мнением на тот же счет.

Энгельс как ни в чем не бывало пишет о своей и Маркса позиции как о якобы единой. «Но и по его (Маркса. — Г. К.) мнению, и по моему, — заявляет он, — первым необходимым для этого (для радикальных перемен. — Г. К.) условием был толчок извне (курсив Энгельса. — Г. К.) — изменение экономической системы Западной Европы, уничтожение капиталистической системы в тех странах, где она впервые возникла» (там же). Ср. с Марксом: «Если бы в момент освобождения крестьян сельская община была сразу поставлена в нормальные условия развития, если бы затем громадный государственный долг, выплачиваемый главным образом за счет крестьян, вместе с другими огромными суммами, предоставленными через посредство государства (опять-таки за счет крестьян) “новым столпам общества”, превращенным в капиталистов, — если бы все эти затраты были употреблены на дальнейшее развитие (курсив Маркса. — Г. К.) сельской общины, то никто не стал бы теперь раздумывать насчет “исторической неизбежности” уничтожения общины: все признали бы в ней элемент возрождения русского общества и элемент превосходства над странами, которые еще находятся под ярмом капиталистического строя» (Соч., т. 19, с. 401; курсив мой. — Г. К.).

Где же тут «толчок извне»? Опять путает «вторая скрипка»...

Вы, Раиса Павловна, тоже утверждаете, будто не только Энгельс, но и якобы Маркс писал о «толчке извне». Где? Когда Маркс такое утверждал? Вам, выходит, нужен лишь сам авторитет, а не факт, и тогда Вы готовы и сами писать неправду... Сколько Вы ее понаписали!

Неужели Вы впрямь не заметили (не хотели замечать?), что Энгельс «общает» тут то, чего в действительности не было?..

Посмотрите, какие слова пишет Энгельс о содержании упоминавшегося совместного его с Марксом предисловия к русскому изданию «Манифеста» 1882 г. Кстати, он тут прямо относит это предисловие к единоличному авторству Маркса. Он его только подписал. Но Энгельс стремится найти в самом

тексте Маркса опять же выражение не того, что было туда заложено Марксом... Полюбуйтесь же этим Вы, «публикатор рукописного наследия Маркса»... Может, и тут Вы тоже отыщете пресловутую адекватность позиций Маркса и Энгельса (да еще и Плеханова) относительно России? Ведь Вы весьма упорно не желаете замечать их несовместимость!

«Наш автор (Маркс. — Г. К.), — читаем в письме Энгельса Даниельсону от 24 февраля 1893 г., — в известном предисловии к известному старому “Манифесту”, написанном в январе 1882 г., на вопрос о том — не могла ли русская община послужить отправным пунктом для более высокого социального развития — отвечал так (смотрите! смотрите! — Г. К.): если изменение экономической системы в России совпадет с изменением экономической системы на Западе “так, что обе они пополнят друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом нового общественного развития”» (Соч., т. 39, с. 33—34; курсив мой. — Г. К.).

Каково? Содержание предисловия Маркса к русскому изданию «Манифеста» 1882 г. тут подменено в его принципе... Подменено! Причем слова, взятые Энгельсом внутри его текста в кавычки, вроде бы должны быть из перевода Плехановым на русский язык самого важного места в предисловии к указанному изданию «Манифеста». Правда, я уже приводил действительные слова Маркса именно оттуда, из этого предисловия, но слишком уж чрезвычайной является у нас с Вами ситуация, чтобы не сделать этого также и здесь. Вот, читайте и читайте:

«Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей — непосредственно перейти в высшую коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада? Единственно возможный ответ на этот вопрос заключается в следующем. *Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития*» (Соч., т. 19, с. 305; курсив мой. — Г. К.).

Ну и что же заставило Вас не заметить этого разрыва в идеях самих основоположников марксизма? Кто Вас ныне-то принуждает к этому? Если беретесь полемизировать, то хотя бы тексты-то, которых касаетесь, надо знать... Впрочем, могли ли Вы их не знать?..

...Итак, что же мы имеем? Объявив, что его, Энгельса, позиция и позиция Маркса по вопросу о России единая (на самом деле этого явно не было), Энгельс ввел Вас и многих других в заблуждение. Позиции же эти — относительно России — у основоположников были не просто разные, но и внутренне несовместимые. Это настолько очевидно, что не заметить такое можно лишь при очень и очень большом желании именно не заметить... За десятки-то лет! В только что приведенных мной суждениях Энгельс с помощью неверного перевода Плехановым на русский язык написанного Марксом предисловия к «Манифесту», во-первых, просто-напросто искажает смысл этого предисловия — до полной его неузнаваемости, во-вторых, он это искажение преподносит также и в качестве мнения Маркса... Как говорится: хоть стой, хоть падай...

Вчитайтесь, в частности, в письмо Энгельса Даниельсону от 24 февраля 1893 г. Вы, надеюсь, увидите: Марксова идея «сигнала» уже там отсутствует, а присутствует совсем чуждая ему идея «толчка извне», принадлежащая Энгельсу... Ничего не скажешь, «достойный» конец великой жизни. И столь же «достойное» начало жизни русской социал-демократии... То и другое погрузилось в ложь.

Энгельс забивает гвозди в изготовленный им же гроб для идеи Маркса о том, что «русские начнут», а «Запад довершит». Уже старый и больной, он в 1894 г. пишет послесловие к изданию на русском языке своей брошюры «О социальном вопросе в России». Его позиция, полностью отвергающая идею Маркса о «русской альтернативе», звучит здесь как нечто совсем не имеющее отношения к Марксу. Позиция Энгельса: только и только свержение капитализма на Западе и затем переход там к социализму — только это якобы способно сохранить русскую сельскую общину. «Инициатива подобного преобразования русской общины, — продолжает увядший пророк, — может исходить исключительно лишь от промышленного пролетариата Запада, а не от самой общины. Победа западноевропейского пролетариата над буржуазией и связанная с этим замена капиталистического производства общественно управляемым производством, — вот необходимое предварительное условие для подъема русской общины на такую же ступень развития» (Соч., т. 22, с. 444; курсив мой. — Г. К.).

Долгое время занимаясь проблемами России, Энгельс в ней главного, по существу, так и не понял. Но его авторитета оказалось все же достаточно, чтобы (в паре с Плехановым и через посредство его группы) сдвинуть русское революционное движение конца XIX в. сильно в сторону от его собственного естественного пути. Невольно? Возможно. Но таков факт.

Раскол во взглядах на Россию произошел, как видим, сначала между родоначальниками марксизма. В последних работах Энгельса и в работах Плеханова линия Чернышевский — Маркс была подвержена, в сущности, беспощадному третированию. С некоторым (фиговым) прикрытием лишь самого имени Маркса... Только имени. И не о Марксе заботились...

Маркс же принял концепцию судеб России, наиболее полно разработанную Чернышевским, первоначально сформулированную Герценом, к которому (из-за его панславистских тенденций) он был настроен, к сожалению, неприязненно. Потому и выступал против него. Но концепция есть концепция! Она у всех у них одинаково резко противостоит ошибочному взгляду (будто судьбы России определяет Запад) — взгляду Энгельса — Плеханова. Вот как, однако, мыслил о судьбе России и ее истолкователях Маркс: «Таким образом, процесс, который я анализировал, заменил (в Западной Европе. — Г. К.) форму частной и раздробленной собственности работников капиталистической собственностью ничтожного меньшинства... заменил один вид собственности другим (курсив Маркса. — Г. К.). Как это можно применить к России, где земля не является и никогда не была “частной собственностью” земледельца? Стало быть, единственное заключение, которое они имели бы право вывести из хода вещей на Западе, сводится к следующему: чтобы установить у себя капиталистическое производство, Россия должна начать с уничтожения общинной собственности и с экспроприации крестьян, т. е. широких народных масс. Впрочем, как раз этого

и желают русские либералы: но является ли их желание (курсив Маркса. — Г. К.) более основательным, чем желание Екатерины II насадить на русской почве западный цеховой строй средних веков?

Итак, экспроприация земледельцев на Западе привела к “превращению частной и раздробленной собственности работников” в частную и концентрированную собственность капиталистов. Но это все же — замена одной формы частной собственности другой формой частной собственности. *В России же речь шла бы, наоборот, о замене капиталистической собственностью собственности коммунистической* (так Маркс называет общинную собственность. — Г. К.).

Конечно, если капиталистическое производство должно восторжествовать в России, то огромное большинство крестьян, т. е. русского народа, должно быть превращено в наемных рабочих и, следовательно, *экспроприровано* путем предварительного *уничтожения его коммунистической собственности*» (Соч., т. 19, с. 411—412; курсив мой. — Г. К.).

Вот тут-то и добавлено нечто, что более всего неприемлемо для людей «западной» ориентации: «...во всяком случае, западный прецедент здесь ровно ничего не доказывает» (там же; курсив мой. — Г. К.). Россия вовсе не «приговорена» к западному пути, а *имеет свой собственный*, обусловленный ее внутренней спецификой путь.

Перед нами — один из подготовительных текстов письма Маркса к Засулич. 1881 год. Читаем: «Русские “марксисты”, о которых Вы говорите, мне совершенно неизвестны. Русские, с которыми я поддерживаю личные отношения, придерживаются, насколько мне известно, совершенно противоположных взглядов» (Соч., т. 19, с. 412; курсив мой. — Г. К.). Маркс не знал Плеханова...

Поистине примечательно: слово «марксисты» — в кавычках... Прямо в точку! От их имени, однако, Засулич сообщила Марксу о том, что Россия вступила на путь капиталистического развития и якобы уже «ничто ее с него не столкнет». Подобные фразы Плеханов потом повторял десятки лет. Между тем Маркс, как сам он пишет, поддерживал «личные отношения» с другими, с теми, кто был ему близок реально, — с П. Лавровым, Г. Лопатиным, Н. Даниельсоном... Выше же всех Маркс ставил Н. Чернышевского. И все названные люди придерживались, по сравнению с Плехановым, «противоположных взглядов». Противоположных! Шуточное ли дело? Вот их Маркс и поддерживал, этих людей.

К сожалению, слишком уж доверчиво он предполагал, что его прославленная корреспондентка Засулич все еще принадлежит к русским народникам. Засулич выполняла своим обращением к Марксу, думается, рассчитанно зондирующую роль.

Подводя некоторый итог обмену мнениями в нашем с Вами диалоге, я хотел бы поставить перед Вами такой вопрос: разве все еще не ясно Вам, что четкий отрицательный ответ Маркса Засулич, спросившей его, пройдет ли (именно — пройдет ли) Россия до самого конца вслед за Западной Европой по пути капитализма, — полностью лишил Плеханова и его группу морального права называть Маркса своим учителем и выступать в качества его учеников? То, что они соглашались с ним в трактовке западноевропейских проблем, ровным счетом ничего здесь не меняет, ибо их социал-демократическая деятельность имела

смысл только в связи с развитием революционно-освободительного движения в России. *Запад не нуждался в их утверждениях о неизбежности капиталистического пути развития.* Он его к тому времени уже проделал.

Тут с несколько иной уже стороны, но мы вновь приходим к ранее сформулированному мною выводу: ни Плеханов с его группой, ни даже сам Энгельс во взглядах на Россию не были марксистами. Они для конкретных российских обстоятельств, в сущности, не были и революционерами... Все они оказались в этом пункте доктринерами. Во взглядах на Россию... Они готовы были пожертвовать интересами более 80 % населения России. Отрицали самостоятельное и самоцельное значение этих интересов, встав на позицию некоей единой формулы прогресса для всех народов, против самой возможности которой столь решительно протестовал Маркс. В сущности, они, как и Михайловский, стремились приписать создание этой формулы Марксу...

Ныне ясно, что не только меньшевизм, главные идеи которого — это идеи Энгельса и Плеханова о полнейшей зависимости развития России от капиталистического Запада, но и большевизм, в основе которого лежали ленинские идеи союза рабочего класса и крестьянства (при ведущей роли рабочего класса), тоже не был в достаточной мере последовательным выражением объективных требований прогресса России.

Впрочем, об этом лучше отдельно поразмыслить — после более полного выяснения дополнительных фактов из самого процесса похищения и упрятывания концепции действительно органического развития России.

Мне думается, наша с Вами задача — достигнуть не непременно краткости, а ясности — через полную доказательность. К тому же в дальнейшем надеюсь убедить Вас в том, что у похищенной концепции не погибла жизненная ее основа. Парадокс, но многое приходится открывать слишком поздно. Остаюсь при самых добрых моих лично Вам пожеланиях

Г. Куницын.
24.XI.1990 г.

(Продолжение следует.)

Илья СТЕФАНОВ

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ АЛЖИРЕ

После того как Алжир в 1962 г. добился независимости и перестал быть французской колонией, СССР стал оказывать африканской республике значительную помощь. Содействие включало и строительство промышленных предприятий, и разведку полезных ископаемых, и подготовку инженерно-технических кадров. Важнейшей областью сотрудничества была нефтегазовая индустрия. В алжирской национальной нефтегазовой компании «Сонатрак» в течение 1960 — 1980-х гг. постоянно работали советские специалисты, а наши буровые установки действовали на многих нефтепромыслах. Я был командирован в Алжир в августе 1983 г. и проработал там около четырех лет.

* * *

Геофизик-сейсморазведчик Сибирского геофизического треста (г. Новосибирск), я был привлечен для работы в «Сонатраке» (г. Алжир). Группа советских геологов, в которую входил и я, была занята геологическим обслуживанием газоконденсатного месторождения Хасси-Рмель, что в северной части пустыни Сахара. Контракт с предприятием заключался на два года. В отсутствие форс-мажорных обстоятельств он автоматически продлевался еще на год и далее мог быть продлен на срок, необходимый для завершения начатой работы.

Командируя специалиста в Алжир, предпочтение отдавали владеющим французским языком — он широко использовался в этой стране во всех сферах, особенно в бизнесе и науке. Фактически французский, несмотря на попытки властей противодействовать его распространению, стал неофициальным государственным языком. Он заменял официальный (арабский) даже при преподавании в школах и университетах. Я хорошо владел немецким, немного английским, французским же никогда не занимался. Как я узнал позже, меня выбрали как специалиста, работавшего в районах, подобных нефтяным районам Сахары по геологическому строению. Наверное, имело значение и анкетное «могу объясняться на английском», этом международном языке инженеров и ученых. Сам же я рассчитывал, что, имея представление о двух европейских языках, легко освою третий.

Командировка в Алжир была доступна, за немногими исключениями, только для женатых. Причем жена могла при необходимости произвольное время находиться в «Союзе» (как называли свою страну наши граждане за границей), но тогда специалисту на четверть снижался заработок (по-видимому, как плата за нарушение предписанных правил общежития). Мы с женой Викторией, уезжая в Алжир, оставляли дома двух своих дочерей. Старшая, Галя, уже совершеннолетняя, училась в пединституте на факультете иностранных языков, а младшая, Ася, пошла в девятый класс школы. Ася не могла поехать с нами, потому что в Алжире русские школы были только восьмилетками. Чтобы поддержать детей в их самостоятельной жизни, моя жена все время рвалась домой и почти половину времени моей командировки провела в Новосибирске. Переживания о детях усугублялись очень редкими известиями от них. Посылать письма по международной почте нам «не советовали». Свои письма на Родину мы вкладывали в советские конверты и отдавали в наше посольство для пересылки в Москву. Почта из посольства отправлялась только раз в две недели, так что ответ на письмо приходил не раньше, чем через месяц.

Мы очень жалели, что в Алжире не оказалось русских школ с полным средним образованием. Уже на месте нам объяснили, что нашим старшеклассникам здесь опасно находиться из-за возможного посягательства на их честь со стороны местного мужского населения. Алжирские девочки уже с двенадцати лет сидят дома, а выходить на улицу могут только в сопровождении взрослых.

По приезду

Советские специалисты-нефтяники жили в Бумердесе, населенном пункте, расположенном на берегу моря в восьмидесяти километрах к востоку от столицы. Меня встретили переводчик Игорь Матерухин и геолог Алексей Потюкаев, в рабочей комнате которого было приготовлено место для меня. Я прибыл в пятницу и рассчитывал, что буду в субботу-воскресенье отдыхать. Но, оказывается, в Алжире это рабочие дни. А выходные у них — четверг-пятница. Однако в субботу я все-таки не поехал на работу, потому что нужно было зарегистрироваться в местной администрации. Кстати, мы там должны были отдыхать и в алжирские праздники, и в советские. Об этом было написано в контракте.

Бумердес на тот момент не был еще городом (этот статус он получил в начале 1984 г.), его можно было назвать университетским городком. Здесь имелось несколько институтов, часть из которых были созданы с помощью СССР и затем переданы в дар Алжирской Республике. Преподавательский состав учебных заведений состоял преимущественно из советских профессоров.

Меня поселили на краю города, на втором этаже пятиэтажного дома. В этот дом, как и в такие же дома рядом, определяли наших специалистов, приехавших без детей. Здания были построены французами для солдат воинской части, стоявшей в свое время в Бумердесе. Офицеры жили на виллах ближе к морю, где также поселяли наших специалистов, но с детьми. Нас, бездетных, расселяли попеременно с алжирскими семьями. Квартиры были трехкомнатные, с лоджиями на каждую сторону дома. В них стояли газовые печи, холодильники и вся необходимая мебель. Имелись ванны, но короткие, созданные для солдат: в них можно было только сесть.

Начало работы

Предприятие «Сонатрак» располагалось в живописном районе города Алжира. Вокруг — роскошные виллы-особняки с высокими каменными заборами, увитыми цветущими, обдающими медовым запахом растениями. Украшением городского пейзажа были пальмы и большие розовые кусты. Место гористое холмистое, улицы извилистые и часто очень узкие. Рядом с предприятием — роскошный парк, где размещалось посольство Франции. Если наш служебный автобус утром шел без задержки, мы, не доезжая до предприятия, сходили и дальше шли пешком по этому живописному месту.

Рабочий день начинался в восемь и заканчивался в пять вечера. Обеденный перерыв был всего полчаса, но столовая предприятия была рядом, а благодаря хорошей организации очереди никогда не было. Подавали листья салата или салат из овощей, мясные блюда, на десерт — фрукты или арбуз. На столе всегда стоял графин с питьевой водой — перед едой здесь принято выпивать немного воды.

Наша группа состояла из двадцати двух инженеров и трех переводчиков. Среди советских специалистов нашей группы (а еще были две другие) преобладали москвичи, но были и выходцы из нефтяных районов СССР — Башкирии, Татарии, Азербайджана, Поволжья, Украины.

При появлении на работе советского специалиста его представляли алжирской администрации. Меня вместе с одним бакинским специалистом принимал главный инженер предприятия, господин Галем. С нами был наш переводчик. Высокопоставленный руководитель принимал нас в просторном кабинете, развалившись в кресле и положив ноги на большой рабочий стол. Он так и оставался в этой очень удобной для него позе до конца недолгого, впрочем, приема. Мы же стояли перед ним, как провинившиеся школьники. Это был один из редких случаев моего унижения, и я запомнил его на всю жизнь. Но вообще-то этот администратор был очень молод, и я его мысленно простил, когда на третьем году командировки узнал, что он высоко отзывается обо мне как о специалисте.

Меня определили в группу геологов, которые работали с материалами по исследованию скважин глубокого бурения. Я же должен был произвести пересмотр всех материалов сейсмической разведки на месторождении. Общей целью работ нашей группы являлось уточнение карт нефтяных и газовых полей и контура месторождения Хасси-Рмель с последующей выдачей рекомендаций для проведения дополнительных разведочных работ. Руководителем нашего сервиса был господин Теркмани, симпатичный и приятный в общении человек, выглядевший абсолютным французом.

Стоит отметить одну особенность постановки задачи работ на «Сонатраке», совершенно не свойственную советским предприятиям. Формулировалась задача работ? Да. Определялся вид и объем материалов, необходимых для ее выполнения? Да. Но речь никогда не шла о сроках работы. Для меня это было удивительно. Я не понимал, как можно планировать работу, не зная сроков сдачи отчета... Я переспрашивал, предполагая, что меня разыгрывают, пока не понял, что у них принято доверять исполнителю, который, работая добросовестно, выполнит работу так качественно и быстро, как только может, без тяготящего его временного ограничения. Мне показалось, что такое отношение

к специалисту возвышает его, освобождает. Тебе дают понять, что ты вполне полновесный специалист и ответственный человек, творец, а не раб или винтик в хозяйственной машине.

Другая особенность работы инженера здесь была не менее удивительна. Мне, выполнявшему работу по пересмотру сейсмического материала, полученного за восемь (!) лет, не было дано в помощь ни одного специалиста! Для выполнения такой работы в Союзе была бы создана группа из не менее чем трех инженеров и трех техников! Так что, получая в этой командировке зарплату в несколько раз больше, чем в Союзе, нам и работать здесь приходилось в несколько раз больше (а лучше сказать — интенсивнее).

Кстати, о нашем заработке. Полную сумму нашей зарплаты, указанную в контракте, предприятие «Сонатрак» перечисляло тресту «Зарубежгеология». То, что отсылалось на наши долларовые счета в Москве, составляло меньше половины этой суммы. Нас, однако, предупреждали, что, в случае разговора с алжирцами о нашем заработке, мы должны называть полную сумму, указанную в контракте.

Наши специалисты размещались в разных комнатах, зачастую вместе с алжирскими инженерами, но мне не повезло, я сидел только с нашими. Я говорю — не повезло, потому что иначе мне проще было бы осваивать французский язык. В рабочей комнате нас было трое. Кроме Алексея Потюкаева, москвича, был еще Олег Циова из Киева. Потюкаев хорошо говорил по-французски, иногда помогал мне в общении с алжирскими коллегами. А говорил он неплохо потому, что был командирован в Алжир второй раз, а перед первой поездкой занимался на курсах французского языка. Но я предпочитал обходиться без переводчика, вспоминая свой английский. В Алжире многие инженеры в какой-то степени владеют им, ведь у них иностранный язык в учебных заведениях — английский.

Кроме нас, на предприятии практически не было иностранцев. Говорили об одном американце, экономисте. На моем месте до меня работал американский специалист по фамилии Кеннеди. Алжирцы отдавали предпочтение советским специалистам, видимо, по политическим или, скорее, по экономическим соображениям, ведь у них в то время были тесные и очень выгодные отношения с СССР.

Поездка в Сахару

На месторождении Хасси-Рмель была задействована американская нефтесервисная компания «Шлюмберже», выполняющая, кроме работ по геофизическому исследованию скважин, также работы по скважинной сейсморазведке. Как выяснилось, я должен был не только утверждать методику их работ, но и определять необходимость оных. Уже вскоре по приезде у меня была встреча с одним из специалистов «Шлюмберже» — очень породистым итальянцем, похожим на Марчелло Мастроянни. Мы беседовали в нашей рабочей комнате, разговаривая на английском. Поскольку решение о выполнении работ на одной из скважин было уже принято (до моего приезда), то обсуждалась лишь методика работы. Уже в декабре 1983 г. полевой отряд скважинной сейсморазведки выехал в Сахару, и я должен был присутствовать при запуске работ.

И вот я в Сахаре! Ну как же — приехать в Алжир и не увидеть величайшую пустыню мира?! Мы провели в Сахаре восемь дней.

Туда, а это около 500 км, мы ехали на легковой машине. Путь в Сахару пролегает по перевалу Атласских гор. От моря до самых гор встречались многочисленные поселки, между которыми — сплошные апельсиновые и мандариновые сады, сверкающие оранжевыми плодами. Горы были совсем безлесные и безлюдные, их оживляли только отдельные поселки-хутора. Но среди этой пустынной местности нам встретились и два небольших города. Один мы проехали не останавливаясь, а в другом шофер сделал остановку у мечети, чтобы помолиться, и мы его ждали минут сорок. Походили по городу, купили мандаринов. На улицах — изобилие народа и торговых лавок. А было холодно, как бывает в Сибири в начале октября, — градусов восемь тепла. Местные жители, кабилы (горные берберы), были одеты в просторные халаты из толстой коричневой материи с широкими длинными рукавами и огромным капюшоном. А руки можно высовывать и из прорезей под мышками. Очень удобный халат, уютно можно укутаться. Женщины встречались редко. Некоторые были в одеждах, прикрывающих лицо, а большинство — с открытыми лицами. Женщины стройные и броско красивые, глаза у всех как черные маслины. В пути мы пустыню не увидели, потому что, пока спускались с гор, солнце село и сразу стало темно.

Поселок оказался весьма благоустроенным. Поражало обилие зелени — много кустарников и деревьев, возглавляемых огромными эвкалиптами. Уже подрастали недавно посаженные молоденькие пальмы, а по всей площади поселка ярко зеленела газонная трава. Жилые домики небольшие, одноэтажные, квартирки однокомнатные, с умывальником, душем и кондиционером. В поселке — кинотеатр, просторная столовая с очень хорошей кухней и бар с кофе.

Поскольку было холодно, я был одет в куртку с капюшоном. Один раз дул сильный ветер и поднял лесс и мелкий песок, так что часа два ничего не было видно. По работе мы выезжали несколько раз далеко в пустыню. Она здесь каменистая, но среди мелких и крупных камней — лесс, и на нем растет трава и кустарники вроде перекати-поле. Так что пустыня зимой при взгляде вдаль кажется зелено-бурой или даже местами зеленой. Иногда попадались отары овец, и несколько раз я видел верблюдов, они здесь одногорбые. По вечерам мы ходили в кино. Кино ежедневно, но одно и то же шло два дня, и мы смогли посмотреть три фильма — какую-то мрачную итальянскую комедию, советский фильм «Битва за Берлин» и индийский фильм «Taxi Chor».

Обратно летели самолетом. Жаль, что было уже темно, так что не удалось сверху посмотреть на алжирские пейзажи. Но до аэропорта добирались два часа, погода стояла нежаркая, приятно было ехать и наблюдать. Ровная пустыня, потом слегка всхолмленная, где появлялись то старичок с собаками и отарой овец, то женщина, стирающая у источника, то брошенное место стоянки кочевников, то их палатки. И проезжали через один чудесный город — Гардаю, растянувшийся по долине и занимающий ее склоны. Склоны и вершины холмов тесно застроены одинаковыми по виду и цвету невысокими постройками и издали выглядят как пчелиные соты. Внизу по склону и в долине — более широкие улицы и обилие пальм.

Алжирская экзотика — женщина, закутанная в покрывало, пальмы и крик муллы. Мне все это напоминало о древнем, вечном.

А сахарские барханы? Я их увидел во второй поездке в Сахару. Пустыня с годами расширяется во все стороны, и в пределах ее северной, каменистой части уже замечены языкообразные заносы песка из южной, песчаной пустыни.

Особенности быта

Уже в первую ночь я познакомился с основной особенностью мусульманского быта, и она оказалась связанной с почитанием Бога. Меня дважды за ночь будил призыв муллы к молитве, который звучал как протяжный то ли крик, то ли напев. Это было время ночной и утренней молитв — где-то в час ночи и шесть часов утра. Шесть утра — это, вообще-то, время самого сладкого сна! Я был удивлен и несколько раздосадован этим фактом, учитывая громкость призыва — мечеть находилась рядом с моим домом. Но — ко всему привыкаешь, и уже через пару недель я если и просыпался, то, подумав о Боге, тут же опять впадал в сон. Впрочем, время утренней молитвы зависит от восхода солнца, перед которым она и совершается, так что пробудка во время глубокого утреннего сна бывает только в летние месяцы, когда ночи короткие. Как я узнал позже, призыв к молитве — это, собственно, не «живой» крик, а голос на магнитном носителе. Мечеть радиофицирована — на высоте минарета, где должен стоять мулла, установлены репродукторы.

У меня всегда было желание поближе познакомиться с религией мусульман. Я имел некоторое понятие о людях стран Магриба (Алжир, Тунис и Марокко), а также о некоторых особенностях ислама, изучив перед поездкой в Алжир «Книгу 1001 ночи». Я почитывал также Коран на немецком языке (карманного издания), который приобрел в Германии. Теперь я захотел ознакомиться с правилами и обычаями вероисповедания мусульман поближе. Вскоре по прибытии я приобрел книгу «Введение в ислам» на французском языке, чтение которой способствовало и изучению языка. Собственно, чтобы совместить эти две задачи, я, кроме газет дома и геологических отчетов на работе, стал читать исключительно религиозную литературу на французском. В том числе христианскую. Вскоре у меня появился «Новый Завет» на французском и английском, а позже мне удалось купить Библию на русском языке. Отправляясь в первый отпуск, я прихватил ее с собой, но мне удалось довести ее только до таможни... Уезжая окончательно из Алжира, я всю свою религиозную литературу поместил в контейнер для багажа, который, слава богу, не привлек внимания таможенных контролеров...

Второй особенностью жизни в Алжире являлось обилие на улицах детей. Это сразу бросается в глаза — они заполняют дворы, площадки перед домами, их много у магазинов и на рынках. Собственно, детей я рассматривал как одну из достопримечательностей страны. Как мне вскоре стало известно, в каждой алжирской семье было тогда в среднем десять детей! А в первом подъезде нашего дома жила семья с шестнадцатью детьми!

И это вовсе не из-за многоженства, как можно подумать. Ведь примерно так было и в России до революции! Тем более что в Алжире семьи в большинстве как у нас — с одной хозяйкой, двоеженство встречается очень редко. В Бумердесе только у одного мужчины было две жены. Он иногда проходил перед окнами нашего дома, выступая впереди жен. Правду сказать, алжирские дети порой сильно докучают иностранным гражданам. Часто это происходит

вблизи торговых точек, но иногда и просто на улице. Они толпой осаждают «жертву» и, протягивая руки, кричат: «Мусье, динар!» И здесь нужно иметь выдержку, чтобы не дать. Потому что в противном случае они налетают стаяй, ведь каждый хочет быть перед тобой первым. Правда, такой ажиотаж алжирские дети проявляют только в отношении денег. Что касается хлеба, например, то моя жена на пути из магазина спокойно и с удовольствием раздавала детям ломти свежего хлеба.

Третьей особенностью быта в Бумердесе было обилие комаров, хотя их присутствие в таком количестве трудно объяснить, потому что лето в Алжире очень сухое. Несмотря на это, кровососущих и летом здесь очень много, причем дома их намного больше, чем на улице. Какие-то «домашние» комары. На улице сухо, вот они и прячутся в дома, где есть влага и корм. Когда я приехал, меня никто не предостерег от опасности быть искусанным. Наутро все мое лицо было изъедено. Мои коллеги признались, что здесь принято не предупреждать новичков об этом стихийном бедствии, позволяя им пройти «боевое крещение». Удивляли нас здесь также африканские тараканы. Это очень крупные насекомые. Они больше наших раз в пять по длине и раз в сорок по весу! Но, несмотря на это, они — летают! Не в комнатах, а из дома в дом — залетают в открытое окно! Но зато на земле и на полу они медлительны и неповоротливы, что, конечно, облегчает борьбу с ними.

Условия жизни в Бумердесе были, можно сказать, курортные. В сравнении с советским дефицитом здесь было изобилие провизии. В продаже было все — от чая из Индии и молочных продуктов из Канады до разнообразных местных мясных деликатесов и сыра прямо из Голландии! Как любитель сыра, я часто вкушал его с ароматными и свежими здешними помидорами. А хлеб в Алжире был формой как полено, он и называется французским словом «багет», одно из значений которого — палка, брусок. Багет был длиннее нашего батона раза в три и уже раза в два. Очень вкусный! То, что сейчас предлагают нам в магазинах под видом багета, не идет с ним ни в какое сравнение. Говорили, что в Алжире лучшая в мире пшеница твердых сортов, которую ввели здесь в севооборот французы. Но также говорили, что алжирцы всю ее продают за границу, а сами покупают у нас. Если так, то, выходит, у нас не умеют печь вкусный хлеб. На рынках поражало обилие овощей и фруктов, особенно апельсинов и мандаринов. А маслины и оливки блистали на прилавках в огромном числе сортов и разнообразии засолов.

С продуктами, однако, в Алжире было хорошо только в первые годы командировки.

Об алжирской природе

В Алжире поражает красота приморского ландшафта, напитанного солнцем и запахами цветов и, кажется, не меняющегося с течением времени. Ведь благоприятная для зелени погода стоит почти круглый год. Впрочем, на открытых местах трава уже в августе начинает жухнуть от постоянного солнца. Создается впечатление, что здесь все вечное — вечнозеленое, вечноцветущее. Символом вечности для меня служил небольшой куст у входа на наше предприятие с крупными ярко-красными цветами, формой похожими на мак. Этот куст

меня встречал всегда в цветах, и я не помню, чтобы было иначе. Возможно, он и сейчас так же цветет в Бумердесе.

В Северной Африке не четыре времени года, как в России, а два — лето и осень-весна. Вторая половина года — осень, потому что в течение всего «холодного» полугодия что-то вызревает, и весна, потому что всегда в это время что-то цветет. Зимы в Алжире точно нет, какая же это зима, если с ноября по март вызревают апельсины и мандарины, а в декабре-январе мы ходили там за грибами! В январе, в самую холодную пору, мы с женой, гуляя за городом, рвали черемшу! Отклонения от нормы очень редки. Снег в Алжире я видел только один раз, это было 24 декабря 1986 г. В этот день столица Алжира была завалена снегом, как и ближайшие предгорья. Газеты писали, что многие жители предгорий пострадали от холода.

Лето в Алжире наступает, как и у нас, в июне. Солнце летом не жаркое, потому что на большой высоте ветер несет лесс и мелкие частицы песка из Сахары в Европу. Они и закрывают солнце. Поэтому никто не носит головные уборы, чтобы уберечься от солнечного удара. Я в день приезда (а это было в августе!) пошел на пляж, причем в самый полдень, и пробыл там часа три, ничем голову не прикрывая. При этом не было ощущения большой жары и голову не напекло. Погода летом постоянно хорошая, ровная, обычно градусов двадцать пять тепла при свежем и чистом ветерке с моря. Лишь иногда, раз или два за лето, из Сахары прорывается на побережье жаркий воздух (его приносит сирокко), и тогда дня два стоит жара за тридцать.

Но какой же курорт без моря! Берег в Бумердесе — сплошной песчаный пляж, шириной метров десять-двадцать. Лучшее место для купания у Черных скал — небольшого скалистого полуострова у главного спуска из города к морю. С наступлением купального сезона народу на пляже очень много. Большую часть его составляют наши геологи и преподаватели. Местная публика — в основном парни или молодые семьи с детьми. Женщины — в просторных длинных платьях, и если они входят в воду, то прямо в них.

Купальный сезон в Алжире длится около пяти месяцев — с половины июня до половины ноября, но многие советские женщины купались в море круглый год. Моя жена составляла им компанию. В холодное время года наши женщины сначала делали разминку, чтобы разогреться, затем раздевались и — в воду. Для местных парней и молодых мужчин это было совершенно нереальное зрелище. Они кучками усаживались на береговой террасе выше пляжа и наблюдали невиданное представление. А один из них был наблюдателем всегда, за что наши женщины прозвали его «начальником пляжа». Для меня лично общение с морем было одной из главных составляющих алжирской жизни. В течение полугодия я, можно сказать, ежедневно ходил купаться, а в другие полгода почти каждый день приходил на свидание с морем, прохаживаясь по кромке воды босиком.

Прогулки и экскурсии

Прогуливаясь за городом, мы с женой иногда удалялись в сторону гор. Проходили мимо хуторов, где, если это было лето, на огородах копались мужчины и юноши. Встречались группы гуляющих детей и пасущихся осликов. Однажды, когда мы приблизились к небольшому поселку, к нам подошел пожилой алжи-

рең. Он поздоровался со мной за руку и благожелательно заговорил по-арабски. Я ничего не понимал, а жена мне как бы синхронно переводила: «Он говорит, что в Бумердесе вы сидите в душных комнатах, а нужно выходить и гулять в горах, посмотрите, как здесь хорошо: зеленые ущелья, голубые горы и вид на синее море, а над всем этим — приветливое солнце». Когда мы отошли, я спросил жену: «Ты понимаешь арабский?» А она: «Я понимала все по выражению его глаз и жестам». Я знал, что моя Виктория, как многие уроженцы Кавказа, о многом догадывается по мимике говорящего и жестам, но здесь она удивила меня, мне показалось, что она и вправду переводит дословно...

Одна наша прогулка оказалась не очень приятной. Мы пошли в мою любимую ложбину с речкой, но на этот раз перешли ее и углубились в густой лес, где, однако, попадались участки пахотной земли. И вот навстречу нам проехал колесный трактор, увешанный молодыми людьми и подростками. Но, отъехав от нас метров на сорок, трактор остановился. Вся ватага сошла с него и направилась вслед за нами. Это нас насторожило. Не хотелось идти вглубь леса с преследователями за спиной. Я решил тут же выяснить, что им от нас надо. Мы развернулись и пошли им навстречу. Они уступили нам дорогу, но последовали за нами. Вот мы уже миновали трактор. Вся ватага, храня молчание, шла за нами, а некоторые шли рядом по обочинам, как бы охватывая нас с флангов. Так продолжалось минут пять. Наконец они остановились, затем вернулись к трактору и промчались на нем мимо нас. Но что они хотели, чем мы их привлекли? Обсуждая этот вопрос, мы решили, что молодым алжирским парням женщина, разгуливающая с мужчиной в глубоком лесу с открытыми ногами, руками и лицом, была в диковинку. Они шли за нами из любопытства.

Предприятие «Сонатрак» регулярно устраивало нам экскурсии по стране, правда, без гида. На служебном автобусе нас привозили в какой-нибудь не очень далекий от Бумердеса город и оставляли на несколько часов.

Первой экскурсией для меня была поездка по осени в город-порт Беджая. Половину пути мы ехали на юго-восток, углубляясь в предгорья, затем повернули на северо-восток, к морю. Местность здесь довольно лесистая, а по склонам то ли гор, то ли крупных холмов много оливковых деревьев. Оказалось, что куда ни глянь — везде живут люди. В прибрежной полосе и предгорьях много селений. Мы не увидели бедности. Везде одеты примерно как в столице, дома приличные. Что удивительно — в отдаленной от города местности обнаружилось хорошо обустроенное футбольное поле.

Несколько раз нас возили в город Блида, что километрах в сорока на юго-запад от столицы. Эти поездки были интересны для желающих что-нибудь купить — в этом городе множество лавок, магазинов и магазинчиков, привлекающих к себе разнообразием товаров. Для советских граждан это было необычное развлечение, особенно приятное для женщин.

Город Алжир

По выходным нас регулярно вывозили в столицу на служебном автобусе, но мы и сами иногда ездили туда на пригородном транспорте. Город Алжир производит потрясающее впечатление. Он расположен на крутых склонах у моря. Внизу — административный и торговый центр. Здесь в основном шестизэтажные здания, очень красивые и разнообразные, с мансардами, ажурными балко-

нами и окнами со ставнями. Строили их французы. Моя жена, знаток Франции, говорила, что все здесь ей напоминает Париж. Одна из улиц — пешеходная. Все ее первые этажи отданы под магазины и кафе. С этой улицы мы и начинали наши прогулки. Выше по склонам высокие дома обычно сменяются небольшими виллами, а на самом верху — роскошные большие виллы-коттеджи. Но кое-где в центре города можно встретить и кривые узенькие улочки со старыми небольшими домами, между которыми тянутся веревки с бельем. Это Касба — остатки старого городского центра.

Склоны холмов иногда очень крутые, так что, например, крыша восьмитажного дома может являться площадкой для первого этажа дома, стоящего позади него по склону. И такая невидаль: мост через глубокое ущелье, а прямо под мостом — многоэтажный дом, так что проезжая часть моста является его крышей!

Но Алжир производит впечатление очень уютного города, он какой-то — человеческий. Здесь отсутствуют безликие современные высотки, демонстрирующие возможности новых технологий, а то, что есть, однозначно показывает, что это сделано для людей (а для кого же еще эти уютные балкончики?). Похоже, французские архитекторы вложили всю душу в облик этого города.

Однако одно место в городе произвело на меня удручающее впечатление. В очередной поездке в столицу небольшой группой мы подошли к католическому собору Нотр-Дам д'Африк. Он был построен французами в 1872 г. Этот собор находится на высокой скале крутого склона к морю, мы поднимались к нему пешком по узким улочкам. К нашему сожалению, он был закрыт на длительный обеденный перерыв. Внешний вид его и ближайших окрестностей нас тоже не порадовал — стены собора были обшарпанные, а в стороне от храма мы увидели большое христианское кладбище, очень запущенное и неухоженное, с обрушенными памятниками. А день был пасмурный, что усиливало негативное впечатление. Сейчас я с удивлением читаю, что Нотр-Дам д'Африк — величественный и красивый храм, очень притягательное и приятное место для туристов; видимо, дело в том, что в 2000—2006 гг. здесь были проведены большие реставрационные работы.

Люди, досуг и общение

В Алжире мы часто ходили в гости друг к другу. Но у нас был и свой клуб, где мы могли встречаться вне дома, это «Красный уголок» — трехкомнатная квартира, которую снимало наше предприятие. Здесь имелась небольшая библиотека на русском языке, подшивки советских газет и комплекты разных литературных журналов. Здесь можно было поиграть в шахматы или нарды, послушать музыку. В «Красном уголке» мы собирались, чтобы отдохнуть, развлечься, обменяться новостями, а иногда устраивали банкеты с песнями под гитару.

В Бумердесе имелось и городское культурное заведение, так называемый «Морской клуб». Он был возведен советскими строителями и подарен жителям Бумердеса. В нем имелся просторный зал для демонстрации кинофильмов и большая сцена. Советские преподаватели устраивали здесь концерты эстрадной музыки — у них был ансамбль «Радуга». В новогоднем представлении принимали участие и наши геологи. Сезон кино начинался 15 октября и продол-

жался всю зиму. Фильмы показывали по средам, то есть в конце рабочей недели. Кинофильмы были в основном американские. Моя Виктория увлекается киноискусством, но здесь часто не получала ожидаемого удовольствия. После просмотра очередного американского фильма она сказала: «Это была такая мерзость, такая несусветная чушь! Описать невозможно. Теперь я поняла, какими гадостями наводнен западный экран, и как хорошо, что в Союзе это проходит мимо нас!»

Сам я редко ходил в кино, предпочитая сидеть дома за книгой или смотреть по телевизору футбол. Со временем у меня завязались довольно дружеские отношения с некоторыми нашими специалистами. Но, как говорится, старый друг лучше новых двух. Сразу по приезде мы встретили здесь прибывших немного ранее нас Игоря и Тамару Крыловых, москвичей, с которыми подружились во время командировки в Германию. Игорь работал в другой группе советских специалистов. Крыловы приехали со своей младшей дочкой Верой и жили на вилле у самого моря. Время досуга мы с Викторией часто проводили вместе с этой семьей. Игорь замечателен был большой начитанностью. В этом отношении он не уступал Виктории, которая прочла, кажется, все, что достойно прочтения. При наших встречах они иногда дискутировали о книгах, и слушать их было одно удовольствие. Я ценил в Игоре и готовность к дальним прогулкам по морскому берегу, которые мы и устраивали время от времени.

Моя жена тесно сдружилась и с одной местной женщиной, живущей в нашем подъезде. Над нами, на четвертом этаже, проживала азербайджанка из Баку, жена алжирца, учившегося в Азербайджанском индустриальном институте. У Нонны и Мухаммеда было двое детей, мальчиков.

В нашей группе было несколько интересных личностей, с которыми я охотно общался. Евгений Басик был среди нас самый что ни на есть оптимист, никогда не падал духом. Он приехал из Белоруссии и работал переводчиком. Его жена Татьяна тоже излучала радость и заражала ею других. Ей очень шла роль Снегурочки, коей она и была на всех наших новогодних представлениях. У моей жены были с ней добрые отношения, а с Евгением мы иногда ездили погулять по Алжиру. Между прочим, Евгений, как и некоторые другие из наших, был на колесах (пускаясь в командировку за границу, личный автомобиль можно было прихватить с собой). Далее — Олег Поликарпочкин, москвич. Он отличался большим неприятием алжирской действительности. Местную экзотику, которая увлекала меня, он терпеть не мог. Ему казались нелепыми женщины, завернутые в покрывала с ног до головы, раздражали назойливые дети, удручали помыйки в окружении множества кошек... Олег был одним из немногих, кто желал как можно быстрее вернуться на Родину. Но меня привлекала в нем именно его крайняя трезвость мысли на грани цинизма. Этим он был интересен. Олег, конечно, никогда не прогуливался по приморью, чтобы полюбоваться ландшафтом. Если он шел за город, то с конкретной целью — за грибами. В этих его походах я присоединялся к нему. Очень колоритной личностью был и Виктор Ахапкин, тоже москвич. Насмешник и юморист, он был всеобщим любимцем. Приведу одну из его шуток-приговорок. Во времена проблем с продуктами в последний год нашей командировки один из наших высказался так: «В этой разгильдяйской стране, кажется, уже коров не пасут и куриц не разводят. Осточер-

тела мне эта их рыба!» «И не говори! — воскликнул в ответ Виктор. — Нам бы мяса с курочкой да печку с дурочкой!»

Не могу не рассказать об одной замечательной личности, помешанной на чистоте и до крайности запуганной зловредностью африканских микробов и бактерий. Это Костя Талдыкин, москвич. Я мог близко наблюдать его в течение месяца — он был временно подселен ко мне в конце 1986 г. Костя делал большие запасы воды с уксусом и держал ее в своем личном ведре. Когда он хотел попить, он не набирал воду оттуда кружкой, а каждый раз лил в кружку через край ведра, чтобы не занести, не дай бог, в воду инфекцию. Я его очень смущал, когда приносил канистры воды с родника и пил ее без уксуса. По-видимому, такое стремление к стерильности стало причиной его двукратной простуды за тот месяц, пока он у меня квартировал. Мне он немного докучал, гоняясь за комарами и мухами по всей квартире. Но в общем мы с ним были в дружбе.

Интересным человеком был и Рене Хачиев. Бакинец, он был знаком моей жене со школьных лет. У нас он устраивал поэтические вечера для детей, в которых и я принимал участие. Человек восторженный и жизнерадостный, он мог восхищаться даже, казалось бы, обыденными картинами, сопровождая их необычными комментариями.

У меня были хорошие отношения со многими нашими специалистами. С доброй памятью вспоминаю своих ближайших сотрудников Алексея Потюкаева и Олега Циову, а также Каплана Унарокова, Руслана Султанова, Владимира Медведева, Александра Важеевского, Андрея Оноприенко, Дмитрия Румянцева, Ирика Шарафутдинова и переводчиков Рейна Альмере и Игоря Матерухина.

Руководители групп

Особенностью нашего пребывания в Алжире было то, что мы не были предоставлены самим себе — мы жили под неусыпным оком руководителя группы. Это был товарищ, который только этим и занимался, — он был освобожден от работы на предприятии. Кроме обычных обязанностей каждого советского руководителя — знакомить граждан с политикой Коммунистической партии и международной обстановкой, а также стоять на страже нравственности, наши руководители были обременены заботой о безопасности подопечных. Считалось, что опасность исходит как от экстремистской части местного населения, так и от желающих завербовать нас иностранных агентов (в том числе и алжирских). Усердие наших руководителей, настаивающих на угрозе для нашей жизни при любом осложнении международной обстановки, мы обычно оставляли без внимания, не ограничивая свои прогулки по городу и поездки в другие города, как нам предписывалось. Однако опасность оказаться под подозрением как «завербованному» мешала нашим дружеским встречам с алжирцами. Перед встречей с потенциальным иностранным разведчиком (а таковыми считались все иностранные граждане) нужно было заблаговременно предупредить об этом своего руководителя, а после встречи — письменно изложить свою беседу с иностранцем.

Кстати, осложнение отношений СССР с Западом произошло вскоре после моего приезда в Алжир. 1 сентября 1983 г. советский истребитель сбил южнокорейский пассажирский лайнер: наше военное руководство было уверено, что

его борт был использован американской разведкой для съемки военных объектов на Сахалине. Долгое время после этого нам предписывалось не гулять поздно вечером и не выезжать за город ни в коем случае.

Наши наставники отвечали не только за наше поведение, но и за наше здоровье. Они настоятельно рекомендовали мыть фрукты в воде с уксусом, а саму воду — кипятить. Это мне казалось странным, потому что на улицах довольно чисто и сухо от постоянного солнца (а ведь солнце — убийца микробов). Работа солнца хорошо была видна там, куда выбрасывают пищевые отходы, — эти места прилично пахли, потому что ничто не гниет, быстро высыхая, к тому же рядом обычно цветут кусты роз. Но, как позже выяснилось, воду из-под крана нужно было, действительно, кипятить, причем кипятить длительно, в течение нескольких часов, чтобы избавиться от солей, которые, вывариваясь, откладывались на дне посуды и по бокам кипятильника толстым слоем. Впрочем, через какое-то время мы с женой стали ходить по воду к ближайшему к нашему дому оврагу с родником, вода которого была нормальной солености.

Руководителем нашей группы первые два с половиной года был товарищ Фазлыев из Уфы. Это был довольно спокойный, незлобивый, незлопамятный и, я бы даже сказал, добрый человек. В повседневной жизни он не вмешивался в наши дела и никак не проявлял свое рвение руководителя. Все свои замечания о нашем поведении, а также наставления он высказывал только на собраниях группы. При этом он часто употреблял настолько неординарные обороты речи, что они становились частью истории нашей командировки. Например, он однажды заметил, что мы, мужчины, летом «слишком обнажаем тело, выступая такими лордами, так что арабки, потрясенные таким стриптизом, в испуге прячутся в свои виллы». Фазлыев был многоречив и говорил порой с большим пафосом. Основным оппонентом у него был наш насмешник Ахапкин. Имея острый нюх на забавное, он часто задавал каверзные вопросы или делал потешные замечания, вызывающие смех.

Вторым нашим руководителем был товарищ Шовкринский из Москвы. Этот «руководил» нами чисто формально. Он, кажется, проживал в г. Алжире, и мы его совсем не интересовали. По-видимому, началось ослабление напора партийной власти в наступающей перестройке. Мне он никак не запомнился.

Да, руководители групп были добрыми парнями, мало докучали нам, но основную работу свою (наблюдение за нашими контактами) выполняли исправно. Так, на третьем году командировки нас с женой стала «опекать» одна из переводчиц, назойливо навязывая свою дружбу. Моя жена, обладающая даром быстро распознавать людей, однажды прямо спросила ее: «Много ли компромата вы уже собрали на нас?» Та не моргнув глазом ответила: «Не беспокойтесь, о вас ничего плохого сказать нельзя». На этом наша дружба закончилась. Думаю, что причиной особого внимания к нам были не только наши несанкционированные встречи и общение с алжирскими соседями по подъезду. Я ведь, когда мне нужно было по работе, без оповещения своего руководителя и без переводчика встречался со своим алжирским шефом Теркмани, а в Сахаре имел беседу с одним из руководителей работ на месторождении, приняв от него визитную карточку! Кроме того, алжирские коллеги дарили мне подарки! Заместитель моего алжирского шефа привез мне из Парижа галстук, а один из алжирских инженеров подарил (а был канун Нового года) добротную оформленную книжку-календарь.

Вторая поездка в Сахару

Через два года наша группа закончила составление новой карты месторождения. Я уже смог написать свой отчет на французском языке. Затем я участвовал в составлении проекта дополнительных сейсморазведочных работ. Уже в начале 1986 г. полевая партия готова была к работе, и в феврале я должен был выехать в Сахару для проведения опытных работ по подбору параметров съемки.

Ко времени второй поездки в Сахару я уже достаточно хорошо говорил по-французски, чтобы работать без переводчика. При обсуждении процесса работы у меня вообще не было никаких затруднений, но я также смог обсуждать с алжирцами любые другие темы. Спрашивали, как это можно жить, не веря в Бога? Вы что, думаете, что Бога нет? Я отвечал, что не знаю, есть он или нет, но сомневаюсь в его существовании, потому что доказательств, что он есть, — нет. Они удивились моему ответу. По их мнению, а так примерно записано и в Коране, само чудо жизни, то есть всего живого, это наглядное свидетельство существования Бога. Мои оппоненты говорили также, что взрыв американского космического корабля (а эта трагедия произошла, когда я как раз был в Сахаре) — это наказание американцам за то, что они постоянно угрожают мусульманским странам. Этот случай мои оппоненты также приводили как доказательство существования Бога. Здесь я с ними не очень спорил...

Вызывали меня на разговор и о советском режиме (а также китайском). Мол, мало у вас там свободы и много репрессий. Я отвечал, что государственный строй — сложное понятие, каждая страна выбирает свой путь, ведущий ее к могуществу. Конечно, они донимали меня и корейским пассажирским самолетом, сбитым нашей ракетой.

Полевая сейсморазведочная партия на месторождении работала весь 1986 год, исключая июль и август (в эти месяцы, как самые жаркие, в Сахаре прекращаются всякие работы). По мере выполнения работ полевые материалы поступали в г. Алжир в вычислительный центр, для поездок куда мне регулярно предоставляли машину, чтобы я мог контролировать параметры обработки полевых материалов.

Алжирские праздники

Свой Новый год по лунному календарю алжирцы отмечают без особого энтузиазма. Первый раз я наблюдал это 16 октября 1983 года, в 1403 год переселения пророка Мухаммеда из Мекки в Медину. Никаких новогодних атрибутов, привычных для нас (фейерверки, ночные гуляния), я не видел. Мои алжирские коллеги говорили, что в этот день истинные мусульмане, если они живут в достатке, обязательно помогают бедным, неимущим и подают нищим. В общем, мусульмане отмечают этот день только приливами милосердия, ведь этот день — начало месяца мухаррам, месяца покаяния и служения Богу.

Первое ноября — годовщина революции, начало войны за независимость в 1954 г. В этот день в г. Алжире и других крупных городах проходят демонстрации. Накануне в честь праздника на предприятии обычно устраивался праздничный обед, но, конечно, без вина.

Самый главный светский праздник в Алжире — это, конечно, День независимости — 5 июля, установленный в 1962 г. Этот день и выходные дни перед ним отмечались особым возбуждением людей, повышенной приветливостью и доброжелательностью. Празднество сопровождалось демонстрацией — по главной улице Бумердеса прошли друг за другом несколько колонн горожан. Все колонны демонстрантов были из мужчин, кроме одной, прошедшей последней, составленной из женщин. Женщины, за редким исключением, шли закутанные в белую ткань.

Более возбужденно и массово алжирцы отмечают религиозные празднества. Главное праздничное событие года — праздник разговения после месяца-поста рамадан — Ураза-байрам. В рамадан положено вечерами гулять по улицам. Выходят обычно вскоре после захода солнца, когда можно уже перекусить. Гуляют часто всей семьей или в кругу знакомых, однако выказывают доброжелательность всем встречным. Вечерами на улицах тесно. Гуляют преимущественно мужчины, но также и женщины. Женщины одеты по-разному. Молодые, бывает, в брюках, женщины средних лет могут быть одеты в яркие одежды с длинными юбками.

Перед отъездом

В августе 1986 г. исполнилось три года моей командировке и наступил конец моего контракта. Наше начальство не собиралось продлевать его, и отпуск мне не был оформлен. Но алжирское руководство настаивало на том, чтобы именно я закончил обработку новых сейсмических материалов, отказываясь кого-то принять взамен. А работы сейсморазведочной партии в Сахаре должны были закончиться только к концу 1986 г. А после этого еще нужно время, исчисляемое месяцами, на обработку материала, построение карт и составление текста отчета! Две договаривающиеся стороны никак не могли прийти к согласию, и в таком подвешенном состоянии провел я в Алжире еще девять месяцев. Моя жена лето провела со мной, ожидая, что по осени мы уедем вместе, но, не дождавшись, уехала к детям в Новосибирск.

В сентябре я в третий раз побывал в Сахаре уже по собственной инициативе. Я посчитал, что не мешало бы для улучшения качества съемки попробовать другие параметры аппаратуры при приеме колебаний от взрыва. Я сказал об этом Теркмани, и он отправил меня в командировку на три дня.

На четвертом году пребывания в Алжире меня стала давить ностальгия. Оно и раньше было. Я заметил еще в Германии — за границей только первые два года переносишь сносно, спасает изобилие новых впечатлений. Затем ощущаешь, что ничего нового уже нет, все примелькалось, и возникает вопрос, а не пора ли домой? Там, конечно, тоже все знакомое, но — такое милое и родное! Эти мои трудности психологические совпали со временем экономических проблем в Алжирской Народной Республике. В последний год командировки с прилавков магазинов стали исчезать основные продукты питания — растительные масла, сыр и даже крупы и макароны, а также чай и кофе! Исчез мой любимый крупнолистовой зеленый китайский чай, к которому я пристрастился после того, как им меня угостили в Сахаре кочевники, расположившиеся на ночлег недалеко от базы сейсморазведочной партии. (Этот чай надо пить с молоком, и не обязательно верблюжьим, как меня угощали бедуины.)

В магазинах перед открытием у дверей стало скапливаться множество потенциальных покупателей, но только оказавшимся у прилавка первыми иногда что-то доставалось. В новом, 1987 г. правительство в очередной раз сильно сократило закупку продовольствия за границей (судя по газетам, на 17 %). В столовой на предприятии мясо исчезло совсем и нас кормили блюдами из курицы. Но вот кончились и кури, и пошла только рыба.

По весне 87-го многие из нашего контракта должны были отправляться домой, а некоторые собирались это сделать в течение лета. Может быть, поэтому наше празднование 8 Марта того года воспринималось всеми как прощание друг с другом и с нашей жизнью в Алжире.

Семнадцатого марта товарищ Шовкринский, наш руководитель, с нетерпением ожидавший Теркмани из длительной командировки, зашел к нему, чтобы установить, наконец, срок моего отъезда. Когда я назвал необходимое время для завершения работы, Теркмани сказал: «Хорошо, но, чтоб обезопасить себя от всяких случайностей, дадим ему еще неделю на случай возможного заболевания, например насморка, как вот у меня сейчас (а он сидел с сильным насморком, платочек у него был всегда в руке), и еще неделю на всякие задержки в работе. Это всего десять рабочих дней!» И добавил: «Не думаю, чтобы вы возражали из-за десяти дней, когда мы просим о таком специалисте». Он сделал ударение на слове «таком». Но это был, конечно, тактический ход, ведь если это оспорить, значит, как бы принизить своего специалиста. Так что на это Шовкринский только раскрыл рот, но ничего не сказал. Правда, когда он пришел в себя (ему ведь будет нагоняй от руководителей «Зарубежгеологии» за каждый день моей задержки), он ответил: «Хорошо, но тогда вы напишите письменную просьбу». Теркмани сказал: «Это — легкое дело!» Затем повернулся ко мне: «Вот видите, вы как раз к рамадану вернетесь домой! 27 апреля выезжаете, а 28-го — рамадан! Так что все в порядке!» Он, видимо, принимал меня за мусульманина.

Поведение руководителя нашей группы будет понятным, если учитывать, что советская администрация всеми силами старалась препятствовать задержке своего специалиста по просьбе алжирской стороны, подозревая, что он вошел в доверие к алжирцам неспроста.

Что касается подозрения меня в мусульманстве со стороны моего алжирского шефа, то я дал такой повод и нашим специалистам: на последнем году командировки, оставшись без жены, я совсем бросил употреблять спиртное. Надо сказать, что некоторые наши не поняли моего решения, а один из них порвал дружбу со мной, возмущенный тем, что я отказался выпить с ним бутылку водки.

Скоро отъезд! Хочется домой, но ведь человек обживаетеся на новом месте, и вот взгляд задерживается на примелькавшихся тебе местах, стараясь сохранить память о них. Так же и с людьми. С кем-то хочется лишний раз побыть, ощущая что-то общее, уходящее навсегда. Я чаще обычного стал ходить в гости.

В раздумье о своем доме, о своих детях я решил пойти к водонапорной башне на окраине города, чтобы ощутить прелесть алжирской природы и совершить как бы обряд прощания. Я остановился на краю откоса, с которого открывается вид на деревья, кустарники, пашни-огороды, на многочисленные домики-хижины по склонам, а за всем этим — недалекая цепь синеватых гор, а над ними — легкие облака. Стояла весна, воздух был наполнен ароматом трав и цветов. И я

совсем одурел от запахов зелени и земли, ведь ночью прошел дождь, и так чисто и довольно было все!

«А где же люди, что дышат этим воздухом?» — подумал я, потому что — никого кругом, а жилье далеко в долине, и не видно, есть ли там кто. И я иду по тропинке туда, где ближе всего виднелись крыши строений. И вдруг открывается мне хорошо видный сверху двор между несколькими маленькими хижинами, а в этом дворе собрались толпой детишки лет 5—10, и около них были две женщины. Компания была очень веселой и шумной. Все, в том числе и женщины, непрерывно двигались и говорили, а кто оставался на месте — тот не стоял, а подпрыгивал. Когда они увидели меня, то все повернулись в мою сторону, заговорив еще громче. Я, видимо, стал объектом их разговора, в котором часто слышалось: «Бонжур, мусье!» А некоторые дети кричали: «Бонжур, мадам!» — и смеялись. А я радостно наблюдал за этими симпатичными, необычными заморскими детишками, помахивая им рукой.

Накануне отъезда я зашел попрощаться с Теркмани. Я выразил ему свою признательность за помощь в работе (он поправлял мой французский, на котором я писал отчеты), а он пожелал мне всяческих успехов в жизни.

Конечно, я устроил отвальную. Народу было — вся наша группа (с женами, конечно). Я угощал их зажаренными в духовке курами, натертыми предварительно солью и пронзенными чесноком. Получилось изумительно вкусно, все это говорили. Кроме того, я всех «угощал» своей пародией на речи товарища Фазлыева на общих собраниях. Эта вещь имела еще больший успех, чем мои куры! Вся компания оживленно обсуждала «остроумные» замечания и высказывания нашего руководителя, вспоминая все новые и новые его перлы. А поскольку эти его «остроты» были часто по существу, то мы как бы с юмором прошли по нашей повседневной жизни в Алжире.

Я прилетел в Новосибирск накануне Первомайского праздника 1987 г.

* * *

Затруднения в обеспечении населения продовольствием, реально ощущаемые с 1986 г., наверное, вызывали недовольство алжирцев экономической политикой государства. И кажется, этим тотчас же захотели воспользоваться оппозиционные политические силы, прежде всего наиболее радикально настроенные. А таковыми в Алжире были фундаменталисты, которые обвиняли светские власти в отходе от ислама и требовали переустройства общества. Они наберут силу уже через несколько лет, но уже в последние годы моего пребывания в Алжире нам были видны косвенные признаки начинавшейся борьбы. К примеру, мы были свидетелями проверки на дороге, когда на пути от Бумердеса до Алжира полиция остановила наш служебный автобус, чтобы убедиться, что в нем нет того, кого они ищут. Такие проверки со временем учащались. Но мы тогда не могли и подумать, что до гражданской войны в Алжире остались считанные годы. А случилось это в 1992 г., когда легализованные радикальные исламисты чуть не захватили власть в стране, но были остановлены с помощью войск и сил безопасности. Началась гражданская война.

*Новосибирскому государственному
краеведческому музею — 100 лет*

Мария ОВЧАРОВА

КОЛЛЕКЦИИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В ФОНДАХ НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Новосибирский государственный краеведческий музей хранит богатейшие этнографические коллекции, которые являются важнейшим источником для изучения материальной и духовной культуры этносов, проживающих в Сибирском регионе.

Важным фактором, повлиявшим на его развитие, были масштабные переселения из европейской части России в XVIII—XIX вв., а в результате крестьянской колонизации в Сибири помимо славянских этносов во второй половине XIX в. появились как тюркские народы Поволжья и Приуралья, так и финно-угорские.

Поволжье и Приуралье — это особая историко-культурная область, географически находящаяся на стыке Европы и Азии, что предопределяет ее многонациональный облик. Среди основной массы русского населения там проживают и народы, относящиеся к двум другим крупным этнолингвистическим группам: тюркоязычной (чуваша, татары, башкиры) и финно-угорской (коми-зыряне, удмурты, марийцы, мордва).

Мордва — самый многочисленный финно-угорский этнос в России. По данным переписи 2010 г. он насчитывает 744 200 человек и наиболее компактно расселен в Республике Мордовии, при этом много мордвы проживает в Саратовской, Пензенской, Ульяновской, Нижегородской, Оренбургской, Куйбышевской, Кемеровской, Новосибирской областях, в Алтайском и Красноярском краях, в республиках Татарстан и Башкортостан.

Название *мордва* подразумевает два субэтноса — мордву-эрзю и мордву-мокшу; этнографические группы: эрзяне — шокши, мокшане — каратаи. Эрзяне и мокшане имеют разное этническое самосознание, существенно отличаются по антропологическому типу, расселению, традиционному быту, материальной и духовной культуре.

Чуваши — тюркский народ, основное население Чувашской Республики, хотя многие представители живут практически по всей России. Существует три этнографические группы: верховые чуваша (*вирьял*, или *тури*) — северо-запад Чувашии; средненизовые чуваша (*анат енчи*) — северо-восток Чувашии; низовые чуваша (*анатри*) — юг Чувашии и за ее пределами; степные чуваша (*хирти*) — подгруппа низовых чувашей, проживающих на юго-востоке республики и в сопредельных областях. Чувашский язык — единственный представитель болгарской группы языков в России, основное вероисповедание чувашей — православное христианство, но есть приверженцы традиционных верований и мусульмане.

Марийцы (самоназвание *мари*, *марий* — человек, мужчина, муж; устаревшее русское название — *черемисы*) — народ Российской Федерации (604 300 человек по данным на 2002 г.), коренное население Республики Марий Эл. Территориями преимущественного проживания являются Кировская и Свердловская области, республики Башкортостан и Татарстан. Выделяют три основные субэтнические группы марийцев: горные, луговые и восточные. Первые населяют правобережье Волги, вторые — Ветлужско-Вятское междуречье, а третьи живут к востоку от реки Вятки, главным образом на территории Башкирии. Говорят на марийском языке финно-угорской группы уральской языковой семьи. Верующие марийцы — преимущественно православные.

Крестьяне из регионов Поволжья в XVI—XVII вв. принимали участие в «вольной миграции», направляясь в Сибирь на поиски свободных земель; как правило, селились мордовские, чувашские, марийские семьи в этнически смешанных деревнях. Увеличение количества национальных переселенцев происходит в период столыпинской реформы, кроме того, важную роль в освоении сибирских просторов играла Транссибирская магистраль, ставшая главной осью массового оседания приезжих.

В силу хозяйственно-культурной специфики большинство мигрантов из Поволжья стремились образовывать новые поселения в предтаежной части Сибири, где основными источниками благосостояния были скотоводство, земледелие и ряд промыслов (пчеловодство, охота, добыча кедровых орехов, золотоискательство)¹.

Мордовское население в регионе к началу XX в. в количественном отношении заняло третье место после русских и украинцев, увеличившись до 44 334 человек², которые в основном проживали в Алтайской и Томской губерниях, являвшихся к этому времени крупнейшими ареалами расселения мордвы за Уралом.

В дальнейшем, в первой половине XX в., демографическое развитие мордовских переселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке определяли политические и социально-экономические процессы Советской России. Так, начиная с 1939 г. до переписи 1959 г. наблюдалось устойчивое снижение численности мордвы, потому что произошли существенные изменения в качественном ее составе — началось размывание моноэтнических сел, увеличилось число межнациональных браков. Это влияло на изменение национального самосознания, что вкуче с ликвидацией многих населенных пунктов, колхозов, совхозов и общими ассимиляционными процессами привело к сокращению мордовского населения в регионе.

¹ Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.). — Новосибирск, 1973. — С. 207.

² Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 553.

Мордовский комплекс, хранящийся в фондах Новосибирского государственного краеведческого музея, содержит более 40 предметов (конец XIX — середина XX в.), в нем представлены экспонаты, относящиеся к этнографическим группам мордвы-мокши и мордвы-эрзи. Это в основном вещи, принадлежащие к женскому традиционному комплексу, поскольку мужской костюм у мордвы еще в XVIII в. утратил многие самобытные черты.

Процесс комплектования коллекции предметов материальной культуры мордвы проходил по большей части в ходе экспедиций по изучению этнографии народов Сибири в 1920—1930 гг. Основной массив комплекса был сформирован в начальный период этнографического исследования Сибирского региона такими учеными, как Н. Н. Нагорская (Алтай, 1926 г.; Новосибирская область), С. И. Орлов, Е. Н. Орлова (Туруханский край, 1927, 1929, 1932 гг.; Нарым, Васюган, 1925 г.).

Почти все предметы мордовской материальной культуры, хранящиеся в краеведческом музее, являются привозными в Сибирь из регионов Поволжья (одежда, обувь, разные украшения). Это могло быть обусловлено достаточно сложным процессом изготовления, например, мордовской женской одежды (свадебная, повседневная, женская, девичья и др.) — обычно для каждого комплекта помимо ткани (лен, конопля) требовалось много нитей для вышивки, бисера, монет, раковин каури, парчи. Очень много усилий затрачивалось также на вышивку и создание женских украшений — не зря невеста начинала готовить себе приданое с 15 лет, ведь на изготовление только одной рубахи и головного убора уходила пара лет...

Сложный и тяжеловесный женский костюм (особенно его праздничный вариант) подчеркивал широко почитаемые в мордовском народе здоровье, силу и выносливость женщины, а благодаря общепринятому покрою индивидуальные особенности каждой фигуры нивелировались и подгонялись под устоявшиеся в народе представления о красоте. В Сибирь с переселенцами прибывали различные комплексы одежды эрзи и мокши, имеющие четкие различия. Исходя из устоявшейся классификации, в этнографической науке принято говорить о традиционных эрзянском и мокшанском подтипах комплекса мордовской одежды, каждый из которых имеет не менее полутора десятков разновидностей.

Традиционный мордовский костюм — особенно женский — очень красочен и разнообразен. В одежде каждой группы мордвы наряду с общенациональными наблюдаются и своеобразные черты, выражающиеся в различных составных частях, в материале, особенностях кроя и способах ношения, форме и материалах головных уборов, украшениях, характере орнамента, расцветке, деталях отделки, традиционном расположении вышивки. Основная часть женского традиционного костюма, как и мужского, — белая холщовая рубаха, различающаяся у отдельных групп мордвы по многим признакам, перечисленным выше.

Особенностью мордовского комплекса в нашем музее является наличие комплекта мокшанской женской одежды, который по покрою, специфике расположения вышивки, головному убору, нагрудным и поясным украшениям характерен для северо-западной группы мокши, большей частью проживающей в Мордовии в селах Темниковского и Ельниковского районов, северо-западной части Краснослободского района, северной части Атюрьевского района и

Мокшанская рубаха *шам*. Конец XIX в.

некоторых других. Для этого комплекта характерна туникообразная рубаха с клиньями в рукавах и вышивкой на плечах. Со временем эта рубаха становилась только нательной, поверх нее все чаще надевали своеобразное платье *нула* или закрытый передник с рукавами *сапоня*, вследствие чего количество вышивки на рубахах уменьшалось — в коллекции музея представлены две интересные мокшанские женские рубахи *шам*. Отличительной чертой мокшанских рубах являлось то, что по покрою они, как и эрзянские, были туникообразными, но расположение швов было несколько иное: перед и спину кроили из одного холста, перегнутого поперек, а бока — из двух более коротких холстин. Воротника у мокшанской рубахи также не было, а разрез на груди, как и у эрзи, был треугольный. Рукава мокшанской рубахи длиннее, чем у эрзянской, в вышивке преобладает черный и

синий цвет, среди узоров преобладают розетка, косой крест, звездочка (мокшанские вышивки выполнялись техникой набора, росписью, косым стежком).

Мокшанская рубаха *шам* (конец XIX в.) носилась с большим напуском, подбираясь красивым поясом или поясным украшением до колен, образуя большую пазуху так, что ноги женщины были открыты до колен и обертывались толстыми онучами (в коллекцию музея экспонат доставлен сотрудником Западно-Сибирского краевого музея С. И. Орловым в 1932 г., после экспедиции в Туруханский край). Сшита эта рубаха вручную из четырех полос отбеленного дмотканого льняного холста. Полотнище холста, перегнутое поперек, составляет перед и спину рубахи, бока состоят из двух более коротких холстин, рукава — прямые длинные притачные одношовные, без клиньев, с квадратными ластовицами из той же ткани. Грудной разрез имеет треугольную форму, на спине вертикальные швы стана имеют узкие полоски вышивки (на каждом по две), выполненной стебельчатым швом из синей шерсти. Плечи и подол рубахи украшены розетками и плотной вышивкой, выполненной ковровым швом и косым стежком синими, желтыми, зелеными, красными шерстяными нитями. Орнамент — геометрический, в виде ромбов, посередине центрального полотнища внизу — две розетки из шелковой ткани желтого и красного цвета, в каждую из которых вшита пластмассовая пуговица красного цвета.

По праздникам наряд женщины-мокшанки дополнялся надеваемым поверх ярко вышитой рубахи фартуком *сапоня* — в начале XX в. его шили из клетчатой красно-белой пестряди, цветного сатина или шелка. В наш музей в 1930-е гг. был привезен мокшанский *сапоня*, который сшит вручную из льняной пестряди и, имея очень хорошую сохранность, прекрасно демонстрирует традиционный вид этого фартука туникообразного покроя. *Сапоня* — отрезной, с нагрудной кокеткой, с присборенным передником из этой же ткани, рукава пришиты к кокетке, подол и манжеты украшены нашивками из лент, кружева, пайеток, тесьмы и блесток.

Еще одна рубаха *щам* мордвы-мокши в коллекции музея — белая с вышивкой. В XX в. мордовские женщины поверх подобной рубахи носили *нулу* — платье на кокетке с оборками, сшитое из сатина красного или розового цвета. Рубаха *щам* (конец XIX в., привезена Н. Н. Нагорской в 1927 г. из экспедиции по Алтаю) — туникообразного покроя, сшита вручную из грубого домотканого посконного (конопляного) холста, плохо отбеленного, серого оттенка. Рукава — из прямоугольных кусков холста, перегнутых по основе, слегка скошены к кисти и основанием пришиты к центральному полотнищу. Грудной вырез имеет треугольную форму, края подогнуты и прошиты вручную, спереди на подоле — разрез длиной 9 см. Рубаха декорирована вышивкой (крашеные шерстяные нитки красно-коричневого и черного цвета, плотная зашивка), которая спереди идет от линии плеча к груди короткими узкими продольными полосами. Другая же орнаментальная полоса опускается от линии талии переднего полотнища до разреза, обрамляя его края, а со стороны спинки идет поперек плеча продольными полосами по боковым сторонам; далее проходит вдоль рукавов, окаймляет края рукавов и подол. Именно поверх таких холщовых туникообразных белых рубах с тонкой линией вышивки девушки и замужние женщины надевали платье *нула*, которые были розового, красного или бордового цвета.

Платье *нула*, имеющееся в коллекции краеведческого музея, судя по деталям кроя, относится к западной группе мордвы-мокши Краснослободского и Ковылкинского районов Мордовии (экспонат доставлен сотрудниками музея из историко-бытовой экспедиции в Северный район НСО, 1982 г.) Платье принадлежало Голубевой А. Г., проживавшей в д. Чебаки, и, по словам сдатчицы, было ей подарено соседкой-мордовкой.

Платье *нула*. Начало XX в.

Платье *нула* начала XX в. — из сатиновой ткани бордового цвета, трапециевидной формы, сшито на швейной машинке желтыми хлопчатобумажными нитями из четырех полос сатина равной ширины, с пришитыми клиньями. Рукава прямые длинные притачные одношовные, с квадратными ластовицами такого же цвета, в плечевой части присборены, у кисти стянуты в манжет. К стану платья на руках строчным швом желтыми хлопчатобумажными нитями пришито два волана. Воротник-стойка с прямым разрезом и накладной планкой, на воротнике — застежка-крючок и две пуговицы.

У мордвы-эрзи традиционно рубахи были длинными, туникообразного покроя, без воротника, с треугольным вырезом на груди; носили такую рубаху, как правило, подпоясанной, с напуском (пазухой), она была богато украшена вышивкой, располагавшейся на плечах, вокруг ворота и по переднему шву рубахи, по спине, а также по подолу и рукавам. Вышивка у мордвы-эрзя была очень плотной, выполнялась шерстяными нитками; орнамент — геометрический, в расцветке преобладали красно-коричневые тона.

В коллекцию Новосибирского государственного краеведческого музея образец традиционной женской рубахи мордвы-эрзи — *панар* — был привезен экспедицией В. В. Сенченко в 1928 г. из с. Колывань Новосибирского округа Сибирского края.

Панар начала XX в. — туникообразного типа, шит вручную из домотканого белого льняного холста (из двух полотнищ, перегнутых пополам по линии плеча и сшитых по продольной нитке). На переднем полотнище внизу, по центральному шву — небольшой разрез для удобства шага, сверху, по центральному шву — глубокий V-образный вырез. В боковые швы сверху под прямым углом вшиты рукава — одношовные прямые, с ластовицей. Рубаха декорирована вышивкой, которая проходит по краю выреза горловины, спускается широкой полосой вниз до разреза и обрамляет его края. Со стороны спинки вышивка идет поперек плеча и продольными полосами с обеих сторон от центрального шва сверху и снизу (такие же продольные полосы вышиты и спереди по обеим сторонам от широкой серединной полосы), далее проходит вдоль рукавов, окаймляя их края и подол. Вышивка выполнена бордовыми и черными шерстяными нитями и металлическими пайетками (у нижнего разреза). Орнамент — геометрический, исполнен плотной (ковровой) зашивкой.

Важным атрибутом женского костюма у мордовских женщин являлся головной убор, игравший существенную роль в общем комплексе народного костюма. Кроме эстетического и практического значения головной убор должен был строго соответствовать возрасту женщины, отражая ее положение в семье и обществе³.

Женские головные уборы у мордвы различались: у девушек — просто вышитые или обшитые бисером налобные повязки, венки из искусственных цветов, тогда как у взрослых женщин было больше разнообразия. Кроме того, головные уборы различались по конструкции, материалу, по назначению (для свадьбы, для первых лет замужества, для женщин среднего возраста, для пожилых), и вдобавок уборы женщин эрзи и мокши имели существенные различия, обусловленные этническими и территориальными факторами. Характерные различия между эрзянскими и мокшанскими уборами отметил еще И. Г. Георги: «...мокшанки

³ Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. — М., 1973. — С. 139.

разнятся от эрзянок следующим только нарядом. Бабьи шапки делаются у них не столько высокие и вышиваются просто»⁴.

У мордвы-эрзи головные уборы замужних женщин должны были полностью скрывать волосы. Бытовало несколько видов подобных уборов, а самыми распространенными были высокие конической и прямоугольной формы на твердой основе — *панго*. Другие уборы — сороки в виде чепца из холста, полотенца, платки — также имели хождение.

В коллекции музея хранится типичный головной убор замужней мордовки-эрзянки — *панго* начала XX в., конической формы, на твердой основе, из белого домотканого холста, с длинной, спускающейся на спину лопастью, вышитой и украшенной блестками.

Головные уборы мокшанок сложнее и разнообразнее, чем у эрзи, — они могли быть двурогими, а многие даже состояли из нескольких частей. В фондах нашего музея представлен вид *бабань панга*, являющийся наиболее ранним видом мокшанского головного убора, вышедшим из употребления еще в конце XIX в.

Бабань пангу покрывали платком и надевали непосредственно на скрученные в два узла волосы — в XIX в. такой головной убор носили и молодые, и пожилые женщины, только у последних вышивка была более скромной. Как отмечает Н. И. Спрыгина, в прошлом нарядно вышитую *бабань пангу* дарила молодая сноха своей свекрови⁵.

Головной убор *бабань панга*, переданный в дар музею в 1926 г., представляет собой ручной работы холщовый трапециевидный чепец с лопастью прямоугольной формы и датируется серединой XIX или концом XIX в. Изготовлен он из льняного домотканого холста с использованием лент, парчи, мишуры, осколков разноцветного стекла, медных цепочек, бусин, монетовидных жетонов, вышивки, золотого шитья.

Основу чепца составляют сшитые куски белого холста с вставленным между ними картоном для создания формы, а верх, передняя и задняя части фрагментарно украшены красной тканью; рисунок — геометрический. Такой головной убор укрепляли на голове с помощью тесемок.

Особым изяществом и сложностью композиции у мордвы отличались женские украшения, изготавливаемые в основном из монет, бус, проволоки, бисера и раковин. Среди шейных украшений наиболее распространенными были бусы, а у мокшанок — большие, плетенные из бисера воротники *комбоне* с подвесками из жетонов. Специфическим украшением женского мордовского костюма была нагрудная брошь-заколка *сюльгамо*, скреплявшая край нагрудного выреза рубахи. Из поясных украшений эрзянок выделялся *пулай* — пояс, который носили сзади на талии. Мокшанки вместо *пулая* носили различные поясные украшения, чаще всего — парные подвески *цеконя* из раковин, бисера, цепочек. Прикреплялись к поясу и кисти из цветных шерстяных ниток.

В настоящее время в Сибири очень редко можно найти женские мордовские украшения, сохранившиеся в хорошем состоянии, но в Новосибирском государственном краеведческом музее есть достаточно интересная коллекция таких

⁴ Белицер В. Н., цит. соч., с. 147.

⁵ Спрыгина Н. И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии: по материалам экспедиции 1925 г. (Средне-Волжский Пензенский областной музей. Вып. 3.) — Пенза, 1928. — С. 18.

экспонатов, причем принадлежат они обоим субэтносам — и эрзе, и мокше. Правда, в коллекции из 14 единиц преобладают мокшанские украшения — 12 предметов.

Основа этого комплекса сформирована сотрудниками музея Н. Н. Нагорской, С. И. Орловым, Е. Н. Орловой и Г. А. Истоминым в 1920—1930-е гг. во время экспедиционных выездов, при этом большая часть мокшанских украшений привезены супругами Орловыми из Туруханского края (северная часть Енисейской губернии), а некоторые образцы — Н. Н. Нагорской из Бийского уезда Алтайской губернии; таким образом, наша коллекция в основном сформирована из предметов, доставленных на территорию будущей Новосибирской области из других регионов Сибири.

Предметной особенностью коллекции является наличие двух видов женских мокшанских шейно-нагрудных украшений: оплечья в форме воротника и оплечья с наспинными подвесками. Вид оплечья — *комбоне* — нагрудный воротник овальной формы из разноцветного бисера, нанизанного в определенном порядке и создающего геометрический узор; к нижней части нагрудника прикреплены монеты. По мордовским традициям, *комбоне* принято было надевать невесте на свадьбу, а молодой женщине носить по праздникам⁶. Второй вид оплечья также являлся свадебным атрибутом костюма мордвы-мокши — воротник находился на груди, подвески спускались по спине, бисерная бахрома доходила до пояса. Воротник оплечья выполнен простым способом бисероплетения в виде сетки; к воротнику на холщовых нитях, обмотанных канителью, прикреплены две массивные наспинные подвески из раковин каури и медных пуговиц, заканчивающиеся бахромой из цветного бисера.

Оплечье в costume мокшанки сочеталось с другими украшениями, в частности с гайтами (накосными украшениями) и бусами. В коллекции нашего музея

Мокшанские праздничные бусы *ашконя*

представлены разные бусы, которые у мокши в XIX и начале XX в. были очень распространены и разнообразны — иногда бусины нанизывали на одну нить, иногда на две, скрепленные вместе. Старинные бусы состояли из нитки черного и прозрачного стекляруса с подвешенными на цепочках к ней медными монетами. Подобный экспонат есть и у нас, это мокшанские праздничные бусы *ашконя* — на льняную нить сильной скрутки в шахматном порядке нанизаны бордовые и бирюзовые бусины, а через каждые три бусины на нить прикреплены медные крючки-подвески с одной бусиной

⁶ Белицер В. Н., цит. соч., с. 119.

и подвешенным к ней монетовидным жетоном (привезено Н. Н. Нагорской в 1930 г. из экспедиции на Алтай).

Бусы как у мокши, так и у эрзи были очень распространенным украшением; в конце XIX и начале XX в. особенно ценились бусы из красного и зелено-го стекла, которые называли «хрустальными». Девушки и молодые женщины предпочитали украшения из ярких бусин, тогда как пожилые носили бусы более темных цветов и одного оттенка. Особо у мокшанок ценились двойные бусы с бубенчиками из цветных бусин — праздничный вариант женского украшения, датируемый серединой XIX в. Ожерелье нагрудное женское *кярккс* (привезено сотрудником музея С. И. Орловым в 1932 г. из экспедиции в Туруханский край) — украшение округлой формы, состоящее из двух скрученных льняных нитей, на каждую из которых в шахматном порядке нанизаны стеклянные синие и светло-зеленые прозрачные бусины и подвешены медные пуговицы.

Важное значение в костюме мордвы имело нагрудное украшение — *фибула*. В коллекции нашего музея представлены очень интересные типы фибул, характерные для мордвы-мокши и мордвы-эрзи.

Уникальность фибул мордвы-мокши состоит в том, что это наиболее старый вид украшений, относящийся к середине XIX в. и отличающийся от других своим размером, — большой прямоугольный нагрудник на холщовой прокладке, на которую сверху нашиты разноцветные бусины, а в верхней части все украшено бисерной вышивкой и раковинами каури. В коллекции музея имеется и фибула середины XIX в. мордвы-эрзи — украшение традиционной трапециевидной формы, с верхней частью, представляющей собой медное овальное несмыкающееся кольцо.

Мордовские пояса всегда были очень разнообразны и интересны, их делали обычно из разнообразных шерстяных ниток домашнего прядения. Уникальность имеющегося в нашей коллекции женского мокшанского пояса состоит в его полноценной сохранности со всеми характерными многочисленными подвесками: от сплетений из раковин каури, цветных бусин, пуговиц до бахромы из красных шерстяных ниток.

В народной среде главным достоинством мордовской женщины считались здоровье, сила, выносливость, поэтому весь женский костюм подчеркивал эти качества — напуск рубахи, многочисленные нагрудные и набедренные украшения зрительно делали женскую фигуру более фундаментальной.

Существенную роль в создании силуэта костюма эрзянской женщины играло набедренное украшение *пулай*; наиболее старым считается *пулай* без валика — *пулокарск*. Тяжелый, с длинными кистями *пулай* акцентировал внимание на бедрах и придавал женской походке плавность. Эрзянский *пулай* по традиции первый раз надевали в 13—14 лет и носили до глубокой старости, он был обязательным и при похоронах эрзянок⁷. В настоящее время этот вид украшений в основном можно встретить только в музейных коллекциях, и один *пулокарск* хранится в наших фондах — он являлся характерным набедренным украшением девушек и замужних женщин-эрзянок. В коллекции музея представлены в основном женские украшения, в большей степени относящиеся к одной этнографической группе — мордве-мокше.

⁷ Белицер В. Н., цит. соч., с. 147.

Основной массовый поток миграции чувашей в Сибирь пришелся на 1920—1930-е гг., проживали они совместно с русскими, украинцами, образовывали и моноэтнические чувашские поселения — в конце XIX и начале XX в. на юге современной Тюменской области возникло несколько десятков чувашских и чувашско-русских селений. Следующие волны переселений чувашей Поволжья и Приуралья связаны с индустриализацией и освоением природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Всего в 1939—1959 гг. из Чувашской АССР в Алтайский и Красноярский края, Тюменскую и Иркутскую области переселилось свыше 35 000 человек. Новые мигранты продолжали прибывать также и в последние десятилетия XX в. — главным образом, в нефтесодержащие районы Тюменской области. В смешанных сельских населенных пунктах чувашаи расселялись компактно, нередкими были «чувашские» улицы. В связи с ликвидацией «неперспективных деревень» в конце 1960—1970-х гг. и расформированием колхозов и совхозов в 1990-е гг. немало чувашских селений исчезло.

В Сибири и на Дальнем Востоке чувашаи образуют этнотерриториальные группы в масштабах одной или двух смежных областей, например, выделяются южнотюменская, новосибирско-омская, кемеровско-томская, иркутская группы. В конце XX и начале XXI в. численность чувашей Сибири и Дальнего Востока сокращается в связи с высоким уровнем миграции в западные регионы страны, а также в результате ассимиляционных процессов.

У чувашей одежда традиционного типа имела разнообразные формы и варианты для разных этнографических групп. Чувашская коллекция Новосибирского государственного краеведческого музея была сформирована из нескольких экспедиционных поступлений и случайных находок, а основная часть поступила в ходе историко-бытовых экспедиций в зону компактного расселения чувашей на территории Северного и Кыштовского районов Новосибирской области в 1980—1990-е гг.

Музейные исследования, тенденции развития военного и послевоенного регионального краеведения не затрагивали поволжских переселенцев, поэтому только в результате случайных выездов музейных сотрудников удалось обнаружить зону компактного расселения чувашей. Комплекс, хранящийся в фондах НГКМ, насчитывает более 40 предметов, относящихся к концу XIX и середине XX в., и включает в себя вещи, которые в основном характерны для двух этнографических групп чувашей: низовые (анатри) и средненизовые (анат енчи). Это праздничные и повседневные женские рубахи *кепе*, передник, опояски, нагрудные и поясные украшения, головные уборы *сурпан*, лента *масмак* и др.

Во многих жизненных ситуациях роль женщин была более важной, нежели мужчин, поэтому девочек обучали очень многим навыкам, в том числе — изготовлению костюма и украшений. Это был трудоемкий и чрезвычайно ответственный процесс, имевший кроме утилитарного еще и духовное значение.

Уникальное явление в традиционном чувашском женском костюме — *сурпан*, который, как правило, шился для женщины перед свадьбой, а после замужества носился чувашкой ежедневно. *Сурпан* — удлиненное полотнище, полностью закрывавшее волосы и шею; концы очень часто орнаментировали вышивкой и лентами, они свешивались на плечи и спину. *Сурпаны* у анатри (низовых чувашей) были гораздо шире и длиннее, чем у других групп.

В нашей коллекции хранятся шесть *сурпанов*, из которых четыре относятся к анатри, два — к вирьял (верховым чувашам). Один из *сурпанов* был подарен музеем в 1987 г. В. А. Петровым, проживавшим в Новосибирске. Он принадлежал его матери М. К. Черновой, родившейся в 1892 г. и проживавшей в д. Мартыновке Богородской волости Чебоксарского уезда Казанской губернии, и являлся составной частью ее свадебного костюма, изготовленного бабушкой сдатчика Е. Д. Селивановой на свадьбу дочери.

Разница в способах ношения *сурпана*, в прикладывании *масмака* существовала почти для каждой деревни.

Один из хранящихся в нашем музее *сурпанов* верховых чувашей был привезен сотрудниками музея в 1999 г. из историко-бытовой экспедиции в Кыштовский район НСО. *Сурпан* был подарен А. Е. Лапиной, проживавшей в с. Новониколаевка. Со слов сдатчицы, *сурпан* был изготовлен ее матерью, А. Д. Киселевой, родившейся в 1888 г., на свое венчание.

Поясное украшение *сара* подвязывали на пояс сбоку или сзади, и, как правило, оно дополняло костюм невесты, а потом его носила уже замужняя женщина, надевала сваха на свадьбу, кроме того, имелись и праздничные варианты. *Сара* имеют плотный геометрический многоярусный узор, изготовлены из кумача, обрамлены лентами и бахромой. В нашей коллекции представлено два *сара* начала XX в., относящихся к верховым чувашам, и *сара* конца XIX в., характерное для средненизовых чувашей.

* * *

В Сибирском регионе марийцы (в отличие от других народов Поволжья) появились сравнительно поздно — в годы Великой Отечественной войны множество выходцев из Марийской АССР участвовали в строительстве промышленных гигантов Красноярского края. Во второй половине XX в. основной зоной расселения марийцев в Восточной Сибири был Красноярский край (2 204 человека) и Иркутская область (1 251 человек), в Западной Сибири — Кемеровская область (2 065 человек). В 1970—1990-е гг. продолжался приток марийцев (в основном в регионы Восточной Сибири), максимальная их численность на территории Сибири и Дальнего Востока составляла 23 582

Сурпан, подаренный музею В. А. Петровым в 1987 г.

человека. На протяжении 2000-х гг. сохранялась тенденция увеличения марийского населения на территории Тюменской области (по сравнению с 1989 г. на 80 % — 11 023 человека).

В Новосибирском государственном краеведческом музее представлена небольшая коллекция предметов, относящихся к женской марийской культуре, в частности — женская одежда, женские рубахи *тувыр* и фартуки *ончул-шовыч*. Предметы были привезены из экспедиций музея в 1980-х гг. в Венгеровский район НСО, а частично коллекция сформировалась путем закупки предметов, привезенных из других регионов.

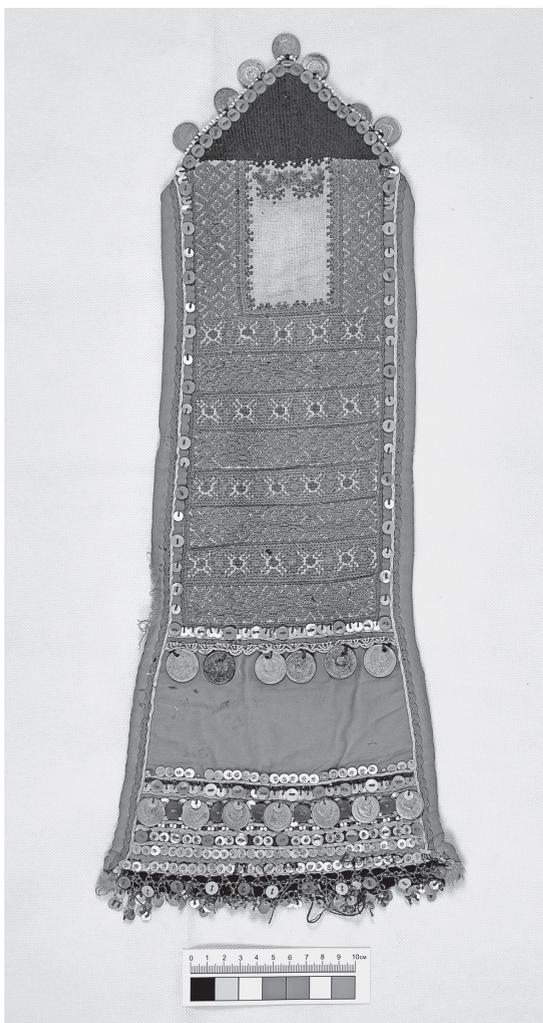
Марийские женщины издавна владели высоким искусством ткачества и вышивки. Женский костюм был сложнее мужского, имел больше украшений, но в основном все же повторял элементы мужского.

Основной одеждой марийцев была рубаха туникообразного покроя *тувыр*, штаны *йолаш* и кафтан *шовыр*; одежду носили с поясным полотенцем или с простым поясом. Мужчины могли надеть войлочную шляпу с полями или шапку, а для охоты и работы в лесу использовали головной убор, защищающий от комаров,

со свисающим на плечи *шлыком*. Обувью служили кожаные сапоги, а позже — валенки и лапти, позаимствованные из русского костюма; для работы в болотистой местности к обуви прикрепляли деревянные платформы *кэтырма*.

Основные части женского костюма (как и мужского) — рубаха, богато украшенная вышивкой, штаны, холщовый кафтан, передник, головной убор и лыковая обувь. Особо выделялись в женском костюме поясные подвески, нагрудные, шейные, ушные украшения из бисера, раковин каури, блесток, монет, серебряные застежки, браслеты, кольца. Существовали три вида головных уборов замужних женщин: *шимакиш* — конусовидный колпак с затылочной лопастью, надеваемый на берестяной каркас, *сорока*, заимствованная у русских, и *шарпан* — головное полотенце с очельем.

Высокий женский головной убор — *шурка* (на бере-

Шимакиш, головной убор замужних женщин луговых марийцев

стяном каркасе, напоминающий мордовский и удмуртский уборы) — вышел из употребления в XIX в.

Верхней одеждой были прямые и отрезные на сборке кафтаны из черного или белого сукна и шубы — *ужга*.

Хотелось бы остановиться на наиболее ярких вещах из нашей коллекции, в частности — на головном уборе *шимакш*. У нас имеются головные уборы замужних женщин, относящихся к луговой группе марийцев. *Шимакш* укреплялся на голове при помощи берестяного или войлочного колпачка, который в свою очередь надевали на скрученный пучок (или два пучка, стянутые двумя косичками) волос. Традиции ношения *шимакша* отличались расположением остроконечной части убора на голове: луговые марийки носили *шимакш* на темени, а восточные надевали его почти на лоб. *Шимакш* покрывали холщовым платком или косынкой *пылышмович*. Уникальность хранящихся в музее предметов заключается в том, что хоть они и датируются серединой XX в., но изготовлены с соблюдением всех правил и техник вышивки, характерной для *шимакши* конца XIX и начала XX в.

В настоящее время в обыденной жизни в нашем регионе практически не встречаются вещи, относящиеся к традиционной культуре чувашей, удмуртов, марийцев, мордвы, коми, — они являются редкостью, их можно увидеть только в экспозициях музеев.

В этой публикации мы сделали акцент лишь на некоторых предметах из достаточно массивного комплекса этнографических коллекций.

Коллектив Новосибирского государственного краеведческого музея очень рад, что имеет возможность знакомить новосибирцев и гостей города с уникальным этнографическим материалом по народам Поволжья в Сибири, — посетите наши постоянные экспозиции, и вы сами в этом убедитесь!

Андрей КУЗНЕЦОВ

ЖЕНИН САД

Каждый живописец мечтает о саде, но в большинстве случаев художники — плоть от плоти современного города, этого сложного сочетания людских масс и безликой архитектуры.

...Инерция жизни не дает нам осознать качество своей среды обитания, мы смотрим на окружающее подобно рыбе, не замечающей своего аквариума. Люди встроены в коллективное и конструктивное тем способом, который делает их крайне незащитными, как сказал один умный человек. Это — отношения зависимости и подчинения. Город дает нам кров и пищу, но оба эти блага скудны. Обмен, предлагаемый городом, оборачивается обманом, ведь скорлупа городского комфорта весьма тонка и податлива, а уязвимость человека в городе — абсолютна, и любой кризис приобретает катастрофический размах.

Но самое главное в том, что горожанин платит за свой комфорт высочайшую цену — отдает свободу. Поэтому личность в городе формируется не собственной волей и выбором — внешние связи, положение в системе и статус становятся бесконечно важными, в то время как внутреннее, сущностное ядро нивелируется. Подобный способ жить приемлем для клерка, но для художника он губителен, ведь сад и цветник, дом и дерево для живописца совсем не то, что для обывателя, это не объект для получения удовольствия, не пространство для отдыха, не предмет обладания, — это источник своего рода волнения, раздражения, небрасываемое обременение.

Созерцание художника не пассивно, и природа для живописца — поле опасных

экспериментов. Бесконечная изменчивость природного ландшафта — идеальный объект для творческого созерцания, но взгляд художника не отдыхает — он напряженно мыслит зримыми формами. Линия и пятно, оттенок, полутон — это «слова», с помощью которых живописец пытается разгадать вечную загадку. Тренированный мозг живописца постоянно сопоставляет цвета и оттенки, все расчленяет и объединяет: как в алхимическом котле, формы и смыслы живописец сплавляет в целое — субстанции смешиваются и дистиллируются, чтобы приобрести новое качество — уже доступное зрителю. Художник черпает живую энергию из разных источников, его может привлечь и красивое, и безобразное, и безмятежность, и катастрофа, но есть атмосфера, в которой художнику дышать не удается, — это скучный мир дешево построенных микрорайонов с их монотонной и безвкусной разрастающейся «средой».

Художник по своей природе — заложник того, что видит, а главное следствие созерцания нашего современного города — усталость. Глаз человека, взгляд художника истощается в однообразности окружающего. Конечно, есть своя меланхолическая красота в городской «материи», но то, что нас вдохновляет, в огромном большинстве случаев — тень прошлого. В историческом ландшафте архитектура и природа уже вступили в симбиоз, научились совместной жизни. Но все мы видим, как городские пространства, места, пригодные для жизни, прогулок, созерцания, стремительно исчезают. Мы отказываемся от памяти, минувшего, для того

чтобы создать уродливую, искусственную, безумную «среду обитания», в которой художник может быть только мрачным свидетелем. Разрушаются памятники архитектуры, вырезаются деревья, и начинающим художникам почти нечего писать на пленэре в городе. Это — коллективный альтигеймер, коллапс, беспамятство, медленная катастрофа, и, возможно, только художник чувствует ее необратимость особенно остро.

«Уязвимость текущей жизни города, ее скрытая природа обнажается в момент катастрофы, когда пресекается непрерывность связей» — вслушавшись в эти слова, мы поймем, что органическая связность жизни в городе утеряна. Утрачен ее центр, и художник, уже потерявший родовую связь с городом, начинает свое бегство вовне. Нам повезло — вокруг города множество почти нетронутых вольных просторов, и художник уходит к самой границе обитаемого пространства, в свой фронтир — в деревню и лес. Конечно, «свобода — то, что следует создать, отвоевать», и необходимо отказаться от predetermined судьбы, ведь только свободный может творить... При этом нужна очень высокая степень свободы, чтобы нырнуть в глубину и достать невиданное сокровище, которое неизвестно тебе самому (самая простая метафора труда художника), но не меньшая сила необходима и тому, кто решил оторваться от привычного комфорта и основать новый центр своей жизни.

В Непале человек путешествует в течение года, прежде чем найдет место для своего дома, а в наших условиях этот выбор управляется случайностью: друзья-первопроходцы пригласили к себе, обстоятельства позволили купить неприятельный домик — и судьба решена. Новая жизнь начинается незаметно. Она медленно становится основой, базой, к которой хочется бесконечно возвращаться. Бегство, движение оборачивается покоем, остановкой. Человек-художник «оседает» на земле, укореняется в месте, на открытом просторе.

Абсолютный центр этого места, Сад — воплощение свободы, уединения, которое позволяет художнику быть собой, то есть тем, кем он хочет быть. Но это не сад-картина Моне, не цветник. Скорее, это свой Лес — царство особого порядка, совершенно чужеродного для человека современности. Но художник — не совсем «человек», его инстинкты архаичны, его взгляд по-первобытному обнажен, а повадки подобны детским или дикарским. Единственное, что он возделывает в своем Саду, — он сам.

Художник — собиратель, он находит вещи, которые незамедлительно делает частью своих работ: остановившие взгляд предметы, плоды сада, травы и ветви, — они меняют свою изначальную природу, трансформируются в процессе изображения, становятся «плотью». Каждый объект в деревне не изолирован, он включен в общий круговорот, он несет в себе отсвет каждой фазы годового цикла, разрушается или возрастает, и в силу этого становится интересным для живописца.

Природа живописи — процессуальна, ее основа — отражение движения и взаимного перехода главных сил, действующих в природе. Эти начала очевидны — летняя зелень (живописцы знают, как сложно ее написать), многообразие земляных и древесных оттенков осени (благодарной поры для любого живописца) и, конечно, весенний взрыв цвета, растворяющий материальность.

Художник бежит из города к себе и своим близким. От множества — к одному. Город с его коллективными формами жизни и разнообразным шумом — апофеоз временного — исчезает, чтобы уступить место лесу — пространству вневременного бытия, пространству, с которым возможно слиться именно потому, что ты сам становишься виден на его фоне, потому что ты почти один на один с ним, без мешающих посредников. В городе возможно быть одиноким, но в нем нельзя уединиться. Архитектура без людей, пугающая обнаженными рациональными объемами и пустыми площадями, и с

людьми — более привычная, почти незаметная в своем камуфляже примелькавшегося визуального мусора — в деревне, царстве дерева, почти не представима.

В движении за пределы урбанизации постепенно растворяется зримый образ обитаемого пространства, людских множеств, конструктивно оформленной городской пустоты. Глаз живописца, уставший от монотонности городской панорамы, от жестких столкновений прямых линий и плоскостей, находит отдохновение в мягкости форм, во взаимном перетекании ландшафтов, в игре света и сумерек, которая возможна только «на земле».

Дом — еще одно главное начало сельской жизни, еще один повод для творчества. Художник относится к нему как к своему новому холсту — очищает от наслоений, перекраивает, обнажает его простую красоту, бережно обустроивает и наполняет своими вещами. Часто этот дом становится темой бесконечных опытов — его рисуют и пишут, в него всматриваются и из него смотрят. Дом становится идеальным объектом для живописца, потому что он — часть пейзажа, внешнего природного мира и одновременно — нечто максимально близкое к телу, часть внутреннего опыта человека, его быта, его изменившегося самоощущения.

Совершенно не случайно темная деревенская изба становится главным фоном легких летних автопортретов — свет и тень, их контрасты в деревне совсем иные, нежели в городе. На воле меняется сама природа живописи — ее «текстура» становится многообразной: то по-архиповски «мясистой», то subtilной и нежной. Художник, его манера, разумеется, меняется во времени — за десятилетия меняется и облик Сада и Дома, отраженный в рисунках и на холстах. От графичной условности и архаики (признаков более ранних работ) живописец постепенно отходит, чтобы использовать всю силу и мощь масляной живописи. Но догм для человека, погруженного в искусство, не существует, и он с легкостью обращается к таким материалам, как пастель и акварель, к техникам,

которые незаменимы при изображении нежных субстанций и мимолетных впечатлений. В деревенской живописи почти отсутствуют жанровые границы: портрет, пейзаж и натюрморт — это части одного меняющегося целого. Главное — целостность образа и впечатления, идея и момент.

Изображенные на полотнах люди — особое начало, которому подчинено все. И путешествие в деревню — это приближение к новым людям, приносящим свои истории... В тотальной взаимной отчужденности городских жителей подобное уважительное общение с соседями и встречающимися, исполненное искреннего интереса, несмотря на дистанцию, — редкость, но и еще одна возможность для художника. Конечно, после самого себя (отметим особое качество автопортретов, их ценность) главный и наиболее дорогой предмет для живописца — близкие, самые верные товарищи в пути.

Люди на холстах и рисунках постоянно меняются, перестают быть персонажами, куклами в театрализованных постановках, их телесность как бы растворяется в живописной среде, в экстатическом созерцании художника. Любовно воссоздаваемые изменчивые образы людей на пленэре, сливающиеся с зеленью листьев, с сиянием летнего воздуха, — главное достижение живописца. И это не случайно, ведь конечная цель бегства из переполненного людьми города — человек. Жизнь на природе идилична, она позволяет сконцентрироваться на главном: простых радостях, первозданной красоте природы, общении с близкими, — на всем том, что в черте города, в бешеном ритме обыденности, блекнет и стирается.

* * *

Когда рассказывают о художнике, то положено в тексте несколько раз упомянуть имя и фамилию, но, мне кажется, и без того понятно, что текст именно о ней — о Евгении Шадриной-Шестаковой, живописце, графике, фотографе. А если вы не верите — посмотрите на ее работы, и поймете, что это именно так.

АВТОРЫ НОМЕРА

Васильцов (Пыркoв) Иван Владимирович родился в 1972 г. в Ульяновске. Доктор филологических наук, профессор Саратовской государственной юридической академии. Автор двух книг поэзии, книги очерков о саратовских писателях и монографии, посвященной русской усадебной литературе XIX в. Лауреат премии имени И. А. Гончарова. Живет в Саратове.

Корзова Ольга родилась в 1965 г. Окончила Архангельский государственный педагогический институт, учитель русского языка и литературы. Автор двух книг стихов и ряда публикаций в российских литературных журналах. Живет в д. Степановской Архангельской области.

Корниенко Игорь Николаевич родился в 1978 г. в Баку. Работал в СМИ г. Ангарска. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Октябрь» и др. Автор двух книг прозы. Лауреат ряда литературных премий. Живет в Ангарске.

Крапивина Марина родилась в Москве. Драматург, сценарист. Окончила Московский полиграфический институт. Пьесы и рассказы публиковались в журналах «Современная драматургия», «Литература», «Волга» и др. Пьесы поставлены в российских и зарубежных театрах. Живет в Москве.

Кузнецов Андрей Александрович родился в 1975 г. в Новосибирске. Учился на филологическом факультете НГПИ, затем — в Новосибирской архитектурно-художественной академии. Преподаватель Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета, автор статей о новосибирских художниках. Живет в Новосибирске.

Куницын Георгий Иванович (1922—1996) родился в д. Куницыно Иркутской области. В июне 1941 г. окончил в Киренске среднюю школу № 1 с золотой медалью. Доброволец, участник Великой Отечественной войны. Стал кандидатом в члены ВКП(б) в 1942 г. под Сталинградом, а в 1943 г. на Курской дуге вступил в партию. Четырежды ранен, награжден боевыми орденами и медалями. Окончил с отличием исторический и филологический факультеты пединститута (Тамбов), Академию общественных наук при ЦК КПСС (Москва). В 1961—1966 гг. работал в отделе культуры ЦК КПСС, в 1966—1968-м — в газете «Правда». Был снят с руководящих постов за отказ проводить репрессивную идеологиче-

скую линию партии в отношении творческой интеллигенции. Кандидат филологических наук, доктор философских наук, профессор ГМПИ им. Гнесиных и Литературного института им. А. М. Горького, академик РАЕН, автор нескольких монографий и многих статей. Член СП СССР, член Союза кинематографистов и Союза журналистов СССР. Отец четырех сыновей. Похоронен на кладбище в Переделкине.

Овчарова Мария Александровна родилась в 1979 г. в Барнауле. Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник ГАУК НСО «Новосибирский государственный краеведческий музей». Автор более 70 научных статей и трех монографий по этнографии переселенческих этносов в Сибирском регионе и этнографическим музейным коллекциям.

Савельева Елена Ибрагимовна родилась в 1973 г. в Перми. Окончила филологический факультет Пермского государственного университета. Работала журналистом, литературным редактором, копирайтером. Член Союза журналистов России. Лауреат литературного конкурса «Этноперо-2019». Публиковалась в «Сибирских огнях». Живет в Перми.

Соколов Станислав Евгеньевич родился в 1979 г. в Новосибирске. Окончил Сибирский государственный университет путей сообщения, факультет «Мировая экономика и право». Публиковался в «Сибирских огнях» (под псевдонимом). Живет в Новосибирске.

Стефанов Илья родился в 1937 г. в с. Журавка Новосибирской области. Окончил геологоразведочный факультет Томского политехнического института, кандидат наук. Работал на предприятиях, связанных с геологоразведкой месторождений нефти и газа. Автор нескольких поэтических книг и романа в стихах «Золотой ларец». Публиковался в журналах «Новосибирск» и «Сибирские огни». Живет в Новосибирске.

Шумарин Аркадий Юрьевич родился в 1968 г. в п. Гимолы Муезерского района Карельской АССР. Окончил Ленинградское радиотехническое училище № 1. Учился в Ленинградском техникуме советской торговли, в сельскохозяйственном училище г. Перхо (Финляндия). Индивидуальный предприниматель в области торговли. Ранее не публиковался. Живет в Санкт-Петербурге.

СИБИРСКАЯ ГОРНИЦА

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: sibirskieogni.pf

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.pf>

Сдано в набор 22.06.2020. Дата выхода № 7 за 2020 г. в свет 23.07.2020.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.